

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2016

Литературно-художественный журнал

Народный артист СССР Олег Табаков
в фильме «Несколько дней из жизни И. И. Обломова»

Народный артист СССР Олег Янковский
в фильме «Тот самый Мюнхгаузен»

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2016

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

11-12 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Николай ПОЛОТНЯНКО. **Гори, душа!**... 3

ОТРАЖЕНИЯ

Валерий КАЗАКОВ. **Уроки жизни** 14

ПОЭТОГРАД

Надежда МИРОШНИЧЕНКО. **На Родине.** 44

КАМЕРА АБСУРДА

Георгий ПАНКРАТОВ. **Два рассказа** 49

ПОЭТОГРАД

Наталья КОЖЕВНИКОВА. **Тень огня.** 60

ОТРАЖЕНИЯ

Нелли КРЕМЕНСКАЯ. **Преодоление.** 64

ПОЭТОГРАД

Олег ИГНАТЬЕВ. **Ожидание слова** 81

К 80-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Александр ДЕМЧЕНКО. **Прекрасное лицедейство** 88

ПОЭТОГРАД

Алексей БОРЫЧЕВ. **Мотыльковый туман по реке** 112

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Александр ЛЕПЕЩЕНКО. **Смешные люди** (*Роман*). 116

РЕЦЕНЗИИ

Елизавета МАРТЫНОВА. **«Слова же — существа живые...»** 145

К 90-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОГО РАДИО

Борис ОЗЁРНЫЙ. **Дети дяди Тома** (*Пьеса*) 147

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Василий КУРЫШОВ. **Записки личного характера** (*Продолжение*) 174

**Николай
ПОЛОТНЯНКО**

ГОРИ, ДУША!..

ДУША РОССИИ

Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России,
Как погорелец, потерявший дом.

То к Западу качнётся, то – к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладает к Богу,
То воспыхает верностью к Нему.

То, в смуту впад, опять себя терзает,
Без милосердья всё вокруг круша.
И только вещей чёрный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.

Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской голытьбе,
Господь поволит знать к Нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.

-
- Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в Алтайском крае. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первая поэтическая публикация состоялась в 1968 году в газете «Омская правда». С 1973 года писатель живёт в Ульяновске. Автор романов: «Государев наместник», «Жертва сладости немецкой», «Бесстыжий остров», «Загон для отверженных», «Счастлив посмертно», «Клад Емельяна Пугачёва», «Атаман вся гулевой Руси», «Минувшего лепет и шелест», «Всё где-то решено»; комедии «Симбирский греховодник», а также поэтических сборников: «Братина», «Просёлок», «Круги земные», «Журавлиный оклик», «Русское зарево», «Бунт совести», «Судьба России» и других.
С 2006 года – главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». В 2008 году был награждён Всероссийской литературной премией имени И. А. Гончарова, в 2011 году – медалью имени Н. М. Карамзина, в 2014 году – орденом Достоевского 1-й степени. В 2016 году получил премию Н. Благова.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭТА

Одушевляя ночь, исходит свет лучистый
Из тьмы, и над просторами страны
Сияют звёзды пламенно и чисто...
Как много их, как далеки они!

Но иногда мне кажется, что рядом
Пульсируют они, как будто ртуть.
И я слежу за ними ждущим взглядом,
Стараясь не мигнуть и не спугнуть.

И в тишине сияния ночного
Я верю, что пробьёт урочный час
И прозвучит спасительное слово
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткётся из крупинок света
И ярко вспыхнет письменами звёзд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост –

Как отраженье Божьего сиянья,
И падших нас услышит, и узрит,
И чаянья народа и страданья
Глаголом милосердным утолит.

МЕТЕЛЬ

День шёл к закату.
Боязливо
Сокрылось солнце в тьме густой.
Позёмки белые извивы
Текли по улице пустой.

Два фонаря плеснули светом
На школу, баню, магазин.
Струился флаг над сельсоветом
Сквозь пряди белых паутин.

Смеркалось. Непогодь крепчала,
Взбивая снежную волну.
Я взял стакан крутого чая
И обратил свой взгляд к окну.

Метель ко мне в проулок узкий
Заволокла свой пышный хвост.
Сначала кралась по-пластунски,
Затем, поднявшись в полный рост,

Кружилась, прядала, свистала,
Визжала, плакала, мела,
Снега в сугробы трамбовала
Ничуть не ниже крыш села.

Была в ней творческая сила,
На всё, что есть, летучий взгляд.
Она легко преобразила
Меня на свой метельный лад.

Пока моя поэма-птица
Ещё не встала на крыло.
В чужом доме с пустой божницей
Зачаться ей не повезло.

Я начал плыть, не вспомнив Бога,
И вскоре тяжко сел на мель.
Но мне явилась вдруг подмога –
Слепая, буйная метель.

Она меня расшевелила,
Растормошила улей слов.
Душа в себе достала силы
Освободиться от оков.

И замелькали роем лица,
Прощанья, встречи, поезда...
И ожила поэма-птица
В горниле творческом труда.

Я записал всё то, что пела
Метель всю ночь.
В начале дня
Поэма-птица ввысь взлетела,
Освободившись от меня.

Её началом был случайный,
Поэта осенивший бред.
Она собой явила тайну
Преображенья слова в свет.

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

На кладбище, пристанище людском,
Всем грустно от предчувствия разлуки.
В старинный храм, овеянный снежком,
Крестясь, входили дети и старухи.

Я обошёл его со всех сторон.
Сырые стены вспухли от мороза.
Ряды могил. Осины и берёзы
Вплелись корнями в запредельный сон.

Кресты и звёзды. Просто бугорки.
Пропеллер «яка». Кружева оградок.
О тех, что бесконечно далеки,
Теперь подумать можно без оглядок.

Кто им сейчас я, кто мне все они,
Лишь знаю я да старое кладбище.
Сюда, как на родное пепелище,
Я прихожу в родительские дни.

Есть час, когда душа беседует со мной
И, словно храм величественный, дума
О неизбежной бренности людской
Парит на крыльях городского шума.

ОЗЕРО НЕБЕСНОЕ

Рябь жёлтого песка, как черепаший панцирь,
Играет светом на прибрежном дне.
И золотых стрекоз порывистые танцы
Беззвучны в предвечерней тишине.

На берегах бессменным караулом
Стоит насквозь пронзённый солнцем лес.
И кажется, что озеро уснуло,
Вобрав в себя лазурный цвет небес.

Но гладь воды обманчива. Глубины,
Где бьют ключи, ознобно холодны.
Мелькают рачы клешни, щучьи спины,
И водоросли тёмно-зелены.

В них прячется большой замшелый камень,
Что ключ к разгадке озера хранит.
Здесь некогда, извергнув гром и пламень,
Взорвался над землёй метеорит.

Под ним кора земная расступилась,
С небес три дня потоки вод лились,
И озеро чудесное явилось,
Чтоб продлевать усталым людям жизнь.

Мне довелось однажды погрузиться
В живую плоть прозрачной воды,
И ощутить себя подводной птицей,
И видеть мир озёрной суеты.

Рябь жёлтого песка, как черепаший панцирь,
Играла светом на прибрежном дне.
И рыбьей молодежи затейливые танцы
Сверкали серебром в упругой тишине.

СЛОВО

Земля над бездною юлой
Летит сквозь звёздные метели.
И наша жизнь лишь еле-еле
Видна под облачной золой.

Она судьбы своей не знает,
Что, может, завтра всех нас ждёт.
Ведь время будущего тает,
А время прошлого растёт.

Во длани Божьей всё живое,
И в ней Земли конечный срок.
Быть может, Слово роковое
Для нас для всех промолвил Бог.

Оно уже летит стрелою
Сквозь тьму и свет скоплений звёзд,
Чтоб вспыхнуть взрывом над Землёю
И омертвить её насквозь.

И плоть земная с буйной силой
Извергнет плазменный поток.
И жизнь надолго станет глиной,
Пока о ней не вспомнит Бог.

МОРОК ПРЕДНОВОГОДНИЙ

Твои черты неуловимы.
И тщетно в памяти порой
Я их ищу. Как клубы дыма,
Они сквозят, проходят мимо,
Дразня затейливой игрой.

Я вижу цвет, я слышу звуки,
Но не вернуть их мне уже,
Не дотянуться до разлуки,
Не возратить глаза и руки –
И стынь отчаянья в душе...

Мы разошлись. Осталась тайной
Ты навсегда в моей судьбе.
Прошло полвека. И случайно
Я повстречал тебя в толпе.

Как обожгло! О боже, боже,
Ты не состарилась ничуть,
А стала краше и моложе,
И та же стать, и та же суть,

И тот же взгляд, слегка надменный,
Такой же локон золотой...
Но это был, увы, мгновенный,
Внезапный морок. Предо мной
Была стена и в ней пролом.
Я вспомнил этот старый дом.

Ты в нём жила тому полвека
И тень оставила свою.
Как будто вытаяв из снега,
Опять вернулась в жизнь мою.

Быть может, ты явилась зовом
Из тьмы, куда мы все уйдём,
Как солнце – заревом багровым,
И откровенье обретём,

Зачем на этом свете жили,
Зачем любили и грешили,
Летали, ползали в пыли,
Но счастья так и не нашли.

ДНЕЙ ПРОШЛЫХ НЕ ВЕРНУТЬ

Виталию Богомолу

С печальным шумом осени огни
Холодный дождь в пустынной роще тушит.
Дней прошлых не вернуть, а будущие дни
Ещё больнее выстудят мне душу.

Снег упадёт, морозный вспыхнет свет,
И не найти нигде следов былого.
И радость бесшабашных юных лет
Не возратить – заветного нет слова.

Над снежной новиной пустых полей,
Над памятью в ночи застонет вьюга.
В кругу весёлых и чужих людей
Меня забудет навсегда подруга.

И больше не поверю я в обман
Земного счастья и свободной воли.
Пустых надежд развеялся туман,
Но как сейчас мне жалко их, до боли.

Где тот мальчонка, веривший всему,
С поэмою восторженной в тетради?
Не дотянуться мне уже к нему
И головы вихрастой не погладить.

ВСЁ УХОДИЛО ПРОЧЬ И НАВСЕГДА

Я видел сон, что улетаю прочь
Из жизни человеческой куда-то
Во тьму, из коей поднималась ночь
Над пламенем последнего заката.

Внизу сияла русская земля,
Неся забот и огорчений бремя.
Там навсегда остались жизнь моя
И в суете растраченное время.

Всё уходило прочь и навсегда.
И в миг последний вспомнились родные.
Из времени, как будто изо льда,
Вдруг вытаяли тени их живые.

Как ты была прекрасна и чиста,
Любимая! Я видел миг разлуки.
Ты навсегда осталась у моста,
Застыв в немом и трепетном испуге.

Стояла на краю перрона мать,
Беззвучно над судьбой моей рыдая.
Я к ней тянусь, хочу её обнять...
И вечность ледяную обнимаю.

НАРОД

Пока Россия проморгается,
Чтоб видеть жёсткой правды свет,
Народ до рвоты нахлебается
И горьких слёз, и чёрных бед.

Но поумнеет он едва ли,
Мы долго будем – дураки.
Гнались за счастьем, а достались
Со всех сторон одни плевки.

Страна как скатерть самобраная:
Любой заезжий ест и пьёт.
И рабья доля окаянная
Народу душу мщеньем жжёт.

Он жаждет жить по справедливости,
Что потерял и не найдёт.
Ему не надо властной милости,
Он только Божию возьмёт.

Над ним опасно насмехается
Тот, кто его не хочет знать.
Он – как медведь: и улыбается,
И может в клочья разодрать.

МНЕ МНОГО СЧАСТЬЯ ОБЕЩАЛИ

Я весел был, когда в начале
Судьбы надеждами пылал.
Мне много счастья обещали,
Но я к раздаче опоздал.

За мной страны и душ разруха,
Кладбища мыслей и сердец.
И я давно уже не ухарь,
Не тот удалый молодец.

Печальна участь человека:
Смотреть и видеть мир насквозь.
Всё меньше в нём добра и смеха,
Всё больше горя, зла и слёз.

Всё меньше русского народа,
Не по породе – по уму.
Хотя есть, вроде бы, свобода,
Не отличить от света тьму.

Я весел был, когда в начале
Судьбы надеждами пылал.
Мне много счастья обещали,
Но я к раздаче опоздал.

СПАС ГНЕВНЫЙ

Когда на реках вспыхнет лёд,
Начнётся вьюг столпотворенье,
То всё вокруг приобретёт
Иное, грозное, значенье.

Пожухнет, вымерзнет трава,
И зазвенит ледком берёза,
И окаянные слова
Напишет Зло рукой мороза.

Они взойдут, как огонь, из тьмы
И ослепят людские души,
И ложью высушат умы,
И всё, что свято есть, разрушат.

Пробьёт последний час времён
Для соблазнённого народа.
И лак осыплется с икон,
Сойдёт с окладов позолота.

И станет каждого судьба
Видна насквозь и без изъятья.
И человек узрит себя
На месте Божьего распятья.

Исчезнут глубь и высота,
Пространство с временем сольётся.
И образ гневного Христа
На небе вспыхнет вместо солнца.

ПОЭЗИЯ

Разгона нет.
Чуть скорость наберёт
Мой стих и на крыло упруго встанет,
Прозреет мысль, надеждой дух воспрянет,
Как вновь полёт безмолвье оборвёт.

За жизнь свою несчётно много раз
Я погибал и воскресал, чтоб снова
Нести в себе заряженный фугас
Мне душу обжигающего слова.

Несчётно раз я поднимался ввысь...
И падал в пыль земную, обессилев.
Кто знает, сколько изломал я крыльев,
Пока не осознал простую мысль,

Что всё великое рождается в покое,
Лишь праздная душа беременна стихом.
И красота божественная в нём
Преображает мёртвое в живое.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОЭТА ИВАНА МАЛОХАТКИНА

Ронял сентябрь золотой
Листву с деревьев на дорогу,
Когда закончил путь земной
Поэт и душу отдал Богу.

Она взлетела как звезда,
Чтобы с землёй проститься сверху.
Его душа была чиста,
Пройдя суровую проверку.

Проверку голодом, войной
И данью сумрачному веку:
Тюремным сроком, Колымой
И зауральской лесосекой.

Там дух его окреп от бед –
В унылом лагерном бараке.
Там зародился в нём поэт,
Как лучик солнышка во мраке.

Он прожил жизнь, другим светя
Своей поэзией высокой.
И – простодушный как дитя –
Почил в согласье полном с Богом.

ГОРИ, ДУША!..

Боже, как печальна наша Россия!

А. С. Пушкин

В стране давно – ни мира, ни войны.
Утеряны концы. Не найдены начала.
Но я стремлюсь, чтоб и в слепые дни
Моя душа во тьме не угасала.

Гори, душа! Без устали гори,
Потёмки жизни разгоняя светом.
О нежности и счастье говори
Всем, кто стремится сердцем знать об этом.

Пусть мир, очнувшись, вспомнит о тебе,
Отринет все невзгоды и печали,
И человек почувствует в себе
Бескрайние и сказочные дали.

Отечество своё он в них найдёт,
Утраченное им в лихие годы,
Когда, лишённый воли и свободы,
Ограблен и унижен был народ.

Он до сих пор не встал ещё с колен,
На них он и ликует, и бунтует,
И, стоя на коленях, голосует,
И ничего не требует взамен.

В стране давно – ни мира, ни войны.
Утеряны концы. Не найдены начала.
Но я стремлюсь, чтоб и в слепые дни
Моя душа во тьме не угасала.

ВОЛЯ ЕСТЬ, НО НА ТОМ БЕРЕГУ

Ветер мечется в гулком дворе,
Как слепец, натываясь на стены.
Есть тревога в осенней поре,
Ожиданье крутой перемены.

В дни невзгод, как бывало не раз,
Мы сомкнёмся друг с другом сердцами.
Станет зримой духовная связь,
Неразрывней родство между нами.

Наступил беспощадный расчёт.
Глядя в бездну, душа обмирает,
Совесьт гложет сердца и гнетёт,
И людей к покаянью взывает.

Воля есть, но на том берегу,
И одна к ней дорога – сквозь муку.
И на белом как саван снегу
Все мы станем роднее друг другу.

**Валерий
КАЗАКОВ**

УРОКИ ЖИЗНИ

Сага о сельском учителе

ПОРΟΣЁНОК

Уж чего-чего, а поросят держать они не собирались. Хотели выглядеть интеллигентными и свободными как птицы. Ели варёную картошку с рыбными консервами, макароны, жаренные на подсолнечном масле, овсяную кашу с изюмом. Иногда им удавалось купить дешёвого мяса где-нибудь в Хрущёвке или Сталинском.

Анастасия Павловна научилась готовить пирожки с грибами, какие-то сдобные пышки и кренделя. Подозрительно скоро пополнела в талии, стала много спать и так же много есть сладкого. А Николай Алексеевич, её молодой муж, всё чаще и всё увереннее стал говорить о пользе капустных салатов, о свежих фруктах и овощах. Он уверял, что обожает постную пищу, но в его представлении она почему-то ассоциировалась с наличием разных экзотических продуктов, что было не совсем уместно в вятской глуши. Потом он как бы очень кстати вспомнил о хренотёре с томатами, о печёных яблоках и пареной репе. Анастасия Павловна слушала его и молчала. Ему показалось, что она не до конца понимает то, о чём идёт речь, поэтому он повторил:

– В наших условиях хренотёр может заменить всё. Полезнее его ничего на свете нет. А самое главное, есть его можно с чем угодно. С хлебом, с картошкой, с макаронами. Он возбуждает аппетит, и вообще...

– Я понимаю.

-
- Валерий Николаевич Казаков родился в 1955 году в селе Русский Турек Уржумского района Кировской области. Публиковался в журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Нижний Новгород», «Бежин луг», «Русское эхо», «Подъём», «Волга–XXI век». Автор книг: «Аборигены из Пентюхино», «Одна», «Другая жизнь», «Тень улетающей птицы», «Дисгармония». Член Союза писателей России. Лауреат премии имени Аркадия Филёва и премии имени В.М. Шукшина на Всероссийском литературном конкурсе «Светлые души».

– Вполне возможно, у нас будет много гостей. Я... я натру бог знает сколько хренотёра, ты же знаешь, какой я усердный, если нужно... и буду угощать им наших новых знакомых. У нас будет много друзей. Я познакомлюсь со всеми интеллигентными людьми в округе и постараюсь стать для них душой компании. Ведь есть же здесь какое-нибудь культурное общество. Как ты полагаешь? Прозябать без дела я не собираюсь. Культурные люди начнут бывать у нас, мы – у них. Мы будем беседовать о музыке и литературе, о живописи и философии... Только надо запасти побольше хренотёра. Хренотёр...

– Ну о чём ты говоришь, Коля! – вдруг остановила его Анастасия Павловна.

– А что?

– Неужели ты собираешься принимать гостей без мясных блюд? Это же неприлично. И вообще, ананасы, хренотёр, интеллигентные друзья... Вздор всё это! Фантазии... А для того чтобы иметь много мяса, надо просто держать поросёнка, как мои родители. Вот и всё.

– Может быть. Может быть, в чём-то ты и права, но я больше не собираюсь отмечать все праздники только с твоими весьма невоспитанными братьями.

– А чем они плохи? – удивилась Настя.

– Ты знаешь сама...

– Чем же?

– Когда они приходят к нам в гости, я перестаю чувствовать себя хозяином этого дома... Я тебе не говорил, но буквально вчера твой старший брат Фёдор бесцеремонно подошёл ко мне в магазине, дёрнул за рукав и попросил добавить тридцать рублей на пиво. Там была огромная очередь, и все люди это видели. Я, конечно, дал ему тридцать рублей, но что после этого обо мне подумали люди? Они могли подумать, что я и этот лохматый, грязный человек чем-то связаны. Что мы с ним друзья... Он сильнее меня и этим пользуется. Но в таких вещах со мной шутки плохи! Я боксом когда-то занимался. Да! И если я рассержусь... Если я рассержусь... Почему ты улыбаешься? Это вовсе не смешно. Помнишь, я показывал тебе синяк на правой руке. Это я шутя ломал кирпичи ребром ладони... И вообще, если мне надеть фуфайку на два размера больше – у меня тоже будут широкие плечи. Но это ещё не даёт мне права быть грубым. Грубым и бесцеремонным... Я тоже могу много выпить, однако же не пью лишнего.

– А при чём здесь фуфайка, Коля?

– Я говорю не о фуфайке. Я говорю о человеческом достоинстве. Как ты не понимаешь?! Я говорю о высоком чувстве долга, о нравственности. Даже живя в этой глуши, мы не должны терять лицо и стараться, по возможности, ставить перед собой высокие цели...

Анастасия Павловна с грустью смотрела на мужа и думала, что, должно быть, уже в первом классе он был очень занудливым.

Закончив говорить, он начинал готовиться к урокам, что-то сосредоточенно писал в толстой тетради, а ей от тоскливого безделья хотелось поскорее одеться, выскочить на улицу и бежать-бежать куда-нибудь вдоль высокого забора. Потом остановиться на берегу ночной реки, в прошлогоднем репейнике, и выплакаться навзрыд обо всём

на свете. После пролитых слёз у неё светлее становится на душе. В детстве ранней весной у Насти уже случались приступы меланхолии, но тогда они быстро заканчивались, а сейчас иногда продолжались подолгу и казались совершенно беспричинными.

Плохое настроение покидало Анастасию Павловну, когда они с мужем отправлялись в кино или просто гуляли под луной, взявшись за руки. Он рассказывал ей о школе, похожей на курятник, о том, что у них сейчас новый завхоз, с которым очень трудно найти общий язык. А впрочем, это сейчас не так важно, потому что дрова на будущий год они уже привезли, осталось только расколоть их и сложить в клетки. Анастасия Павловна говорила о том, что в бухгалтерии сейчас тоже стало трудно работать. В детском доме на кухне не хватает посудомоек и разнорабочих, их заменяют медсёстры и бухгалтеры. Из её речи выходило так, будто всё в детдоме скоро будут делать медики и экономисты: колоть дрова и ездить на лошади за хлебом, кормить свиней и чистить за ними навоз.

В местном клубе почти всегда было холодно и сильно накурено. Над сценой, под самым потолком, висел неширокий, но очень длинный плакат, изображающий крупнолицего землепашца, трактор и волнистое жёлтое поле, уходящее за горизонт. В ожидании кинофильма немногочисленные зрители лужгали семечки и плевали на пол. Из тёмного угла за портьерой пахло мочой. А под ногами даже во время сеанса бродило какое-то мохнатое животное и угрожающе рычало.

В общем, к концу кинофильма молодые супруги так застывали, что до самого дома неслись вприпрыжку и радостно повизгивали от предвкушения ожидающего их домашнего тепла.

Отогревались на кухне за чаем. От холодного осеннего ветра у них горели щёки и неподдельным весельем светились глаза. Хотелось подольше удержать эти счастливые минуты. Николай Алексеевич обнимал жену, наклонялся к её уху и начинал говорить ей красивые слова, примерно такие же, какими выражаются главные герои в фильмах о любви. Она слушала его и улыбалась. Он дотрагивался рукой до её щеки и почему-то сразу вспоминал новогодний праздник из далёкого детства. Детство сейчас представлялось розовым и румяным, как спелая антоновка. И чем дальше оно уходило, тем всё отчетливее была по нему ностальгия.

– Анастасия, как ты думаешь, в жизни есть какой-нибудь смысл? – вдруг спрашивал он.

– Никакого, – с улыбкой отвечала она.

– А по-моему, это слишком категоричное заявление.

– Нет. Иначе писатель Чехов ничего бы не написал. Ну, сам посудди, какой смысл в его «Чайке», в «Трёх сёстрах»? Если в чём-то есть настоящий смысл, то его можно выразить тремя словами. А из пустого в порожнее можно переливать без конца.

– Надеюсь, ты этим ни на что не намекаешь?

– Нет.

Но весной молодым супругам всё же пришлось купить поросёнка. Тесть настоял. Стал доказывать, что от этого всё равно никуда

не уйти: так принято в селе, так испокон веку заведено. Благо хоть поросёнок попался хороший. Гладкий такой, розоватый, ушастый, чем-то похожий на игрушечного слона. Он бегал из комнаты в комнату, мило хрюкал и шумно перескакивал через порог.

– Вот ты какой, хрюндя! – приговаривала иногда Анастасия Павловна, поглаживая его по белой спинке.

Поросёнок при этом недоверчиво мотал головой и убегал от ласк за печку. Анастасия Павловна умиленно провожала его взглядом и спрашивала у Николая Алексеевича не то шутя, не то серьёзно:

– Коленька, неужели мы его зарежем когда-нибудь? Он такой милый!

Николай Алексеевич делал удивлённое лицо и отвечал:

– Нет, конечно. Мы будем кормить его до старости, пока сам не умрёт.

– Ну, Коленька!

– И можешь передать своему папочке большое спасибо за подарок. Я не знаю, какова судьба этого зверя в дальнейшем, но в настоящее время мы вынуждены покупать для него молоко... А потом, вероятно, надо будет таскать откуда-то помои и собирать в лесу жёлуди... Не представляю, как мы докормим его до зрелого возраста... Да ещё, вдобавок ко всему, надо будет набраться смелости, чтобы лишить его жизни.

– Для него нужно срубить хлев.

– Для одного поросёнка – целый хлев? – удивился Николай.

– Но не держать же его на улице!

– Настя, я не плотник, но с завхозом я поговорю... Если, конечно, мы не найдём иных решений.

– А какие ещё могут быть решения?

– Ну, может, отгородить ему небольшую вольеру в лесу. Лес у нас рядом. И пусть живёт себе в родной стихии.

– Но поросёнок – это не кабан. Он вовсе не настоящий зверь... И вообще, папа говорил, что на первое время ему надо купить какой-нибудь крупы.

– Ну что ты говоришь, Настенька!

– Что?

– Ну разве ты не понимаешь, как всё это мелко и... глупо. Что это настоящая трясина. Сначала поросёнок, потом курицы, а потом и корова... Мы даже опомниться не успеем, как нас затянет в натуральное хозяйство. И потом, это же настоящая кабала!..

– А мне надоела капуста!

– Ну, это ещё не самое скверное, и...

– И разговоры об ананасах.

Потом всё лето только и было забот, что о хлебе да молоке для подрастающего поросёнка. Поросёнок быстро рос, с неизменным аппетитом ел всё, что ему приносили, в том числе и квашеную капусту, и картошку, и хренотёр. Он съел мешок овсяной крупы, съел всю морковь, которую великодушный тесть привёз из своего огорода. Съел всю траву вокруг дома и вырыл в огороде огромную яму, куда

в ненастные дни стекала дождевая вода и где не в меру растолстевший поросёнок стал принимать целебные ванны.

Для него два местных прощелыги, почему-то пользующихся репутацией хороших плотников, срубили маленький хлев, в котором поросёнок размещался на ночлег и откуда «рёхал» на случайных прохожих так громко и сердито, что они испуганно вздрагивали и старались поскорее миновать дом учителя... В общем, Николаю Алексеевичу порой казалось, что они с Анастасией Павловной живут сейчас только для того, чтобы досыта кормить этого проклятого поросёнка, который ничем не собирается рассчитываться с ними за труды.

Да тут ещё тесть подлил масла в огонь. Николай Алексеевич, как обычно при встречах, завёл разговор о низких нравах провинции, о бездуховности и традиционном российском пьянстве. Зашёл весьма далеко, стал цитировать Достоевского и Салтыкова-Щедрина, потом перешёл на Чаадаева. Только тесть на этот раз долго слушать зятя не стал, сказал, что они с Настей сами ничуть не лучше. Без коровы в деревне живут, можно сказать, никакого хозяйства не имеют. В кои-то веки одного поросёнка завели, зато рассусоливать мастера.

После этого разговора Николай Алексеевич дня два расстроенный ходил, тяжело вздыхал и досадливо морщился. А при случае пасмурно жаловался коллегам, что жизнь в селе устроена ужасно, даже, можно сказать, отвратительно.

– Ну, посудите сами, – запальчиво объяснял он, – ведь это каннибализм какой-то. В селе, чтобы хорошо питаться, надо кого-нибудь выкормить, потом нарезать его обыкновенным ножом и съесть... И никто, никто не задаёт себе вопрос: а имею ли я на это право? Ведь кому-то приходится расплачиваться за подобные убеждения своей жизнью. А вы представляете себе, что будет, если все захотят питаться исключительно мясом, как настоящие хищники? По земле потекут реки крови. Каждый будет ходить с ножом или саблей за поясом. И это будет в порядке вещей... Нет, я этого не понимаю... И вообще, чем свиньи перед нами провинились? Почему мы решили, что этих милых животных лучше всего употреблять в пищу? Вот мне, например, они нравятся, но вовсе не как мясо, а как живые существа. Они удивительно сообразительные, умные и непосредственные животные. Да вы посмотрите им в глаза! У них и глаза синие, как у людей. Единственное, чего им не хватает, так это воспитания.

Коллеги одобрительно кивали головами, снисходительно улыбались, переглядывались, но уверяли, что рассуждения Николая Алексеевича в чём-то нелепы и нет в них, к сожалению, никакой тонкой материи. Действительно, все хотят жить и дышать, но по каким-то неписаным правилам сильный всегда съедает слабого. Так заведено.

– Нет, это не закон жизни, – запальчиво возражал Николай Алексеевич, – это ничем не ограниченный эгоизм, потому что человек вполне способен обходиться постной пищей. Капустой и хренотёром. Жирная пища – это всего лишь дань традиции. Своего рода убеждённость, и больше ничего. Толстой же, к примеру, мясного не ел, и этот ещё... как его...

И не мог больше вспомнить никого, кто ещё не ел.

Закончилось лето, приблизились первые холода. Потом дождливые дни ветреной осени сменились стойкими морозами, и местные жители приступили к нещадной резке свиней. По выходным дням то там, то сям над тихими улочками Пентюхино вдруг раздавался жуткий предсмертный визг бедного животного, который тут же подхватывался жалостливым воем многочисленных местных собак. Потом крики стихали, и слышен был только гул паяльных ламп, да наплывал откуда-то резкий запах палёной щетины.

Только хрячок Николая Алексеевича жил как прежде. Он всё так же много ел, смачно чавкая над деревянным корытом, так же крепко спал в хлеве, а днём разгуливал по пустынному огороду.

Но однажды в субботу, как бы ни с того ни с сего, во двор учительского дома зашли два человека. Трифон Силантьевич Бздюлёв и Андрей Кузьмич Голенищин. У одного в руке была паяльная лампа, у другого из голенища сапога торчал огромный нож из самокала. Они пояснили, что Павел Семёнович, отец Анастасии, с ними уже договорился, так что сейчас от хозяев почти ничего не требуется, только небольшая бутылочка за работу. Всё остальное они сами сделают. Тут им помощники не нужны.

Николай Алексеевич со страху как-то не понял сразу, кто такой Павел Семёнович. Потом сообразил, что это его тесть, и побежал на кухню к жене. Взволнованным голосом сказал ей, чтобы всем остальным она сама руководила. Он не может. Он в этом беспределе не участвует. Это выше его сил.

Анастасия Павловна, по правде сказать, тоже немного испугалась, но бутылку всё-таки нашла и с мужиками о чём-то договорилась...

В это время Николай Алексеевич заперся у себя в спальне, лёг на кровать и закрыл голову подушками. Всё ждал, что ужасный предсмертный крик бедного поросёнка прорвётся сквозь все преграды. Но, к счастью, ничего не услышал. И от этого немного успокоился. Пересел на кресло возле окна, выходящего в сад, и просидел так часа полтора.

После резки мужики на кухне поджарили свежую свиную печень, выпили бутылку водки, о чём-то живо побеседовали с Анастасией Павловной и ушли, наследив на свежем снегу кровавыми подошвами кирзовых сапог.

Несколько дней после этого злополучного события Николай Алексеевич был сам не свой. Расстраивался и переживал, изводил себя жалостью. Анастасия Павловна заметила, как несколько раз он громко охнул, глядя на алый снег во дворе. Потом Николай Алексеевич из принципа не ел свиное мясо три недели. Но к Новому году всё же не выдержал – расслабился, помог жене прокрутить через мясорубку мяса и настряпать пельменей.

Когда пельмени уже были готовы, он, глядя куда-то в сторону, несмело осведомился, не мучился ли перед смертью бедный поросёнок? Что об этом говорили мужики? И Анастасия Павловна, стараясь быть серьёзной, ответила, что Трифон Силантьевич вообще-то большой мастер забойных дел, у него рука лёгкая. От такой руки скотина разом погибает...

А пельмени из свежего мяса получились очень даже вкусные, и, когда Николай Алексеевич их ел, он никак не мог решить для себя, что для него сейчас важнее – сытость или нравственность? Когда же хорошенько наелся, то понял, что с полным желудком о нравственности рассуждать как-то заметно легче.

НОВОГОД

Так в Пентюхино сокращённо называют новогодний праздник, не потому, конечно, что есть ещё Первомай и прочие праздники с названием в одно слово, а просто так, ни с того ни с сего.

Новогод Николай Алексеевич всегда ожидает с радостным нетерпением. А как же иначе, ведь это праздник из детства, из той далёкой поры, когда заветный кулёк конфет представлялся вершиной счастья, когда само ожидание манящего кулёка наполняло душу так же, как сейчас может наполнить её лишь поцелуй любимой женщины, подаренный случайно между слов в общей праздничной суматохе. И любимая женщина у Николая Алексеевича тоже есть – это Татьяна Стерлядкина. Эта женщина празднично красива, восхитительно свободна и удручающе равнодушна.

Когда Татьяна танцует, Николай Алексеевич любит пленительным полётом её ног, парящими складками её платья, загадочным профилем и глазами, отражающими разноцветные огни ёлки. Его манит к ней, но так танцевать он не умеет. Он вместе со всеми топчется на одном месте под музыку Давида Тухманова и видит перед собой внушительную фигуру Анастасии Павловны, от которой пахнет духами примерно так же, как из платяного шкафа – нафталином. Анастасия Павловна улыбается ему, и её щеки от частых морщинок становятся похожими на гармошку. Он тоже силится улыбнуться ей, но не может и с виноватым лицом понимает, что до веселья ему не хватает пары рюмочек водки. Вот выпил бы эти сто граммов водки, съел три-четыре скользких пельменя, потом поддел на вилку ядрёный твёрденький огурчик – вот тогда всё было бы в порядке.

Когда очередная песня закончилась, Николай Алексеевич оставил жену и вышел в фойе отдышаться. Там было холодно, как в погребе, накурено до ощущения тумана, и в этом тумане стояли полукругом мужики. Один из них что-то рассказывал, а остальные громко смеялись. Николай хотел подойти к мужикам, немного послушать, о чём они говорят, но передумал и прошёл мимо, на улицу. В дверях кто-то обогнал его и, проскрипев по снегу подошвами сапог, заскочил за бревенчатый угол клуба. Николай Алексеевич немного потоптался на крыльце и, сжавшись от холода, проследовал туда же. За углом Дома культуры скопилось уже человек пять мужчин, и все они аккуратно писали в широкую трещину на фундаменте очага культуры. Николаю Алексеевичу сделалось неловко, он стал искать глазами туалет, но не нашёл его и решил пройти дальше. Каково же было его изумление, когда, свернув налево, за массивный забор, он неожиданно спугнул стайку женщин, которые с дружным щебетом тут же упорхнули в новогоднюю

ночь, оставив на снегу желтоватые разводы. «Чёрт знает что!» – решил Николай Алексеевич и направился на поиски туалета.

Туалет он нашёл на краю соседнего оврага. Это был маленький покосившийся сарайчик, дверь в который невозможно было открыть, потому что она до половины была засыпана снегом.

На обратном пути в холодном фойе его остановил Евгений Иванович – школьный физрук. Евгений Иванович был красен как рак, излишне весел и просил поддержать компанию.

– Тут всего два шага шагнуть до моего дома. Чего раздумывать-то? Пошли!

– Перед женой как-то неудобно, – попробовал оправдаться Николай Алексеевич.

– Берём её с собой! Какой разговор! Настя у тебя баба классная, весёлая. Берём с собой. Ты давай одевайся пока, а я за ней сгоняю.

После небольшой отлучки в бодрый школьный коллектив, где по необъяснимой праздничной логике было всё-всё и даже чуточку больше того, что требовалось в данный момент Николаю Алексеевичу, он по возвращении в клуб почувствовал себя наравне с Татьяной Стерлядкиной. А что вообще должно быть такого исключительного в солидном мужчине? На нём прекрасный новый костюм серого цвета, белая рубашка и галстук в полоску, модные итальянские туфли. И вовсе не беда, что он немного лысоват. С его задатками грех было не показать себя в хорошем обществе. Вот возьмёт сейчас и пригласит на танец Татьяну. Закружит её, кружит, а потом как бы ненароком покажет ей своё лучшее па. Когда-то он занимался в кружке бального танца и делал успехи. Только бы зазвучала музыка Мендельсона.

И он действительно пригласил Татьяну одним кивком лысой головы, так как язык у него отнялся сразу же, как только он приблизился к ней. Она поднялась ему навстречу и затопила его своим восторженным видом. У неё блестели волосы и глаза, платье тоже блестело. Под своими нелепыми потными руками он почувствовал её упругую талию и с ужасом понял, что не поспевает за Татьяной. На бесконечных поворотах его заносит, отчего он вынужден смотреть вниз, чтобы случайно не отдавить ей ногу или, чего доброго, не упасть, потому что всё это мельтешит, кружится и перескакивает с места на место. Вероятно, он бы плохо кончил, если бы вовремя не оборвалась музыка. От танца у него так закружилась голова, что в первые мгновения тишины он ничего вокруг себя не видел.

Наконец, перед ним возникло улыбающееся лицо Татьяны. Она о чём-то спрашивала его.

– Да-а? – протянул он в форме вопроса и наклонил к ней голову.

– Я говорю: как вы себя чувствуете? У вас было такое лицо, как будто вы вот-вот упадёте.

– Неужели?! Я прекрасно себя чувствую! Правда, слегка кружится голова. Давно не танцевал, знаете ли. Хотя я бы с удовольствием пригласил вас ещё, если позволите.

Она удивлённо посмотрела на него и ничего не ответила. Он виновато заморгал, потом холодно поблагодарил её за танец и отошёл в сторону. Нашёл глазами Анастасию и стал пробираться к ней, проклиная себя за ненужную навязчивость. Магнитофон на столе взревел вновь, наполнив зал дребезжанием струн и громом барабанов.

– Что же ты говорил, что танцевать не умеешь? – спросила Николай Алексеевича жена, как только он приблизился к ней.

– Это было моё лучшее па!

– Какое ещё па? – не поняла Анастасия.

– Да это я так, про себя.

– Ясно, что не про меня... Под сорок лет тебе, Коленька, а ты всё в жмурки играешь. Нехорошо!

Николай Алексеевич сел рядом с женой на холодный диван и понял, что так уже было в его жизни. Правда, очень давно. Да-да, он прекрасно это запомнил. Как привезли к ним в Красноярск какой-то известный иностранный фильм, как показывали его два дня в переполненном Доме культуры. Как жили на экране красивые и свободные люди нездешней возвышенной жизнью, и он мечтал когда-нибудь пожить так же. Как звучала с экрана чудесная музыка, от которой почему-то хотелось плакать. И как потом вдруг, совсем неожиданно и некстати фильм закончился, со скрипом открывались деревянные двери Дома культуры, и потная толпа вываливала на тёмную осеннюю улицу, где холод, грязь, высокие покосившиеся заборы да лай собак.

Николай Алексеевич поднялся с дивана и снова вышел в фойе. В середине этого холодного помещения всё так же стояли трое тощих подвыпивших мужичков и курили, обмениваясь между собой празднично вздорными фразами. «Убого, до чего же убого всё!» – решил в сердцах Николай Алексеевич и зашёл обратно, потому что там, в просторном зале, хотя бы тепло и есть музыка.

Потом он весь вечер танцевал только с Анастасией Павловной, и ему показалось, что однажды Татьяна поглядела на него очень внимательно, можно сказать обольстительно, но с укором. А он постарался не обратить на это внимания. Сейчас он был благодарен только жене за всё. За то, что недурна, не глупа, как некоторые, и живёт с ним, с дураком таким, даже ревнует его. А ведь, в сущности-то, если разобраться как следует, он своей Анастасии не стоит. Она ведь всю свою жизнь на него положила и говорить умеет так, как будто накидывает пуховый платок ему на плечи. Чего ещё-то ему нужно?

Обратно из Дома культуры домой молодые супруги шли сонные. В ночи медленно падал снег, еле заметное утро проступало белым на востоке. Николай Алексеевич остановился, задрал голову и посмотрел в небо. Там, клубясь и пересыпаясь, летели к земле мелкие снежинки, чтобы упасть под ноги людям и стать обыкновенным сугробом. А в тяжёлой массе сугроба нет уже ни кружения, ни полёта – только холод.

На крыльце дома Анастасия Павловна долго искала ключ, под её ногами скрипели половицы, потные пальцы прилипали к холодному замку, и Николай Алексеевич успел удивиться тому, как тяжело она дышит. Должно быть, они оба уже непоправимо постарели. Другие

люди со стороны видят это, а они не замечают. Ведь душа у человека и впрямь не старится, она с каждым утром начинает новую жизнь.

Он включил в доме свет. Огромный серый кот спрыгнул с печи, подбежал к холодным ногам хозяина и стал тереться пушистой щекой о щиколотку, преданно выгибая спину. Николай Алексеевич нагнулся и погладил кота по тёплой голове. Какой всё-таки добрый кот, ласковый, шерстяной, и живёт с ними в одном доме, как родственник.

Потом на кухне пили чай, сонно переговаривались, вздыхали, настраивая себя на обычный жизненный лад наступившего Нового года.

ПРИЗНАНИЕ

Николай Алексеевич был женат. Его жена была высока, румяна и привлекала той сельской непорочной красотой, которую отличают высокая грудь, широкий таз и те пропорции тела, которыми примечательны статуи в тенистых скверах провинциальных городов, где тихое течение жизни издревле предрасполагает к излишней полновесности каждой детали. Большими талантами Анастасия Павловна не обладала, зато она умела прекрасно готовить салаты и печь блины.

Работала она счетоводом в колхозной конторе, получала за свой труд немного, но умела так одеваться, что всегда производила впечатление милой, привлекательной женщины. Вскоре после замужества она родила Николаю Алексеевичу двух курносых девочек. Девочки скоро подросли, и Николай Алексеевич иногда стал видеть в них прежнего себя. От этого взгляда в прошлое порой ему становилось чуточку грустно.

В доме у Николая Алексеевича всё было на своих местах, как положено. Прекрасный сервант с хрусталём, два ковра (один из них с традиционными оленями), люстра с лепным отражателем и бутафорский камин с нарисованными языками пламени, покрытый всегда тонким слоем пыли. В общем, дом тоже должен был производить приятное впечатление изнутри и снаружи. И самого Николая Алексеевича все в Пентюхино считали человеком очень положительным. Во всяком случае, такое он производил впечатление. Никто даже не подозревал, что Николаю Алексеевичу давно нравится другая женщина.

Другая женщина, конечно, была красива по-особенному. Она ходила по Пентюхино с гордо поднятой головой. Ее звали Татьяной, и была она чуточку сонной, чуточку медлительной, можно сказать, немного странной. Но эта странность почему-то не умаляла ее достоинств, скорее наоборот, придавала ей некой загадочности, некой тайны. И фамилия у неё была для здешних мест необычная. Её звали Татьяна Стерлядкина.

Николай Алексеевич иногда представлял, что было бы, решишь он подойти к ней и объясниться. Она, вероятно, тут же кинулась бы ему на шею и призналась, что она готова на всё, чтобы быть рядом с ним.

Но это, к сожалению, невозможно. Он женат, и у него есть дети.

Но однажды вечером, когда над селом кружила огромная стая ворон, а задумчивые местные грачи обсиживали маковку полуразрушенной церкви. Когда дул холодный северный ветер и моросил нудный дождь. Когда душа обыкновенного сельского учителя сжимается в комок, и он сживается с мыслью, что всё пропало. Когда очень хочется умереть от скуки, но смерть почему-то не приходит... – Николай Алексеевич решил идти к Татьяне, чтобы объясниться. Сколько же можно терзать себя этой неразделённой любовью, в конце-то концов?

В этот ненастный вечер Николай Алексеевич долго сидел в своём кабинете, прислушиваясь к быстрым шагам по гулкому школьному коридору. Потом выпил для храбрости двести граммов спирта, закусил рыхлой осенней помидориной, которая завалалась на подоконнике в каморке для инвентаря, и пошёл к Татьяне.

Он шёл по грязной, усыпанной мёртвыми листьями улице и чувствовал в душе несокрушимый восторг. Он сможет, он сделает сегодня всё как надо, ведь он любит! Ему уже казалось, что этого вполне достаточно, чтобы прийти к незнакомой женщине ночью. Он так больше не может один – от осени до осени, от встречи до встречи, от взгляда до взгляда – во тьме, в немоте, в незнании.

Надо пройти ещё несколько метров, и он окажется возле дома Татьяны. Она откроет ему дверь, что-нибудь спросит приятным голосом и проведёт в дом. А там светло, тепло, уютно и звучит музыка, тонко так звучит, плавно, с трепетным чувством. Должно быть, Чайковский или Мендельсон.

Николай Алексеевич подошёл к дому Татьяны и в нерешительности остановился. Замер. Сейчас нужно постучать в высокую дверь. Она со скрипом откроется, и он попадёт в земной рай. Но неожиданно Николая Алексеевича повело куда-то назад от желанной двери. Он неуклюже переступил ватными ногами и схватился рукой за низенький штакетник палисадника. Прислушался. Никакой музыки за окнами дома не звучало, зато в палисаднике вовсю цвели розы. И была совсем рядом цветущая женщина.

Она рядом, а он еле стоит на ногах. Ну надо же! И выпил-то он, кажется, немного, и шёл прекрасно, но мысли в голове какие-то странные. Как будто он только что проснулся и не может понять, что к чему.

Николай Алексеевич протянул за штакетник свою неуверенную руку и сорвал самый пышный цветок. Скоро заморозки – всё равно все цветы завянут. Поднёс розу к лицу, вдохнул её аромат – голова закружилась. Всё, кажется, хорошо, только стоит ли в таком виде заходить к любимой женщине? Это неприлично, даже скверно. Ну что он сможет ей объяснить в таком виде? Она впервые решится поцеловать его, а от него пахнет чёрт знает чем.

Николай Алексеевич, пошатываясь, направился вдоль палисадника направо. Кажется, там, за домом, стоит старый стог соломы. Он только отдохнёт там немного, посидит, подышит полной грудью – и у него всё пройдёт. Он снова станет трезв как стёклышко.

Николай Алексеевич садится к стогу, зарывается спиной в сухую солому и начинает думать о чём-то важном, что сейчас необходимо

понять. В стогу думать хорошо, тепло, совсем не так, как на улице под дождём и ветром. Только мысли в стогу становятся какие-то сонные, простые, и странные музыкальные волны накатываются откуда-то издалека. Плеск этих волн похож на завывание ветра. И вот из этих самых волн, из тёмной любовной немоты вдруг появилась Татьяна. Она в белом свадебном платье, над ней плывут белые облака, под облаками мельтешат белые чайки. Она несёт ему огромный букет роз. Он слышит её дыхание совсем рядом, но не может пошевелиться. Это любовь сковывает его. Он весь горит от любви, только ногам почему-то немного холодно...

Пробудился Николай Алексеевич от озноба. «Боже мой, я спал на улице!» – подумал он и очень удивился тому, что увидел. А увидел он рыжую траву в капельках росы, увядшие листья на всём, свои серые брюки и грязные ботинки на ногах. И в левой руке – огромную, поlyingающую алым цветом розу.

Совсем рядом был дом любимой женщины. И – что самое дикое – из этого дома его давно уже могли заметить.

И тут он вспомнил всё вчерашнее. Как шёл сюда по тёмной улице, вероятно, шатаясь и бормоча себе под нос что-то невнятное. Как кто-то попался ему на пути – стремглав отскочил в сторону и ждал, пока учитель пройдёт своей дорогой... Какое жуткое он произвёл впечатление! И вообще, к чему вся эта затея с объяснением? От всего этого только болит голова, пить хочется, сыро да холодно.

Николай Алексеевич осторожно поднялся с земли, зашёл за стог, отряхнул с коленей солому и с наслаждением помочился на мокрую листву. Потом долго оттирал концы брюк от грязи и чертыхался.

– Вы что, Николай Алексеевич, никак в лужу вступили? – спросил кто-то сзади.

Николай Алексеевич вздрогнул от неожиданности и с опаской оглянулся. За его спиной стоял местный печник Сергей Сергеевич, по прозвищу Кожух. Кожух почему-то тоже был весь в соломе и выглядел непродспавшимся.

– Да вот, угораздило... – ответил учитель, слегка смутившись.

– Бывает такое дело по осени... Вы никак уже в школу продвигаетесь?

– Продвигаюсь, а что?

– Хорошее дело, – с хитрецей в глазах продолжил Кожух, – а я вот здесь переночевал, знаете... Жена из дома турнула, по причине пьянства. Я в части злоупотреблений нормы не знаю. Такая натура. Но ничего, хорошо – свежим воздухом подышал.

– Ну-ну! – понимающе и вместе с тем озадаченно проговорил Николай Алексеевич. – Надо и мне продвигаться ближе к школе. Будьте здоровы!

Потом, уже недели через две, когда жена наконец простила ему эту бесшабашную выходку, Николай Алексеевич стоял за хлебом в длинной очереди и случайно увидел, как за огромным окном магазина прошла Татьяна Стерлякина. Она шла, гордо подняв свою краси-

вую голову, покачивая плавными бёдрами, и не обращала ни на кого внимания... Такая нездешняя, такая «не наша», что Николай Алексеевич с грустью почесал лысеющий затылок и подумал, что она ему явно не пара. Ну что он такое, на самом деле! Обыкновенный мужчина средних лет с синими невесёлыми глазами, одолеваемый мыслями о пропитании, деньгах и прочих прозаических вещах. Чем он может прельстить её? Такую... такую!..

И вдруг он снова не смог сдержать в себе волну обожания, волну тайной надежды. Это потому, что Татьяна остановилась и пристально посмотрела на него. Да-да, на него! Он не мог этого не понять, не заметить. Она выделила его из толпы этим своим мимолётным взглядом. Это у неё получилось просто и легко. Один этот взгляд сказал ему больше, чем все дни раздумий в одиночестве.

В хорошем настроении Николай Алексеевич вышел из магазина и как бы ненароком остановился на том же месте, где стояла Татьяна, когда подарила ему свой взгляд. Он посмотрел в огромное окно хлебного магазина... — и увидел в нём своё отражение.

ЛЕТО

Ах, Господи, до чего же Николай Алексеевич любил лето! Целый год для него был как длинная неделя, только лето — воскресенье. Летом он вставал необычно рано, необычно поздно ложился спать и даже во сне представлял себя счастливым. В этих счастливых снах его любили юные женщины, а он легко и умело соблазнял их, дарил им обязательные цветы и случайные поцелуи. В счастливых снах он был томительно молод, почти что юн, и его переполняла романтическая энергия любви. То было время исполнения желаний, тихой задумчивости и умиления — восторженное время.

Но приходило долгожданное лето — и на Николая Алексеевича наваливалась тяжёлая ручная работа. Он целыми днями мастерил парники, перекапывал гряды, ремонтировал заборы, что-то красил, строгал, прибивал и всё ещё продолжал мечтать: вот пройдёт эта трудная неделя, и наступит другая — лёгкая. Он расслабится и позагорает на солнце, поплавет с дочерьми на реке. Освежится, развеется, отдохнёт...

Но проходила трудная неделя, за ней наступала другая — такая же трудная, а неотложных дел почему-то всё не убывало. Впечатление было такое, как будто с каждым днём этих дел становилось всё больше.

К тому же в начале июня приезжал из Рябиново тесть и совершенно некстати привозил с собой противного розоватого поросёнка величиной с ладонь. Благословясь, опускал его в кухне на пол и говорил:

— Вот вам, милые мои, своё мясо на зиму. Как говорится, не потопашь — не полопашь.

Николай Алексеевич с недоумением и досадой смотрел то на тестя, то на поросёнка и не мог для себя решить, кто вызывает в нём большее раздражение — тесть или поросёнок?

А ещё через несколько дней на базаре в Красновятске жена Николая Алексеевича покупала два десятка цыплят-бройлеров, которые требовали корма через три часа. Потом наступала пора полоть и окучивать картофель, поливать гряды, и Николай Алексеевич начинал чувствовать себя дворовым работником и свинопасом, а вовсе не сельским учителем с высшим образованием. Он заметно худел, его лицо и шея покрывались коричневым загаром. С утра до вечера он ходил в каком-то застиранном пятнистом костюме, не брился дня по три, и его лицо постепенно приобретало выражение усталого равнодушия. Даже сельские жители как-то легко переставали узнавать в нём учителя и, не стесняясь, приглашали его на сенокос. Сначала Николай Алексеевич не отказывал им из уважения, а потом привык, и ему стало казаться, что через всё это ему тоже надо пройти. Надо испытать на своей шкуре тяготы сельской жизни.

На сенокосе он жутко уставал, потом жутко напивался с хозяевами жёлтой и пахучей медухи, а после – громко пел длинные народные песни, сидя на пустынном берегу реки и ощущая в душе странную тягу к раздольности.

В середине июля появлялись в саду первые ягоды, в лесу – первые грибы. Николай Алексеевич мечтал вырваться в лес хотя бы на день, но ему всё как-то не удавалось это сделать, всё что-то мешало. То на веранде вдруг протекала крыша, и надо было срочно перекрывать её рубероидом, то у противного поросёнка открывался понос, то одна из дочерей начинала покашливать. То приезжал в гости какой-нибудь дальний, но требующий большого внимания родственник – любитель длинно и умно порассуждать на политические темы. Николай Алексеевич ухаживал за садом и огородом, воспитывал дочерей, кормил цыплят и поросёнка, ублажал, чем мог, дальних родственников и всё ждал, когда же пройдёт это время забот, время тягот и наступит другое – счастливое время, где найдётся место восторгу перед всем этим пышным, зелёным и цветущим миром, который называется ЛЕТОМ. Ах, Господи, когда же?!

В конце июля они с женой собирали с кустов ягоды чёрной смородины, солили огурцы, пробовали первые красные помидоры. Потом в пустующую половину брускового дома напротив приехал сосед – новый учитель истории, холостяк и социал-демократ Григорий Петрович Зорин.

Новоявленный социал-демократ, воспитанный явно в народовольческом духе, без приглашения стал приходить на ужин к хлебосольным соседям да при этом ещё делал вид, что оказывает им некую услугу. Честно говоря, он был человеком навязчивым и немного странным, но колорадских жуков с раннего картофеля обирать помогал, хотя и надоедал при этом умными разговорами о глобальных экономических процессах.

Потом Николай Алексеевич рубил в дубовом корыте молодую крапиву для поросёнка и кур, а Григорий Зорин в это время говорил о большом значении рыночных реформ для новой России. И Николаю Алексеевичу начинало казаться, что есть некая тайная связь между

всеми поросятами мира и одним большим русским корытом, из которого ещё долго можно хлебать...

В августе случались уже затяжные дожди, но настроение у Николая Алексеевича всё ещё было боевое. Он всё ещё мечтал: вот станет поменьше работы в саду и огороде, в хлеве и курятнике, и он наконец разогнёт спину, расслабитя, отдохнёт за всё лето. Ведь в августе-то ещё так хорошо, так свежо на улице после короткого тёплого дождика! Ах, Господи!

И почему это у него так нелепо, так неудачно складывается жизнь в последнее время? Случайность это или общая тенденция? А может быть, у всех сейчас так?

Вот и первые гнилые помидоры уже появились, и первые перезревшие огурцы. Что-то, кажется, измениться должно. Николай Алексеевич буквально дышит этим изменением, ощущает его, как спина ощущает горячие солнечные лучи, когда он работает в огороде. А может быть, это тоже от усталости, от скрытой надежды на счастье?

После Ильина дня они с женой Надежда стали свежую картошку выкапывать, сделали первый капустный салат с редиской и морковью.

Однажды вечером к ним зашёл Григорий Зорин вместе с Надеждой Ивановной, дочкой Маши-поварихи. Выпили чаю, поговорили о повышении цен на вино и табак, о закрытии школ в их районе. Но ощущения важности обсуждаемой темы почему-то не возникло. От усталости Николаю Алексеевичу очень хотелось спать...

Потом приходила одна Надежда Ивановна, скованно сидела в углу под фикусом и плакала, не закрывая лица руками. Слезы текли по широкому крестьянскому лицу и капали на большие жилистые руки. А Надежда Ивановна объясняла, что навязчивый социал-демократ её бросил и она не знает, как ей сейчас быть, потому что их духовная близость случайно переросла в половую и Надежда Ивановна забеременела...

Анастасия Павловна, жена Николая Алексеевича, тоже расплакалась и стала уверять Наденьку, что все мужики одинаковые, все стервецы и хотят от женщин только одного. Наденька смотрела на неё полными слёз глазами, понимающе кивала, а потом, скрывая стеснение, призналась, что Григорий в последний раз даже не вышел к ней из дому, а показал через окно что-то напоминающее фигу, и сейчас она не знает, как это расценить. Как породистое хамство или как случайную комбинацию пальцев без особого умысла...

В сентябре затяжные дожди стали нередки. В холодные низины по вечерам стал заползать туман. В палисадниках георгины расцвели, но ласковое солнце всё ещё проливалось на землю золотистым потоком, тенетник серебрился. Пахло горелой ботвой, и облака, если лечь на спину, казались такими пронзительно белыми, такими высокими, что комок подходил к горлу. Лето прошло. Прошло лето!

Ах, Господи!

НАТУРАЛИЗМ

Поездка в Ленинград случилась для Николая Алексеевича как-то неожиданно. Один из лучших институтских товарищей вдруг надумал жениться и пригласил его к себе на свадьбу. Николай Алексеевич для экономии поехал один, без жены, но с каким-то странным и трепетным чувством, как будто это не просто поездка в красивый город на Неве, а некая сложная миссия, которую должно выполнить с честью и до конца.

На свадьбе он был безупречен. Мало пил, много и занимательно рассказывал о своей провинциальной жизни. Старался выглядеть весельчаком, сыпал шутками и остротами, которые приготовил заранее. Занимал умными беседами каких-то бледных меланхолических дам, перезрелых лысеющих мужчин и кокетливых старушек. Всем старался понравиться, всем угодить, на всех произвести хорошее впечатление. И когда наконец вырвался из этого праздного водоворота, чтобы несколько часов побродить по музеям, то был уже на грани нервного срыва от странной дисгармонии в душе, оттого, что там навечно осела глухая скорбь сельской жизни.

И только в просторных залах Русского музея ему неожиданно стало легче. Там как бы само собой, без особых усилий с его стороны возникло в душе ощущение настоящего праздника. Да и могло ли быть иначе в цитадели русского искусства, где каждая картина странным образом напоминает о чём-то близком, очень родном, но, к сожалению, давно утраченном. Здесь даже портреты царей и цариц производили приятное впечатление, как будто все они были вовсе не из блистательного рода Романовых, к которым советская школа выработала у Николая Алексеевича стойкую неприязнь, а из простого, можно сказать, пролетарского рода Бздюлёвых или Голенициных.

Особенно понравилась Николаю Алексеевичу Екатерина Вторая – такая пышная красавица, такая прелесть, что, помимо его воли, у Николая Алексеевича возникла ассоциация между ней и Татьяной Стерлядкиной – его давней неразделённой любовью.

Таинственное чувство сопричастности к великой России не покидало Николая Алексеевича в залах Серова, Врубеля и Куинджи, у полотен Репина и Васнецова.

Порой, стоя перед их картинами, он недоумевал: отчего это все его знакомые учителя так хорошо знают истоки кровавых и беспощадных бунтов, прокатившихся по России много лет назад, и так плохо представляют себе великое русское искусство? Чем объяснить их преклонение перед разрушительным действием и равнодушие к творщим красоту?

В какой-то момент взволнованного созерцания Николай Алексеевич вдруг понял, что всему виной наше незнание библейских истин, яркий свет которых помогает соединить в одно целое человеческую природу и космический дух, бранные заботы земные и вечный смысл жизни на земле.

Потом Николай Алексеевич надолго замер у полотен Александра Иванова. Божественная ясность его картин заворожала сельско-

го учителя. Он стоял и не мог подавить в себе слёзный восторг перед увиденным. Дева Мария на одной из картин этого мастера напомнила ему Татьяну. Недоступная пониманию, почти божественная красота Марии и натуральная слеза у неё на щеке растрогали его... Он не смог сдержать себя и расплакался от неожиданного приступа жалости к самому себе, такому беспомощному в любви и творчестве, не способному даже на самую малость. На решительный поступок ради любимой женщины. Николай Алексеевич ссутулился, стал быстро и неумело промокать глаза платком. Это заметила старенькая смотрительница из соседнего зала. Она нерешительно подошла, немного помолчала, а потом участливо спросила:

– Что это с вами, молодой человек?

– Не могу... Знаете, даже передать словами свои чувства не могу... Как это всё меня растрожило...

– Что такое? Вы потеряли что-нибудь или вспомнили что-то грустное? Такое бывает.

– Не могу объяснить.

– Что не можете объяснить?

– Я уже тридцать лет прожил. Понимаете?.. – начал Николай Алексеевич.

– А я семьдесят, – с иронией продолжила старушка.

Но Николай Алексеевич не слушал её.

– Я никогда не видел ничего подобного. Понимаете? Я здесь в первый раз.

– Ну и что?

– Всё так глупо, знаете, так глупо!

– Ну?

– Я понять не могу. Не могу понять, почему красота эта только здесь, в этих залах? А в душе её нет... Вот мы, к примеру, в провинции так мелко живём, так мелко! Мы там ничего хорошего не видим. Даже не подозреваем, что всё это у нас есть.

Николай Алексеевич театрально повёл рукой, указывая на картины.

– Да как же, – не поняла его благообразная старушка, – многие сюда ездят из других городов. Очень многие. Зря вы так говорите.

Николай Алексеевич обиженно вскинул брови и стал энергично объяснять:

– Да если бы раньше лет на пять-десять я всё это увидел, может быть, вся жизнь у меня сложилась бы по-другому! Понимаете? Мы там, в провинции, живём бог знает чем. Какой-то пуританской философией, натуральным хозяйством да заботами о хлебе насущном. В трудах и заботах мы забываем обо всём.

– Так ведь и мы здесь живём так же. Тоже о пропитании заботимся, о детях, о будущей старости... Просто сегодня день такой выдался – неблагоприятный в геофизическом плане. Вот и всё. И солнце с самого утра какое-то подозрительно яркое. Так бывает весной. К тому же не вы первый сегодня плачете тут, я вам скажу. Здесь рано утром до вас девушка одна расплакалась. Я её еле уговорила. Посмотрела вон там на Христа, на Марию – и разрыдалась. Видно, грех большой ощутила в душе, а перед чистотой этой не смог-

ла устоять... Я её успокоила, разговорила. С кем не случается! Милая такая девушка попалась. В душе, видать, совсем ребёнок ещё, а глаза уже испуганные. Хотя, может, день сегодня такой... Весна – пора магнитных бурь.

– Да сюда нужно каждый год ездить с детьми, это же такой заряд на будущее, такой урок! – продолжил запальчиво Николай Алексеевич. – Вы только посмотрите на эти лица! Посмотрите, какие личности! Сколько в них благородства! Какая внутренняя сила в глазах!

– Дворяне, небось!

– Ну и что? Это неважно. Главное, что в них сквозит одухотворённость. Они одним видом своим излучают достоинство.

Некоторое время после этого восклицания оба собеседника отчуждённо молчат и смотрят в разные стороны. Видно, что благообразная старушка не до конца понимает провинциального учителя. Он уже давно перестал плакать и сейчас неловко шмыгает носом...

– А вы знаете, что такое натурализм? – вдруг с загадочной улыбкой на морщинистом лице спрашивает бабуся.

– В некотором смысле, – находит подходящее слово Николай Алексеевич, чтобы не показаться полным профаном.

– Ну, тогда вам надо сделать всего три шага. Вот сюда. Поближе к этой вещи. Внимательно присмотреться к ней, и тогда вы непременно улыбнётесь.

С этими словами старушка подвела его к небольшой картине, на которой был изображён провинциальный русский город с множеством белокаменных церквей, тихих, немного тесноватых дворишков, высоких заборов и людей – карликов, рассыпанных как горох по заснеженным улицам. Эту картину можно было разглядывать очень долго: так много разных предметов было на ней изображено. Тут были и нехитрые сценки из семейной жизни, где присутствуют простоватые мужики и бабы, горластые дети, худые кошки и вислоухие собаки. Здесь на куполе церковной колокольни сидели сонные вороны, какие-то удивительно крупные и упитанные. А на углу городской площади, около небольшого моста через овраг, стоя дремал краснорожий будочник, издали похожий на очень высокий и плохо начищенный медный самовар. В знакомом силуэте города и его обитателях Николай Алексеевич сразу уловил что-то своё, родное, что-то очень близкое сердцу всякого русского человека. Он уже готов был испытать к жителям города чувство ностальгической любви, как вдруг в левом нижнем углу картины заметил маленькую, но подозрительную фигурку. Нагнувшись и пристально рассмотрев её, Николай Алексеевич понял, что это, должно быть, пьяный мужичок, который присел за высоким забором, чтобы справить естественные надобности в неподобающем для этого месте. Причём детали посадки, мастерски подмеченные художником, не оставляли сомнений. Этот скрюченный человек собирался нагадить в центре городка.

Николай Алексеевич с отвращением выпрямился, грустно посмотрел на благообразную улыбающуюся старушку и сказал:

– Да, действительно натурализм. – И тут же категорически добавил: – Но это для нашего времени не характерно... И вообще – гадость!

Старушка при этом недоуменно посмотрела на него, вся сморщилась и сделала губы коромыслом. Она явно не ожидала от молодого человека такой реакции. А когда он поспешно стал удаляться от неё, она облегчённо вздохнула и еле слышно пробормотала:

– Сегодня день такой.

Потом был новый зал. Вздох облегчения и нарастающий благоговейный восторг, желание непременно запомнить неброскую красоту России и насладиться ею. Вот только почему-то ощущения гармонии с увиденным уже не возникало, а взгляд, устремлённый на очередную картину с изображением провинции, как бы сам собой опасливо опускался в левый нижний угол: нет ли там чего?

РЕМЕСЛО

Когда цены на хлеб после злополучных гайдаровских реформ подскочили в десятки раз и обыкновенные приличные брюки стали продаваться за огромные деньги, Николай Алексеевич впервые задумался о побочном заработке. Тех денег, что он получал в школе, для семьи явно не хватало. Нужно было искать какой-то выход. Обе дочери уже подросли. Колготки на них горели как в огне, капроновые куртки удивительно быстро пачкались, туфли через полгода становились малы, варежки терялись. В общем, Николай Алексеевич с тоской обнаружил, что две тысячи рублей в месяц – это ничтожный, можно сказать, нищенский заработок, это пародия на зарплату, почти что издевательство.

Он долго решал, чем бы ему заняться в свободное от работы время, и однажды вечером наконец объявил жене, что намеревается плести корзины или, на худой конец, мётлы вязать. Иного выхода нет. Правда, и тому, и другому надо сначала научиться. Он никогда рукоделием всерьёз не увлекался. Но это дело несложное, надо полагать. Не боги горшки обжигают, как говорится. В первый момент после этого объявления жена удивлённо посмотрела на мужа, но после недолгого раздумья, кажется, согласилась с его доводами. Сказала:

– Ну что ж, занимайся мётлами, если, конечно, тебя это не обременит... Правда, я думаю, что на вязании мётел много не заработаешь. Это слишком утомительно для тебя. Да и в магазине они всегда продаются.

– Но я не вижу иного выхода, Настя! Учителя сейчас никому не нужны. Ты сама видишь, что кругом творится. Каждый спасается как может. Таковы законы рынка.

– Не рынка, а бардака, – поправила его жена. – Развалили Россию и сваливают всё на какую-то реформу. А где она проявилась с хорошей-то стороны? Никто знать не знает.

– Да как же, Настенька... Нет, неправильно ты говоришь... Вот я, например, в новую власть верю, я ей доверяю, – признался Николай. – Мы сейчас переживаем временные трудности. Поверь! Вот потерпим ещё год-другой, а там всё пойдёт как по маслу. Рынок заработает, новые экономические отношения окрепнут. С Европой подружимся, с Америкой. Сейчас ведь ничто нам не мешает.

– Что-то не верится, – усомнилась Анастасия Павловна.

– Да как же... Вот даже я решил заняться предпринимательством, в некотором смысле... Ты, Настя, даже не представляешь, какое это прибыльное дело – мётлы вязать. Вот, допустим, за день я мётел двадцать свяжу. Ведь так? Так. Да по десять рублей продам каждую. Ведь продам?!

– Не знаю.

– Вот тебе и деньги, – продолжил Николай Алексеевич. – Лес-то у нас, слава Богу, под боком. Всего два шага шагнуть. А мы с тобой сидим сложа руки. Разве так можно, Настенька! Рынок тем и хорош, что предоставляет каждому равные возможности. Только трудись, не ленись, только проявляй свою инициативу, всё остальное приложится.

В общем, сразу после этого разговора Николай Алексеевич стал собираться в лес за берёзовым прутом. Благо что лес был рядом, всего метрах в тридцати от дома, так что тени огромных сосен под вечер доставали до крыльца.

И всё же для похода за берёзовым прутом Николай Алексеевич снарядился, можно сказать, основательно. Нашёл в сарае широкие охотничьи лыжи, наточил удобный маленький топор, взял толстую верёвку, чтобы не давила плечо на обратном пути, когда он понесёт тяжёлую ношу. Надел свободную фуфайку, чтобы не стесняла движений, и подшитые валенки, которые тесть подарил в прошлом году. Кто его знает, сколько он по лесу будет плутать...

Вышел из дому в девять часов утра и поспешил в глубь леса по узкой тропинке в снегу меж сосен и елей, блестящих от инея, с улыбкой думая о том, как он удачно всё рассчитал, как ловко. А если бы каждый человек в России сейчас чем-нибудь выгодным занялся, кроме своей основной работы... Если бы каждый открыл для себя что-то нужное – как быстро наступило бы в России время настоящего изобилия! Ведь работы-то кругом непочатый край! Не ленись только, дерзай, проявляй инициативу! Но нет, большинство русских людей удивительно пассивны. Они отсиживаются по своим углам. Выжидают. Что-то выгадывают. Хотя давно пора действовать. Давно пора открывать своё дело. Разве это не ясно?

Вот наконец и первый густой березняк. Николай Алексеевич резво приблизился к нему, вытащил из-за пояса топор, отдышался, оценивающе посмотрел вверх на густые красноватые вершины берёз: сколько прекрасных мётел из них можно изготовить, ах, Господи! И тут неожиданно понял, что до этих самых вершин ему никак не добраться. Ствол-то у берёзы исключительно гладкий: метров на пять от земли – ни одного сучка. Лезть на неё – всё равно что на телеграфный столб карабкаться.

Николай Алексеевич недоуменно почесал потный затылок и решил пройти чуть подальше, поискать низкорослый берёзовый молодняк. Он попробовал вспомнить, где он видел такой. Ведь много раз бродил по здешним лесам в поисках грибов и ягод. Но ничего подходящего почему-то не припомнил. Не всплывала в памяти картинка этого самого молодняка, и всё тут!

Уже без улыбки и без праздных мыслей о лёгком заработке он прошёл по лесу ещё метров четыреста, потом ещё примерно столько же, вышел на широкую солнечную поляну, окаймлённую густым можжевельником, спустился в мрачноватую от густой тени пойму, вспотел, запыхался и присел на какой-то трухлявый пенёк дух перевести. Как назло, пенёк под ним треснул и сломался, а сил, чтобы подняться, уже не было. Так и остался Николай Алексеевич сидеть по пояс в снегу, смотреть по сторонам и слушать зимний лес.

В вершинах сосен над ним шумел ветер, он то приближался, то удалялся, как летний дождь, и в его морозном дыхании было что-то тоскливое, что-то безнадежное. Точно так же появляются и исчезают у Николая Алексеевича хорошие мысли, удачные сравнения. То и другое живёт недолго и зачастую просто теряется, встречаясь с холодным порывом недоверия и тоски.

После короткого отдыха на снегу Николай Алексеевич нехотя встал и решил направиться ближе к лугам, к пойме Вятки, туда, где когда-то собирал с детьми шиповник. Кажется, там встречались ему одинокие небольшие берёзки. Но для этого ему пришлось пересечь по диагонали широкое, покрытое льдом болотце, потом густой заснеженный ельник с мелкой липой в подлеске. Потом он снова попал в сосняк высоченный и гулкий, как храм, с голубыми тенями по чистому белому снегу. Здесь можжевельник рос повсюду, а берёз не было видно вовсе. Густые синеватые копыны его как-то особенно ярко вспыхивали под солнцем тут и там. Под ногами мерно поскрипывал снег, где-то вверху отбивал свою дробь работага дятел, добывавая скудное пропитание. Небо сквозь сосновые вершины казалось почему-то удивительно ярким и далёким, каким-то пугающе безразличным.

Потом перед Николаем Алексеевичем оказалась незнакомая речка, одиноко петляющая в холодной лощине меж двух неуютных холмов. Пойма речки была завалена свежим осинником. Огромные деревья беспорядочно громоздились друг на друга, создавая нечто похожее на могильные курганы. Вероятно, здесь прошлым летом хорошо потрудились бобры.

Переход через речку в завалах осины отнял много времени. Николай Алексеевич совершенно выбился из сил, вспотел и по солнцу определил, что скоро обед, а он, как назло, ничего с собой не взял: ни хлеба, ни колбасы, ни термоса с чаем. Зато где-то за речкой, за ближним холмом, непременно должны были показаться знакомые места, где он немного отдохнёт и начнёт готовить берёзовый прут для мётел.

Но не тут-то было. С высокого бугра, к немалому удивлению, Николай Алексеевич ничего знакомого не увидел. Кругом, насколько хватало глаз, тянулся бескрайний дремучий еловый лес. Ещё через секунду Николай Алексеевич отчётливо осознал, что заблудился. И сейчас у него выход только один: пока светит солнце, пока видно лыжню — возвращаться по старой дороге обратно. Причём чем быстрее, тем лучше.

Он представил себе, сколько километров нужно будет ему преодолеть, чтобы добраться до дома, и у него подкосились ноги. Он присел

на корточки, снял с потной головы тяжёлую меховую шапку и обречённо вздохнул.

Казалось, силы покинули его. Нет больше сил...

Хорошо, что Анастасия Павловна у него женщина интеллигентная. Увидев мужа без мётел и без шапки, всего какого-то заснеженного, хмурого, едва стоящего на ногах, она не стала над ним подшучивать, не стала даже расспрашивать ни о чём. Всё и так было понятно. Просто озорно блеснула на него своими большими синими глазами и отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Николай Алексеевич рухнул на диван и, выдержав приличную паузу, заговорил с явным раздражением в голосе.

– Бастовать надо, Настя! Бастовать! Все кругом бастуют, а мы почему-то в стороне. Нехорошо это, неправильно. Шахтёрам, вон, давно уже добавили зарплату. Это потому, что они не сидят сложа руки. А мы за свой тяжкий труд получаем меньше, чем, чем... любой рабочий на заводе. Разве это справедливо? Для чего тогда, спрашивается, все эти реформы? Весь этот сыр-бор, если честный учитель живёт хуже всех!

– А я тебе что говорила...

Николай Алексеевич почувствовал, что его слушают, его понимают, и сразу же заговорил с энтузиазмом и жаром.

– По всей стране организовано повышают цены, Настенька, и при этом вовсю разглагольствуют о рынке. Ну какой тут рынок, если никакой конкуренции нет! Ни одного нового предприятия в округе не возникло. Кто будет цены-то снижать и как?

– Это точно. У нас всегда так.

– А почему?

– Почему? – переспросила Анастасия.

– Потому что нет в России у власти настоящих политиков. Все наши руководители – дилетанты: писатели разные, учёные да журналисты. Чего от них ждать? Ну чего?

– Ничего хорошего я от них и не жду, – заверила жена.

То ли от усталости, то ли от голода Николай Алексеевич почувствовал в себе приступ злобы на всех нынешних правителей без исключения.

– Во всём мире реформы, если они просчитаны до конца, это не так уж плохо, – продолжил он. – Но ведь у нас-то не руководят, у нас – мётлы вяжут!

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялась Анастасия Павловна.

– Им кажется, что это очень просто – Россией руководить. Такой огромной страной, такой неповоротливой, такой упрямой...

– Они и не руководят, мне кажется, – уточнила Анастасия Павловна, – они всё на самотёк пустили...

– Вот и плохо, что пустили! Вот в этом-то и есть наша беда! Так из любого народа можно сделать зверя... А у нас... у нас и без того народ-великомученик, страдалец народ! Но они нас по деревьям лазить не заставят! Мы не обезьяны какие-нибудь! Мы интеллигентные люди! Надо же, до чего дошло: предлагают нам, учителям, мётлы вязать,

корзины плести, а сами при этом будут словоблудием заниматься... Нет уж! Пусть сами расхлёбывают эту кашу! А мы лучше подождём, посмотрим, чем всё это закончится. Мы потеряем. Нам не привыкать.

ПРОЗРЕНИЕ

До тридцати пяти, пока тело Николая Алексеевича было молодым и сильным, он его почти не ощущал, вернее, не обращал на него никакого внимания. Душа его жила отвлечённой мыслью, как бы отдельно от тела. Он много чувствовал, много переживал, но все его переживания относились к чему-то внешнему и не приносили утомления, не вызывали боли. Иногда он чувствовал лёгкое раздражение, но оно появлялось так внезапно, что он не мог понять, от усталости это или от плохого знания жизни. Всё, чем он жил последнее время, можно было объяснить логически, во всём присутствовали здравый смысл, трезвый расчёт.

И вдруг ни с того ни с сего эта беда. Заболел живот в правом боку. Накануне вечером Николай Алексеевич съел приличную дольку спелого холодного арбуза, через час почувствовал в желудке тяжесть, но внимания на это не обратил, спокойно лёг спать. А на следующий день проснулся совершенно разбитым, больным человеком и сразу ощутил в себе глубокую перемену. Вдруг оказалось, что все его большие и всесторонние знания ничего не значат без здорового тела, что, слегка приболев, он и думать-то больше ни о чём не в состоянии, как только о своей болезни и скверном будущем.

Впервые в жизни Николай Алексеевич пожаловался жене, ожидая сочувствия. Но жена почему-то посмотрела на него с иронией, потом быстро посерьёзнала и как бы между делом посоветовала записаться на приём к врачу. А про злополучный арбуз добавила кратко:

– Знала бы, что так получится, никогда бы его не купила.

Весь день после этого Николай Алексеевич пролежал в кровати с грелкой на животе.

Между тем боль то утихала, то поднималась опять, пугая Николая Алексеевича всё сильнее. После обеда его стало знобить, и он впервые в жизни испугался за своё большое, горячее тело, которое всегда было таким послушным, таким выносливым, так преданно ему служило. Как-то само собой пришло осознание того, что его душа очень крепко связана с этим телом, и поэтому он сейчас никак не может вернуть себя в прежнее состояние отвлечённой созерцательности. Не может углубиться в интересное рассуждение, которое рождалось раньше как бы само собой, от странного стечения обстоятельств, интересного каламбура, обронённого кем-нибудь из старых знакомых. При появлении первых признаков боли все рассуждения обрывались, и появлялся страх, такой унижительный и такой нелепый, что временами Николаю Алексеевичу становилось стыдно за себя. Как-то уж слишком легко он поддался болезни.

К вечеру он почувствовал себя плохо. Кружилась голова, в теле появилась досадная слабость. Превозмогая боль, он поднялся с кро-

вати, неуверенной походкой подошёл к зеркалу и посмотрел на себя. Увидел бледное лицо немолодого мужчины с пасмурными глазами, проглотил сухой ком обиды и растерянно поплёлся обратно к кровати. Что же с ним происходит, в конце концов? Как быть сейчас? Что делать? А если ему для выздоровления понадобится какая-нибудь операция? Как он её перенесёт?

Когда пришла с работы жена, Николай Алексеевич её появлению очень обрадовался. Ему даже показалось, что она сможет ему помочь, сможет ободрить, успокоить, придать сил. Он спешно пожаловался ей на своё самочувствие, ожидая слов утешения. Но она утешать его не стала, сказала, что будет вызывать «скорую», и решительным шагом направилась к телефону в коридор.

- Водку с солью не пил? – спросила из коридора с трубкой в руке.
- Нет, – обречённо ответил Николай Алексеевич.
- Вот тебе и результат.

Скорая помощь приехала довольно быстро, но оптимизма Николаю Алексеевичу это не прибавило.

Всю дорогу до райцентра Николай Алексеевич проклинал себя за легкомыслие, с которым ел холодный арбуз, и при этом очень завидовал краснокожему шофёру, у которого, вероятно, ничего не болит. Давал себе слово, что если останется жив, то обязательно будет следить за своим здоровьем: перестанет есть жирное и солёное в больших количествах, не будет переживать из-за пустяков, станет прислушиваться к советам врачей и экстрасенсов, наконец, просто начнёт читать медицинскую литературу.

В приёмном отделении районной больницы его осмотрел хирург, прослушал, простучал вздувшийся живот. Потом попросил показать язык и, к немалому удивлению Николая Алексеевича, не нашёл у него ничего подозрительного, тем более – страшного.

– Старайтесь не есть холодного. Избегайте того, что содержит много клетчатки. Какое-то время принимайте ферменты после еды. Вот и всё лечение, – констатировал врач. – Никакой патологии я у вас не вижу. Одна таблеточка но-шпы – и всё пройдёт.

– Ну и слава Богу, – отозвался Николай Алексеевич, – а то я, знаете, испугался уже. Так, знаете, живёшь-живёшь, и вдруг – на тебе – заболел. Как обухом по голове.

Врач понимающе улыбнулся, потом записал что-то в амбулаторную карту и спросил:

- Вам тридцать семь, вы сказали?
- Да.

– Пора уже изучить свой организм. Что он принимает, что – нет. Что можно есть, чего нельзя, в какой пропорции и в каком количестве. Прислушиваться пора к своему телу, если хотите быть здоровым всегда.

Всю обратную дорогу до Пентюхино Николай Алексеевич думал о советах доктора как о чём-то очень важном. Ведь действительно ему пора уже изучить себя, полюбить своё тело, привыкнуть к его возможностям и его недостаткам, чтобы стать неуязвимым для болезней. Тогда он сможет прожить ещё достаточно долго. Ведь жизнь-то ещё так хороша, так восхитительна, когда тебе только-только испол-

нилось тридцать семь, когда у тебя есть круглолицая румяная жена и русоволосые дети. Сейчас важно не расходовать свою внутреннюю энергию бездумно на некую отвлечённую мысль, а сконцентрировать эту энергию внутри себя, сохранить для лечения, направить на сбережение внутренних сил.

Уже через день боль в животе у Николая Алексеевича утихла, лицо порозовело, появился аппетит. И только после этого он почувствовал, что окончательно свободен от страха за свою жизнь. Это ощущение свободы принесло ему первую радость, первое настоящее удовлетворение. По утрам ему приятно стало двигать руками, сгибать и распрямлять ноги, чувствуя привычную силу в крупных мышцах, ощущая их тяжесть. Поворачивать голову направо и налево. Приятно было просто дышать полной грудью. На ярко-зелёной летней лужайке слушать пение птиц. Смотреть в вечернее розовое небо, наблюдать отражения тополей в тихой заводи реки. Возвращение душевного спокойствия было как возвращение домой. Приятно стало прикасаться рукой к веткам яблонь в саду, к жилистым лапам придорожных лопухов, к тонким стеблям цветущего цикория.

А каким наслаждением окатило Николая Алексеевича то утро, когда он решил сделать несколько несложных физических упражнений. Когда встал на четвереньки и, играя крупными мышцами, как хищный зверь, пробежал по утреннему саду, чувствуя, как учащается его пульс, как разогревается всё его массивное тело, как под напором радостных телесных ощущений отступают куда-то все прежние проблемы. «Неужели это я – такой здоровый и такой сильный? И у меня ничего не болит. Неужели так, как сейчас, будет всегда?» – думал он, передвигаясь на четвереньках по периметру сада, а в его душе всё разрастался, всё не гас странный детский восторг.

МУЗЫКА

Слушая фуги Баха, Николай Алексеевич всегда плакал. Может быть, так действовал на него орган, а может быть, гармония звуков разрушала в нём поток здравого смысла, всегда ограничивающий возможности чувственного понимания, и тогда свободная душа легко устремлялась в небо.

Мысленно он представлял себе море, крики чаек над скалами, плеск волн, пышную южную зелень на берегу, синюю манящую даль – и не находил слов, которые смогли бы всё это выразить. Только слёзы, прорываясь сквозь немоту, блестели на его щеках крохотными капельками восторга. Становилось глупым и ненужным всё, чем он так упорно занимался до этого. Вся жизнь сейчас представляла собой только акт восприятия музыки. Больше ничего.

Музыка, казалось, была способна заменить всё, даже любовь к женщине. Он понимал, что, слушая музыку, ненароком соприкасается с чем-то особенным, с чем-то далёким, но родным. В детстве это состояние обозначалось странным душевным трепетом, когда он смотрел на цветущую черёмуху или подносил к носу распутившую-

ся сирень. Он уже знал, что это состояние никогда толком не познается, не определится, но будет иметь власть над всяким человеком, способным восторгаться. Власть бесконечную, космическую, которую никто никогда не разрушит. Да-да, что скрывать, слушая фуги Баха, он плакал без стыда, плача, становился совсем другим человеком, чем пять минут назад. И, что самое странное, про этого «другого человека» в нём никто ничего не знал, никто даже не подозревал о его существовании. Этот «другой человек» был до странности сентиментален и по-детски чист душой, он желал единения с Богом и всеми страждущими людьми на земле, он не способен был совершить даже самой маленькой подлости; он всех любил и всем желал добра. Он сожалел о том, что в последнее время не всегда ласков с матерью, а мать уже очень стара, она скоро уйдёт навсегда, и он не успеет выразить ей всей своей любви, как не успеет сказать всего отцу, жене, детям...

Но вот как-то совершенно нелепо музыка обрывалась, и в наступившей тишине его охватывало отчаянье. Неужели сейчас всё будет по-старому? Тяжёлая работа в школе, тесный дом, где невозможно уединиться, располневшая жена, большое, обременительное натуральное хозяйство...

Он машинально выключал проигрыватель, растерянно смотрел в окно и видел первый снег на ветвях калины, сумрачный ельник за оврагом и разноцветное бельё на верёвках. Бельё медленно раскачивалось под ветром, и от этого колыхания веяло холодом. Пожалуй, без музыки он уже не сможет больше забыться, как бы ни желал этого. Его снова захлестнут общие политические проблемы, заботы о пропитании, и незаметно он превратится в обыкновенного муравья, которому отпущено судьбой прожить, состариться и умереть как все... А то, что было в его душе всего минуту назад, уже никогда не повторится, потому что нет ему названия и материально воплотиться оно не может. Останутся от него только слёзы, да и то как следствие сопричастности великой гармонии, озаряющей гениев. Пожалуй, она, эта гармония, и есть начало всех начал.

ЭКЗАМЕН ЛЮБВИ

Вообще-то Анастасия Павловна уже научилась жить. Да и как не научиться! Ей тридцать шесть уже. Когда подруги на работе начинают говорить о чём-нибудь серьёзном и нужно отвечать на вопросы прямо — она предпочитает промолчать. Отмолчится и хохотнёт эдак непринуждённо, как будто толком вопрос не поняла. Смех у неё приятный, негромкий, грудной, за такой всё можно простить, она знает. А если в компании знакомых заговорят о человеке с солидным положением, она никогда не поддерживает критикующую сторону. Ей это не нужно. Ей это ни к чему. Нейтралитет для неё превыше всего. Она не хочет быть ни обязанной кому-то, ни виноватой перед кем-то даже заочно. Так проще жить, так спокойнее.

Когда-то в далёкой молодости ей много раз доставалось от сверстниц за длинный язык и солидарность. Болтушкой была, хохотушкой, как все. В красивых подружек влюблялась до полусмерти, поддакивала им по любому поводу, старалась угодить. Однажды даже в драку ввязалась из-за какого-то пустяка, где ей больше всех и досталось. Затеяла всё Катька Малинина, но потом оказалось, что она как будто ни при чём. А Настя несколько дней синяки льдом сводила, ходила, прихрамывая, и та же Катька над ней подшучивала. Скверно, конечно, поступала, но у Катьки такая натура. Она никогда никого не жалела, ни к кому особых симпатий не питала. Для неё все были равны, и все как бы немного ниже.

Настя ей завидовала, очень хотела во всём походить на неё, но почему-то не получалось. Раскованности не хватало, что ли. Всё остальное, кажется, было, а внутренней свободы не ощущалось.

И отец у Насти высокого положения не занимал. По любому поводу много выпивал. У пивного ларька дебоширил, непотребные частушки пел под гармонию. Мать санитаркой работала в местном санатории, всегда ходила какая-то недовольная, грустная, обиженная на всех. Хотя к матери Настя относилась с прохладцей, больше любила отца. Отец не жалел себя ради них. На работе сильно выматывался, да потом ещё сено косил по ночам, что-то всё ремонтировал, строгал, прибивал, хлопотал по хозяйству. Он был весь на виду – усталый, усатый, искренний.

В седьмом классе Настю из школы до дома стал провожать один очень скромный мальчик. Он так при Насте стеснялся, что даже говорить с ней не мог как следует. Только заикался. А Настя ничего к нему не испытывала, кроме жалости. Когда они доходили до мостика через овраг, рядом с Настиним домом, мальчик испуганно останавливался и шептал: «До свидания». Потом Настя уходила через мостик к дому, а он ещё долго смотрел ей вслед. И при этом в глазах у него было что-то трогательное и трагическое, как в тонком пламени свечи, которое вот-вот погаснет. В общем, когда этот мальчик перестал её провожать – она облегчённо вздохнула: «И слава Богу». Потом, правда, он ещё рисовал её карандашом на тетрадном листке в клеточку, но эти рисунки Насте не нравились. На этих рисунках она выходила слишком красивой и слишком взрослой, не похожей сама на себя.

В торговом техникуме её опекал другой мальчик. Этот был понахальнее. Он на танцах стал приставать, говорил разные сальности, притворно-весело улыбался, стараясь скрыть смущение. Этот мальчик был, пожалуй, красив, он хорошо одевался, и, хотя Насте он тоже не нравился, гулять с ним по городу было почему-то приятно. И Настя гуляла. Иногда она даже позволяла себя целовать, пока одна красивая сокурсница не увела этого мальчика у Насти. Вадик, правда, и после этого ещё несколько раз подходил к Насте на танцах, что-то говорил, трогал за руку, улыбался. И хотя Настя понимала, что не любит его, видеть этого мальчика с другой девочкой почему-то было досадно.

В техникуме она уже знала, что привлекает к ней мужчин. Знала, что у неё соблазнительная фигура, широкие бёдра, высокая полная

грудь и лицо этакой простушки-пышечки: всегда румяное и по-детски доверчивое. Но при этом она вовсе не чувствовала природной тяги к противоположному полу. И это порой настораживало её. Может быть, она не такая, как все? Она более холодная, расчётливая, скупая на чувства. Поэтому даже весёлые девичьи разговоры о симпатичных парнях с последнего курса её не увлекают и романтические сплетни не тревожат воображение, и взгляды жадные не смущают. Как будто не хватает у неё в душе какой-то маленькой искорки.

Если б тогда она могла предположить, как вспыхнет эта самая искорка в самый первый момент её встречи с Николаем Алексеевичем Вяткиным и как потом разгорится всюю оттого, что Николай не сразу обратит на неё внимание.

Все её до этого замечали, а этот не замечает. Все обольщались, а этот не обольщается.

А какой несчастной она себя почувствует, когда впервые увидит его рядом с Татьяной Стерлядиной, как дико позавидует ей. Настя начнёт читать стихи Ахматовой, без видимой причины плакать по вечерам и строить фантастические и несбыточные планы новой жизни с любимым, где всё обретёт свои естественные черты.

Она увидит вдруг, как тускло и скучно она живёт среди пышной природы и таких же пышных заблуждений. Как бесцельно, безвкусно растрчивает свои молодые годы, свою бесполезную нежность.

И когда Николай Алексеевич впервые обратит на неё внимание – она почувствует себя самой счастливой женщиной на свете. От волнения начнёт говорить ему глупости, краснеть, как маленькая девочка, и переживать за каждое движение руки, за платье не совсем модное, за причёску копной, за неуверенные нотки в голосе. Ей станет казаться, что всё она делает не так, как нужно, что она неуклюжая, неумная, скованная. А он – такой независимый, такой начитанный, воспитанный такой, можно сказать – идеальный. И во взгляде у него нет никакой игривости, только спокойствие и любопытство, да иногда такое выражение на лице, как будто он всё знает наперёд и ей ничем его не удивить. А удивить между тем очень хотелось, просто для того, чтобы он заметил, чтобы он хотя бы раз улыбнулся ей.

Случилось это в середине марта. В тот солнечный период безветренных и тягучих дней, когда по утрам случаются ещё некрепкие морозы, а к обеду вдруг начинает так припекать, что появляются откуда-то первые невесомые бабочки и лёгкие перистые облака. Пригорки, оттаивая, парятся. Журчит по оврагам мутная талая вода.

В конце рабочего дня Николай Алексеевич заходил за ней в колхозную контору, приносил с собой свежий запах весенней улицы, и они уходили гулять по селу, по коричневатой от вытаявшего мусора дороге, мимо красного здания сельского совета и сельповских магазинов. Мимо нефтебазы с пустующими баками, и дальше – в поле, к манящему синевой сосновому лесу. Ей приходилось щуриться от яркого солнца, подставляя ладонку ко лбу, чтобы получше рассмотреть дорогу. И всё же ничего лучше этих прогулок невозможно было представить. Анастасия Павловна до сих пор помнит, как ослепительно блестел тогда снег, как глубоко, по-весеннему сине-

ло небо, как пахло в лесу сосновой смолой, как резко выделялись на снегу голубые тени сосен. И как легко дышалось тогда. Как много они говорили. Их голоса сливались с голосами птиц и скрипом снега под ногами, с тихим потрескиванием случайных тонких веточек.

Сейчас даже вспомнить невозможно суть тех разговоров, но тогда от них светлее становилось на душе. А может быть, весенний лес так действовал на них, кто его знает...

Но, как ни странно, после свадьбы всё это прошло. И романтичность, и стихи, и слёзная стихия восторгов. Даже природа уже не манила так, как раньше. Анастасия Павловна получила то, что хотела, и успокоилась. По инерции она иногда ещё говорила мужу красивые слова, ласкалась, была нежной, но осенившая её уверенность в спокойном и светлом будущем сделала своё дело. Она стала послушной и расчётливой. Стала более внимательной и требовательной к себе. Вот и всё. Духовных созвучий она уже не искала. От случая к случаю читала любовные романы, слушала музыку, но почему-то ничем уже так искренне не восторгалась, как раньше. Всё, что сейчас происходило с ней, воспринимала как должное и никогда не задумывалась о жизни как о предмете, имеющем в перспективе высокую цель или что-то в этом роде. И счастье приходило к ней тогда, когда семейная жизнь была хороша, когда было много вкусной еды, много весёлых гостей, много денег. И никогда больше ей не хотелось летать — ни в мечтах, ни наяву. Наверное, поэтому Анастасия Павловна не любила быстрой езды. Ведь езда чем-то сродни полёту. А ей всегда нравилось передвигаться по земле, пусть медленно, но самостоятельно, с той скоростью, с которой могут переступать её красивые полные ноги.

Зато она очень быстро полюбила страстные мужские ласки, от которых по всему телу растекается сладкая дрожь. Полюбила получать, пересчитывать и тратить деньги, которыми она сейчас располагала. Это были деньги её и деньги мужа. Трата денег постепенно стала для неё приятной обязанностью. Прогулки по магазинам в районном центре, куда они добирались на своей машине, стали завораживать. Ей постоянно хотелось что-нибудь приобрести. В больших и красивых магазинах она как-то сразу осознавала, что у неё в доме не хватает самых нужных, самых необходимых вещей. Причём чем больше она эти недостающие вещи покупала, тем отчётливее понимала, что ей не хватает чего-то ещё, возможно, самого главного. Тем более что в магазинах самые обычные вещи почему-то смотрелись очень даже соблазнительно. Она старалась скопить денег, чтобы приобрести весь нужный товар. Денег стало не хватать. Настроение стало портиться. Ей стало казаться, что муж очень мало зарабатывает, не так, как другие, но она решила не опускаться до того, чтобы укорять его за это. И утешала себя тем, что в России, скорее всего, снова наступили тяжёлые времена.

А вот особой нужды в появлении детей как будто бы не было вовсе. Хватало забот о муже. Наверное, поэтому первый ребёнок у Насти появился как-то неожиданно. Она даже не предполагала, что она способна так вот сразу взять и стать матерью, ещё не ощутив

себя в полной мере счастливой женой, не пресытившись таинственными прелестями супружеской жизни, о которых так много читала в книгах. К тому же последние месяцы беременности её очень утомили. Она чувствовала себя неуклюжей, неповоротливой гусыней. Часто раздражалась и плакала из-за пустяков, а иногда даже недоумевала чисто по-детски: для чего ей всё это нужно? Муж, нескончаемые семейные заботы, большой живот...

А роды... А бесконечная череда бессонных ночей, когда ребёнок ещё до обидного маленький, какой-то совершенно беспомощный, кричит и кричит. И ей не ясно, отчего он кричит. Она плачет вместе с ним, хотя прекрасно понимает, что этого делать нельзя. Из любой ситуации сейчас она должна находить выход, должна всё знать, всё уметь.

Кто скажет сейчас, что она ещё не научилась жить, что она не усвоила уроки жизни? Ну конечно, если воспринимать жизнь как нечто абстрактное, как некую субстанцию для достижения цели, где счастье – это некий общественный идеал, то тогда может показаться, что наша героиня не дотягивает до вершин. Но она и не ставила перед собой каких-либо значительных целей. Она жила бесцельно и, может быть, поэтому вполне счастливо. Как все. Она была бы ещё более счастливой, если бы не огромное домашнее хозяйство. Если бы не надо было вставать зимой в пять часов, чтобы в жуткой темноте идти за дровами, потом растапливать печь, носить из колодца воду. В общем, если бы не делать всё то, что делают сельские жители из века в век.

Глядя на огонь в русской печи, Анастасия Павловна думала о том, что точно так же, как она, прожили на этой земле свою жизнь её деды и прадеды, а возможно, будут жить и её дети. Только в этой мысли не было для неё ни гордости, ни удовлетворения – скорее досада. В конце концов, должно же что-то меняться к лучшему даже в этой бедной стране. Или не должно? Может быть, как раз за счёт своей косности, своей неповоротливости и жива ещё Россия? Кто его знает...

Когда дети немного подросли, ей стало легче. Не то чтобы очень легко, но всё же. У неё появилась возможность не только мыть посуду, готовить обеды и ужины, стирать, полоскать и гладить, не только работать в саду и огороде, ходить по хлевам, мариновать овощи, сушить ягоды и грибы, белить печи, стены и потолки, закупать дефицитные продукты, шить, штопать, вязать, но и расслабляться иногда, правда, без книг и газет, потому что сон засасывает сразу и надолго. Появилась возможность блаженно посидеть на солнцепёке пять минут, всё время поглядывая на часы и припоминая, не оставлено ли что-нибудь на плите, не убежали ли дети купаться без спроса? Ведь река, такая коварная и глубокая, совсем рядом...

**Надежда
МИРОШНИЧЕНКО**

НА РОДИНЕ

Всё постепенно. И всегда так было:
Не сразу побеждает вражья сила.
И ластится. И к сердцу прижимает.
И рядышком с тобою проживает.
Всё постепенно. С разрушенья быта.
С могилы предка, что травой покрыта.
С порушенного небреженьем крова.
С униженного оскверненьем слова.
Но постепенно и другое – тоже,
Когда мы честь на совесть перемножим,
Когда душа прозрением взорвётся –
Откуда только силушка возьмётся!

Как много и мало за жизнь пригодилось.
Как мало! А всё-таки много.
Скажи, разве по сердцу не приходилась
Тебе золотая дорога?!
А добрые люди?
А дальние страны?
А близкие-близкие очи?
А этих бездонных небес океаны
И тёплого лета глоточек?
Качай меня, море!
Забудь меня, горе!
Найди меня, тихое слово!

-
- Надежда Александровна Мирошниченко родилась в Москве. Окончила педагогический институт. Автор книг стихотворений «Назовите меня по имени», «Хочется счастья», «Отрывок», «Зачем не сберегли?» и других. Член Союза писателей России. Автор множества публикаций в литературных журналах России.

Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии «Северная звезда» Республики Саха (Якутия) и Союза писателей России, премии журнала «Наш современник», Большой литературной премии России. Заслуженный работник культуры России. Народный поэт Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

О чём там берёзы шумят на угоре,
А птицы молчат бестолково?
Как странно, что всё повторится на свете:
И сны, и мечты, и наряды,
И эти тяжёлые, в яблоках, ветви,
И чьё-то дыхание рядом.
Как странно, что всё на земле повторится!
И дети прозреют, и люди.
И всё разобьётся, что сможет разбиться.
И сбудется всё, что не сможет не сбыться.
И жизнь от того не убудет.

Памяти Левона Хечояна

Я у всех научилась великому таинству слова.
Я у всех научилась щемящему чувству любви.
И теперь я могу говорить, как дитя, бестолково,
Но со светом, струящимся искренностью изнутри.

Вы простите меня – все, кого по пути обижала.
Я сама обижалась, гордынею путь серебра.
Это дорого стоит – душой обрётённая жалость,
И жалеешь любого, и вовсе не жалко себя.

Это дорого стоит – суровая нить покаянья,
Пусть в руинах душа, да зато в золотой глубине
Голубиной надежды бессмертное длится сиянье.
Видно, ангел-хранитель и впрямь молил Бога о мне.

Не пошло, не стало слово ластиться.
Ворожить не стало ни на что.
Ну и пусть, а я надела платице,
Самое красивое зато.

Потому что мне сегодня хочется
Вспомнить вдруг про свой, про женский род.
Я устала жить как переводчица –
С русского на русский перевод.

Русский путь – работа над ошибками,
Да дорога больно хороша.
Одари меня своей улыбкою,
Русская заблудшая душа.

Чтобы сильной стала я и нежною,
Вопреки пусть – не благодаря.
Поддержи меня своей надеждою,
Чтобы мужиком не стала я.

Потому мне платице и нравится,
Самое красивое моё...
Да святится, Русь моя, красавица,
Вечно имя женское твоё.

Не может быть того. Не может.
Я говорю: не может быть,
Что сам он чувствует не то же.
Что он посмел меня забыть.

Да кто ему такое скажет,
Что я скажу? И кто ему
Словами душу перевяжет,
Непостижимую уму?

Покуда звездами объята
Вся наша солнечная даль,
Ты слышишь: я тобой богата
На вдохновенье и печаль.

И сам ты чувствуешь всё то же.
И не дано нам разлюбить.
Не может быть того. Не может.
Я говорю: не может быть.

Я всех забываю. И это пока не склероз.
Я просто устала от немощи старых друзей.
От воплей Юноны, рассчитанных на «авось».
Ещё от корысти, в которой пропал Одиссей.

Мне нравятся кони, взметнувшиеся на скаку.
В их вечном порыве мне мнится бессмертия нить.
Какая тоска?! Передумать бы всё, что смогу.
Какая поэзия?! Жизнь бы успеть пережить.

Ты к чему, перекрёсток? И так разобраться непросто,
Что такое любовь: то ли дар, то ли дурь, то ли дом?
Почему её лик с колыбели манит до погоста,
Да ещё перекрёсток (крест-накрест) сбивает притом?

А направо – обман. А налево – лукавое золото.
А пойдёшь напрямки – то коряга, то меч, то Кощей...
Стой, Конёк-Горбунок. Несмеяна – она глуповата,
А вот ясности хочет в туманной природе вещей.

И пытаются Ивана то мёртвой водой, то живую.
Тут и меч-кладенец, тут и Русской земли письмена.
А ему всё одно: «Будь моей, Несмеяна, женою.
Мне и смерть не страшна. Мне и жизнь без тебя не нужна».

Ни в какой стороне вы вовеки не встретите это,
Ни в каком государстве и в царстве, считай, ни в каком,
Лишь в России девица, наслушавшись добрых советов,
И пойдёт за царя, да однажды сбежит с дураком.

Что такое любовь? Вы мне скажете: гиблое дело.
Так зачем по ночам вспоминаете юные сны
И твердите в сердцах: не напрасно ли жизнь пролетела?
И в слезах засыпаете, к боку прижавшись жены?

Что такое любовь? Почему вам павлин – не жар-птица?
Что дежурить у стога до самого края зари?
И на парус пускать непрактичные алые ситцы?
И гадать на Крещенье? И попусту жечь фонари?

Муза, мне не хватает блюза,
Танго или, конечно, вальса.
Муза, пусть наша жизнь обуза,
Но не всегда же я Железнова Васса.

Муза, ландышами снежинок с окон
Нынче просится в дом позёмка.
Муза, где-то сегодня сокол,
Видно, не стал убивать ягнёнка.

Муза, как хорошо, что рядом
Ты народилась с небом и праотцами.
Муза, ты-то откуда родом,
Если дружишь с хижинами и дворцами?

Не говори, что это было тогда не с нами.
И не всегда же я Железнова Васса!
«Сказками Венского леса» закружит память.
Мне не хватает сегодня Большого вальса!

ДА ПУСТЬ ИДУТ...

Да пусть идут! Кто хочет – пусть уходит.
Готовят паспорта и корабли.
А то как дрожжи бешеные бродят
И пузыри пускают на земли.
Пусть все уйдут, кому Россия – сука
И не жена она кому, не мать.
И мы тогда обнимемся друг с другом
И скажем: «Слава Богу! Хватит спать!»

Не упрекая и не сожалея,
Сомкнём ряды и, поглядев вокруг,
Мы вспомним всё, что любим и умеем.
И будет отдыхать нам недосуг.
Вам не понять, чего Россия стоит
И почему её не продаём.
Мы говорим: «Оставьте нас в покое
И бросьте умирать». Мы не умрём.

Вы всё украли. Вот и успокойтесь.
На золотом живите этаже.
Водю вашей мёртвою умойтесь.
Живая не поможет вам уже.
И рухнут технологии и фейки.
И вдосталь нарожаем мы детей.
Мы Родину поднимем без копейки
Своей любовью к Родине своей.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЗМЫ «РУСЬ»

Была я в этой местности нездешней.
Но за чредой разрушенных садов
Мне показал таинственный орешник
Коричневые мордочки плодов.
И плакал детский голос электрички
Так тонко, что подумалось: не плачь.
И девочка, две школьные косички,
Как мячик под дождём летела вскачь.

На Родине, в любой её долине,
В любой нечуждедальней стороне
Всё хорошо: от горестной поляны
И до цветка герани на окне.
Откуда взялся ты в конце аллеи,
Такой чужой и нужный в этот час?
Я и сейчас, пожалуй, не жалею,
Что случай свёл на той аллее нас.
И думалось: любое время любо –
И духота, и радуга, и дождь.
Но непослушные шептали губы:
«Ты не забыла! Ты ещё придёшь!..»

На Родине... Но всё-таки... но всё же...
Я оглянулась, память бередя:
Лишь девочка неслась по бездорожью
В счастливых струях летнего дождя.

**Георгий
ПАНКРАТОВ**

ДВА РАССКАЗА

АМЕРИКА

Мы были два простых парня. Вечерами брали по бутылочке пива, вернувшись с учёбы или работы, и садились на широкую скамейку, одну из трёх, стоящих буквой «П» у перекрёстка. Мы смотрели на проезжающие троллейбусы – они бывали двух типов: короткие и длинные, «с гармошкой»; и на окружающих людей – они бывали одного типа: суетливые, спешащие купить хлеба, колбасы или того же пива и скорее укрыться у себя в квартирах. Мы доставали сигареты, прикуривали. Я носил «пилот» – такую чёрную куртку с оранжевой изнанкой, простые чёрные джинсы и бэг – дешёвую тряпичную сумку. Мой друг – какой-то бесформенный пуховик и «спортивки». Вспоминали о чём-то, смеялись, думали, что делать дальше. Вариантов, как правило, не было, а потому мы так и сидели, никуда не спеша.

Каждый, кто это читает, взглянув на нас тогдашних, сказал бы: гопники. Я же вообще не знал такого слова – мы ходили куда хотели, делали что хотели и никого не боялись. Мы выглядели так, как умели, и развлекались так, как умели, – просто не зная других развлечений среди огромных коробок, в которых жили, и обладая теми средствами, которыми обладали, – то есть не обладая ничем. Кроме смутной надежды на то, что «когда-нибудь будет иначе», будет что-то ещё, кроме троллейбусов. Можно было стоять в подъезде, покуривая в окно, или сходить

-
- Георгий Витальевич Панкратов родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Зинзивер», «Север», «Сибирские огни», «Нижний Новгород» и проч., на портале «Литература». Финалист премий «Дебют» (2014), «ЛИТконкурс. Стихи и проза» (2015), премии Дмитрия Горчева (2016), участник XVI Форума молодых писателей. Вошёл в лонг-лист премии «Ясная поляна» (2015, 2016). Автор книги «Письма в Квартал Капучино». Летом 2016 года книга была презентована в Севастополе и Симферополе. Живёт в Москве и Севастополе.

«на трубы» – но это если было денег хотя б на бутылки три (дорога предстояла дальняя, в конец района), или шататься по улицам, или сидеть на лавках. Пока родители, придя домой с работы, занимались своими привычными делами: ругались между собой и протирали пыль.

Да, мы были гопотой – формально, внешне. Но при этом писали стихи – из нас выливались огромные грязевые потоки жутких, никчёмных стихов, я измерял их количество сотнями, не успевая клепать сборники, и только на восьмом обнаружил: что-то наконец получилось. Писал их и Антон – так звали друга – и другие наши приятели, оставшиеся за пределами этой истории (да и вообще какой-либо истории).

Мы ходили на «Корабль» – странную квартиру, куда нужно было позвонить семь раз подряд, чтобы тебе открыли. Там жил худож и непрерывно куривший человек старше каждого из нас (а нам было лет по девятнадцать), он выпускал самиздатовский журнал «Корабль», и мы, запасшись бухлом и стишатами, спешили на этот «Корабль», чтоб вместе с ним снова идти ко дну. Там были люди с никами «Валькирия», «Дементия», «Тёмная принцесса», «Чёрный дождь», нежно влюблённые в созданный ими образ толстые девочки, угловатые, некрасивые мальчишки. Все молчаливо признавали для себя, что вряд ли когда-нибудь поднимутся на борт большого литературного корабля, и, приняв это «по умолчанию», ожесточённо спорили на страницах самопального журнала, боготворили (или разбивали в прах) друг друга, строили козни, давили, ломали, грызли друг друга – все, как и положено, «по-настоящему». Антон придумывал премии, помню названия некоторых: «Поэтика», «Строфика». Можно было награждать друг друга, голосуя в прокуренном подъезде возле лифта, прижавшись к тёплой батарее спиной.

Об этих людях, хоть и не нашёл со многими общего языка (это не важно), вспоминаю с очень большой теплотой. Спустя много лет я упомянул о них в своей так называемой «нобелевской речи», когда меня пустили поглазеть на мир гигантов мысли, на большой и уже настоящий «Корабль» – на вручение литературной премии, придуманной уже не Антоном. Наивный, я написал о тех парнях и девчонках, что грезят, живут литературой, дышат ей и даже не верят в то, что им когда-нибудь дадут сигнал с большого «Корабля»: поднимайтесь к нам! Должно быть, боги литературы, восседавшие в жюри, изрядно потешились над моим письмецом: «Вот идиот-то!» У меня не было ни одного знакомого на их «Корабле», и меня, схватив за руки и за ноги, выбросили за борт. Надо было писать другое, но я был честным: знал, что это не я поднялся на борт «Корабля» писателей, а они, мы все – странные гопники, провожавшие взглядом троллейбусы. Впрочем, слова мне так и не дали. Мы, гопота, странные, мы не можем забыть обиды.

Так вот, на «Корабле»-то мы и познакомились с той девушкой – ее звали Мор. То есть Морганой, леди ле Фей – как она себя называла. Она была старше нас, готовилась стать инженером, и у неё уже была книжка – опубликованная в каком-то издательстве, настоящая. Мор никогда не показывала её нам, но мы, раскрыв рты, верили. И

пригласили её посмотреть на троллейбусы, обещали угостить пивком. Она долго сомневалась, но, видимо, не смогла устоять перед нашим обаянием – простых петербургских лузеров с окраины.

И вот она сидела, болтая ногами, в красном пальто, на одной из трёх скамеек, другие занимали мы с Антоном. И, конечно, старались ей понравиться: от нечего делать, просто так – ибо, если встречаются девушка и два парня, по-другому быть, вроде, не может. Антон убеждал её поучаствовать в придуманной им тут же премии, а она, понимая, что для этого нужно прочесть километры муторных стихов от одиноких, истосковавшихся по женскому вниманию парней, отнекивалась как могла.

Моим «козырем» перед Антоном было то, что я не только писал, но и читал – в недолгих перерывах между распитием алкоголя и созерцанием троллейбусов. А раз читал, то и писал, соответственно, больше. И у меня была книга, а если быть честным – простая тетрадка в клеточку, наполненная матом, извращениями и убийствами до самой последней страницы. Я писал бы ещё, но тетрадка кончилась. Моргана была высокого мнения об этой «вещице», она называла её отборным и даже талантливым (нет, мне это не послышалось) трэшем. Но я не знал, что значит «трэш», и искренне утверждал, что написал книжку о трагичности любви и, в принципе, её невозможности. С тех пор для себя так и определяю трэш: как творчество о невозможности любви. Мор смеялась.

У Антона против меня был свой «джокер»: он разбирался в фэнтези и фантастике, сыпал терминами, каких я даже не слышал, и пересказывал сюжеты, от которых меня клонило в сон. Но Моргане нравилось, и я с каждой секундой всё отчетливее понимал, что Антон завладел её вниманием окончательно и бесповоротно.

– Не, – говорил я, отхлёбывая пивко, – фэнтези и фантастика – это всё туфта. Настоящие жанры – это бытовые. Суровый, жестокий реализм, – распалялся я. – Да-да, а вы что думали?

– Да ну тебя с твоим реализмом! – Антон занервничал, ведь в реализме ничего не смыслил.

– Вот-вот, – говорил я, – есть такой сборник рассказов, написанных охранником какого-то клуба, который в начале девяностых бандосом был. «Огненное погребение», – добавил я. – Очень хочу почитать.

Моргана изменилась в лице, посмотрев на меня не просто как на лузера, а вообще как на биологический мусор. Как человек с претензией на интеллект, в её глазах я совершил самоубийство.

– Чего? – спросила она.

– «Огненное погребение», – машинально повторил я. – Откровения охранника.

Тут я и сам почувствовал себя погребённым под её огненным взглядом, полным презрения к жалкому, непросвещённому быдлу.

– «Огненное погребение» – это сборник рассказов Адольфыча! – торжествующе сказала интеллектуалка.

Конечно, я понятия не имел, кто такой Адольфыч, но книгу про «огненное погребение» мне рекомендовал один хороший знакомый

из числа тех же, кто «пишет, да все не туда». А я и поверил, развесив уши. Адольфыч – это явно не охранник, думал я, это, наверное, культовый персонаж. И уж, конечно, он не клепал стишки про любовь и кровь, как это делали мы с Антоном, чтобы потом выдвинуть на свои же премии.

Не зная, куда спрятаться от стыда, я лопотал что-то неразборчивое (на самого Адольфыча мне было наплевать, но неловкость произошедшего очень тяготила: казалось, что Моргана сейчас встанет и уйдёт, бросив что-нибудь вроде: вы – дебилы!). Но тут произошло событие, которое заставило нас забыть об «Огненном погребении», о реализме и трэше, вместе взятых. Хотя именно они-то и наступили. Нет, не проехал очередной троллейбус. К нашим скамейкам подошёл мужик лет пятидесяти на вид, бородатый, усатый, с пьяным и усталым взглядом. Он сел на скамейку и нам на уши практически одновременно.

– Вы тут всё о поэзии... – сказал он почему-то, и мы решили: проще согласиться, чем объяснять все тонкости возникшего между нами непонимания. – А я вот о ненависти, – довершил мужик и замолчал на какое-то время, но затем, увидев, что мы никак не реагируем (ну, разве что притихли, да и Мор куда-то засобиралась), произнёс громко, но не глядя ни на кого из нас: – Ненавижу! – И обхватил голову руками.

Нет, это не оборот, показавшийся мне как автору уместным. Мужик действительно обхватил руками голову. Похоже, ему было нехорошо. Но кого он так ненавидел? Нас? Это вряд ли. Чем мы его могли так раздосадовать? Жену, выгнавшую из дома? Нехватку денег на пиво? Свою неудавшуюся к столь почтенному возрасту жизнь?

Мы не терялись в догадках, мы просто сидели, но мужик не выдержал и признался сам:

– Америку! Америку, мать её, ненавижу!

Одет мужик был бедно – под стать нам с Антоном: чёрный пуховик с красными и синими полосками, джинсы, кроссовки.

– Я во Вьетнаме бывал, слышите, – заговорил он скороговоркой, – и в Афганистане бывал. И в Северной Африке бывал. И просто бывал в Африке.

Я не знал, как реагировать на эти заявления. Для нас с Антоном все эти края были только словами. Если бы «Огненное погребение» писал действительно охранник, то, наверное, он бы выглядел именно так – вот всё, что мы в тот момент думали. И признаться, не предполагали, что так близки к правде.

– А что же вы тут делаете? – спросила Мор со свойственной ей насмешкой. – Отдыхаете?

– Ага, – затряс головой мужик. – Отдыхать на кладбище буду. Охраняю вон халабуду эту. – Он показал рукой на мини-маркет, красовавшийся через дорогу. – А чё ещё делать? – сказал то ли в оправдание, то ли в продолжение разговора.

– Америку ненавидеть, – бросила Мор.

– Не, ну я же не просто так, с нихрена вот! – завёлся мужик. – Америка нас унижает, Америка нас поставила на колени. Почему это всё? – Он сделал неопределённый жест. – Потому что Америка...

– Ну, я вообще америкосов тоже не люблю, – как-то неуверенно сказал Антон.

– Да и я недолюбливаю... – сказал я, но тут же хотел пояснить, что совсем не хочу об этом разговаривать.

Девушка напротив интересовала меня куда больше, чем Америка. Да и моего друга тоже. Зато она совершенно не интересовала охранника.

– Ну вот вы и нашли друг друга, собеседнички. Темы у вас общие есть, сидите общайтесь, – сказала Моргана вежливо и упорхнула.

– Вот и правильно! Проваливай! – немедленно отреагировал грубиян. – В свою Америку!

Мы с тоской провожали девушку глазами, наблюдая, как она пересекает перекрёсток и садится в маршрутку.

– Ну твою ж мать! – выругался Антон.

– Бабы – они все такие, – замотал головой мужик. – Сначала они с тобой туда-сюда, там, то да сё...

Он «листал» свой мысленный словарь синонимов, но, так и не найдя ничего подходящего, плюнул. В прямом смысле – прямо мне под ноги, чуть не попав на джинсы.

– ...А потом, – он глубокомысленно вздохнул, – валят в Америку.

– Мужик, – в сердцах сказали мы, – ну вот далась тебе твоя Америка!

– Да мне она, знаешь, куда далась... – сказал мужик и всё-таки уточнил.

Но мы были люди подготовленные, уши у нас не вяли. И уже собирались произнести примерно то же самое, уточняя, куда ему вместе со всей его Америкой идти.

– Но ведь жить не даёт, зараза! Жить не даёт!

Мужик изливал нам душу – говорил о самом сокровенном. Похоже, что он позволял себе такое только на последней стадии опьянения. Правда, слова давались ему всё сложнее, и временами он только издавал мычащие звуки и пытался махнуть рукой.

– Вот ты скажи мне, – выпалил он так быстро и громко, насколько хватило внезапного «просветления», – вот у нас страна такая большая: Калининград там, Ленинград, Урал, прикинь, Урал целый! А Сибирь-то, Сибирь! А Сахалин! – Тут он и вовсе вытаращил глаза. – Сахалин-то! Вы были хоть на Сахалине, пацаны?

– Ну что тебе сказать про Сахалин... – как умел, продолжил тему Антон.

– Я бы съездил, – произнёс я, – да не приглашает никто.

– Вот и я говорю: съездил! Я бы тебе по морде съездил!

Нас было двое, и внезапной агрессии мужика мы не придали значения. И правильно: он тотчас же нашёл ей другое, привычное применение.

– А у них страна никакая! Есть там Калининград? Нет Калининграда. Есть Ленинград? Нет Ленинграда. Ни Урала у них, ни Сибири, твою их мать, нет. А Сахалин? Чё, думаете, Сахалин у них хотя бы есть?..

Мы ничего не думали, а прямо ему и сказали:

– Мужик! Слушай, иди проспись.

– Вот и я говорю! Нет у них Сахалина! – торжествующе заключил мужик и начал осторожно подниматься. – А ещё Америка...

Мы не скрывали удовольствия от того, что наш собеседник уходит, и даже вручили ему бутылку пива, чтоб быстрее на радостях шёл. Но он всё стоял, нависнув над нами как туча, и бормотал что-то бессвязное. Всё, что можно было понять из его речи, это рычание, сопение и слово «ненавижу».

– У нас – образование, а у них – чёрт-те что! – неожиданно чётко сказал мужик и наконец отвернулся от нас, собираясь идти.

Эта последняя его претензия к Америке рассмешила меня. Улыбаясь, я полез в карман за сигаретой:

– Ну что, теперь на «Корабль» двинем?

А куда нам было ещё деваться? И пусть этот «Корабль» пришвартован навеки к нашему райончику, пусть мы никогда не побываем на нём ни в Америке, ни на Сахалине – но хоть поднимемся на борт, ведь так скучно в этом порту, на трёх скамейках!

– Эй, смотри! – изумлённо воскликнул Антон прямо возле моего уха, и уже по одному этому вопросу я понял, что сюрпризы от неожиданного гостя ещё не исчерпаны.

Тот направлялся, шатаясь, в сторону троллейбусной остановки, и только тут я догадался, что же так впечатлило Антона. Во всю спину охранника, стилизованные под цвета знакомого всему миру национального флага, красовались три огромные буквы: «U. S. A.»

ЛАДНО

Пожаловаться на несправедливость я тоже люблю. Почему тоже? Так, а кто ж не любит? Одного не разделяю: когда жалуются «на баб». Если и есть островок справедливости в океане несовершенного мироустройства, так это Остров Мужчин и Женщин. Но стоны на темы: «не даёт», «всем нужны деньги», «на простого парня не посмотрит» – слышны, наверное, из космоса. Женщины в этом отношении спокойнее, как и подобает стороне, за которой правда. А значит, как мы знаем из отечественного кинематографа, и сила.

Сила женщин – движущая. В Нижегородском метрополитене есть станция метро «Двигатель революции». Вот женщина – это такой двигатель маленьких мужских революций. Для начала в сознании. Любой захудалый, инертный мужчинка, влюбляясь, вдруг осознаёт: надо что-то делать, нельзя болтаться «в проруби» – маленькая революция в сознании. Встаёт с дивана, допивает пиво – это если он из тех, кто подвержен таким увлечениям. Есть и те, кто просто сомневается, вроде и хотят что-то делать, только не знают, что. Или зачем – вопрос, который вообще мучает многих мужчин. Женщины не задаются вопросом «зачем», они отвечают на него. С собой.

Так мир потихоньку идёт вперёд: что-то создаётся, что-то решается, производится, предлагается, и делаются бесконечные маленькие дела, переплетающиеся, скатывающиеся в большие, в огромный снеж-

ный ком, который катится по миру – веками и датами – чтобы прикатиться к ногам какой-нибудь Снежной Королевы – великой Женщины всех женщин, то есть любой из них, каждой: мол, посмотри, чего мы добились, что мы сделали. А не будь её, шару катиться и некуда – мужчины попинают, перепасуют друг другу, словно на скучном футболе, и разойдутся по своим бездельям. Отчего же они уверены, что в этом безделье их кто-то должен любить? И сразу начинают – о деньгах, о «простом парне»...

Нормальный мужчина любит себя, своё дело и свою женщину. Практически всегда это взаимосвязано. Нормальная женщина просто есть. Этого, как правило, достаточно.

Мы сидели на скамейке возле маленького озера, скрытого во дворах недалеко от площади Мужества в Петербурге. Помимо озера здесь даже был небольшой парк – куда-то уводили в ночную тишину тропинки, где-то виднелись такие же, как наша, скамейки. Я неплохо ориентировался в городе, но о существовании этого места не узнал бы никогда, если б не одно обстоятельство.

– Но ты же ведь понимаешь, почему нет? – прозвучал её тихий голос, обращённый скорее к себе, к её внутренней надежде на то, что действительно это так, и объяснять очевидное, произносить банальности, втолковывать мне, неразумному, границы допустимого в нашем едва родившемся общении не придётся.

Тогда было около семи утра, петербургская осень уже вступила в свои права и приступила к обязанностям, которые у неё, осени, простые: вот для таких, как эта, встреч обеспечивать грусть и холод, быть декорацией, фоном простых и печальных слов, обычных историй, надежд и волнений, и утренней иллюзорности всего, что существует.

Существовала бутылка вина между нами, но пить не хотелось, никто из нас не был пьян. Существовало родство душ, она так и сказала: «Мы души с тобой родственные». Но родственные же – не родные. Существовала звезда над нами. Казалось, скоро эта звезда устремится вниз, и в прощальной её вспышке станет можно шептать желание. Да успеть бы, настолько оно стремительно, её падение. А желание будет одно-одинёшенько: «Не гасни, звезда, пожалуйста. Не падай с тёмных вершин своих, возвращайся скорей на небушко и свети ярче всех других прочих. Только свети всегда, звёздочка!» Существовали, в конце концов, мы: я и она, Юнна.

Посмотрела ли она на меня, произнося свои слова? Я не знаю. Я не видел тогда ничего вообще, говорил при закрытых глазах: «Да, вы мне нравитесь». Слово какое: «нравитесь». Надо же, мне – двадцать семь, ей – тридцать восемь. Мы пинали ногами листья, ходили вокруг озера, смотрели в глаза друг другу – мы были обычными людьми в обычной ситуации. Пришла пора прощаться – обыкновенная пора.

– Мы больше никогда не увидимся, – сказала она на прощанье, когда я проводил её до подъезда.

Дом, где она жила, стоял практически в этом парке. Утопал в осени. Я уходил от неё, всматриваясь в окна: провожает ли взглядом? смотрит ли? Да так ничего и не понял, лишь бесконечно прокручивал в памяти эти слова её: «Мы больше никогда не увидимся».

Характер моей работы в то время был механическим и грубым, но несложным: главное и порой единственное усилие заключалось в том, чтобы на ней появиться. Каждое утро заходил через служебный вход, поднимался на второй этаж и шёл в раздевалку, где натягивал синий комбинезон и отправлялся к маленькой курилке. Устремлял взгляд в окно – часто именно в этот момент туда заезжала фура, набитая под завязку продукцией для магазина. Тогда я, затаиваясь, просчитывал в уме, сколько времени придётся затратить на её разгрузку, доставку на склад, а затем и сам магазин. Ну а дальше нужно было обеспечить необходимое количество продукции в торговом зале, проконсультировать покупателей, собрать индивидуальные заказы, проверить их и отгрузить получателю.

Я шёл на собрание, и там появлялась она, Юнна: в служебные обязанности её входило проведение этих ежедневных собраний. Держа в руках несколько распечатанных листов, она осматривала собравшихся и приветствовала их короткой улыбкой. Её утренний голос казался усталым, как и утренний взгляд, но она принималась читать свои листы и делала это довольно бодро. Содержание объявлений всегда было одинаковым: новая продукция, ближайшие события компании и прочее – эта информация погружала в дремотное состояние, которое прерывалось только её словами:

– Всем удачного рабочего дня!

Работа меня интересовала мало, и Юнна это видела. Зато меня интересовала она, и это она видела тоже. В те дни я начинал печататься в журналах и газетах, всё свободное время тратил на то, что обивал пороги редакций. Но в штат упорно не брали, а нужно было жить, следовательно, вертеться, как любили говорить в девяностые. Все чаще приходила мысль отправиться в Москву: сотни столичных вакансий в день против двух-трёх повторяющихся петербургских укрепляли меня в этой мысли. «Но как же Юнна? Она останется здесь», – горестно думал я, да и меня ждёт чёрт знает что.

Возле кулера с водой, поглядывая краем глаза молодёжное американское кино, она однажды сказала мне:

– А интересно, будут ли они (про тех, что в фильме) так же целоваться у всех на виду, когда им будет пятьдесят лет, а не двадцать?

Её действительно заботил этот вопрос, но не применительно к легкомысленным героям кинофильма, а, должно быть, к ней самой и её избраннику, её интересовало: будут ли её целовать, когда ей будет пятьдесят.

– Здесь всё зависит не от возраста, а от того, как люди себя ощущают, – пробормотал я, почувствовав себя идиотом: не это она хотела бы слышать.

«Я хочу целовать вас, когда вам будет пятьдесят», – вот что, наверное, хотела. Именно это, конечно, я и не решился сказать.

Она была слишком строгой в глазах тех, кто не понимал её одиночества и не видел красоты. Нет, красота её внешняя была очевидна, одиночество же в досужих разговорах служило обоснованием того, почему она «не даёт нормально работать», «не входит в положение», «не может понять». «Личные проблемы не должны отражаться

на работе», – могла сказать она, и это в ней не любили; но так жила и она сама – ежедневно. И так ей предстояло жить долго, пока кто-то... Нет, почему кто-то, ведь есть я!

Но что мне было делать в Питере? Продолжать работать под её руководством, внимать этим утренним указаниям? Работа–вечернее пиво–короткий сон... Нет, совсем не этого мне хотелось. Если я уеду, она будет далеко, но если нет – она станет ещё дальше. И вот билет в Москву был взят, увольнение подписано, небольшие, но приятные проводы завершены – и только мы вдвоём оставались, впервые доверившись друг другу. Но почему такие слова: «Мы больше никогда не увидимся»? Это ли я хотел услышать? Это ли она хотела произнести?

«Ладно, – думал я, закуривая в ожидании трамвая, – ладно...»

Москва не встретила меня с радостью, хотя я никогда и не думал, что там намазано мёдом.

Мои тексты были никому не нужны – я писал их десятками, посетил кучу офисов, благодаря чему легко представляю сейчас, что находится на поверхности, наверное, каждой станции метро. Мне говорили «нет», «возможно», «в другой раз»; в крупных газетах, информагентствах даже не разговаривали. Если оставалось несколько минут в день – писал Юнне. Писал о погоде, спрашивал, как у неё. Она появлялась редко, и в какой-то момент совсем исчезла.

Начиналась мода на площади, митинги, заявлял о себе «креативный класс», и казавшийся единым журналистский лагерь немедленно распался на два. Теперь в редакциях спрашивали: «За кого ты?» А я не был «креативный класс», я был пишущий человек, сам за себя. И опять ночью писал, и опять слышал наутро: «Не приходите». Даже в компании, где нужно было с утра до вечера заполнять скидочные купоны, мне указали на дверь.

Я шёл по Варшавскому шоссе, спотыкаясь и плюя в сугробы, никому здесь даром не нужный, не видимый даже встречными прохожими, и думал злостно: «Ну ладно, – докуривая сигарету, – ладно...»

У подъезда привычно стояла милицейская машина – насчёт того, к кому она приехала, у меня не было сомнений. В «хате», где я снимал комнату, лилась рекой водка, дрались на ножах, утюгах, стреляли в окно «со ствола» – со скуки, с пьяной русской тоски. Мать семейства, получив от меня плату, надолго уходила в запой, сыновья никогда не работали, но имели по паре «отсидок»; если приходили гости – весь цвет местного криминала, – ор стоял на весь дом, финалом любого праздника становилось побоище на лестничной клетке. Зато было дешёво – о лучших условиях я и мечтать не мог. Да и в минуты трезвости парни оказывались людьми; мы сидели на кухне, курили, я слушал истории, от которых вставали волосы дыбом, и удивлялся, как эти парни ещё живы.

– Никогда не надо сдаваться, – говорили они. – Просто нельзя.

Спал я часа по два за сутки – с таким соседством стоило быть начеку, да и входная дверь не закрывалась никогда. Перед самым сном вспоминал о Юнне, Петербурге, она писала, что любит бабо-

чек и добрые сны. Я тоже думал о бабочках и улыбался, но, если в комнату врываются люди в форме, приходилось подниматься и лезть за паспортом. И объяснять в который раз, что «родственник», «приехал погостить». Утром я открывал свой список и обзванивал редакции, которые ещё не успел достать. Жизнь продолжалась – это вообще ей свойственно, что даже удивляет иногда.

Но вот пришло время, когда работа стала приносить мне удовольствие, перестала быть бесполезной. Работа в традиционном смысле, ведь, если вдуматься, то всё на свете – работа. Я не просто попал наконец «в журналы», а стал их выпускать – одни, другие, третьи. Запах свежего, выпущенного из типографии журнала был милее всех радостей жизни; я ездил на интервью, готовил репортажи, делал первые шаги как публицист, ибо то, что начинало происходить в обществе к тому времени, не могло не волновать. Меня читали и знали совсем немногие, но это были живые люди – небезразличные, и мне удавалось донести до них какие-то мысли, получить что-то в ответ. Денег по-прежнему не хватало, но я уже давно уехал из той комнаты, стал жить более-менее свободно и даже – о чём так мечтал – высыпаться. Наверное, в Москве это самое популярное желание.

Но любая, даже самая талантливая статья живёт, словно та бабочка, недолго. К ней больше внимания, на неё есть реакция, отклик – но журналистика, как ни крути, не имеет отношения к вечности. Живут дольше одного дня только книги. Я смотрел, как исчезают статьи, только появившись, моих любимых авторов – прекрасные статьи уходят в никуда, в бездну не-существования, и думал, что журналистика (и публицистика как её «нелюбимая дочь») – занятие ничтожное в сравнении с написанием книг. Было ещё и кое-что немаловажное. Как там у петербургского автора Ивана Сабилу: «Чем отличается журналист от писателя? Тем, что первый разбирается с другими, а второй – с самим собой». – «По-вашему, разобраться в самом себе труднее, чем в других?» – «Намного». Из объяснения женщине, кстати...

Остановившись на какое-то мгновение в суете, я вспомнил, что когда-то писал. Вспомнил тетрадки, оставленные в Петербурге, исчерканные повестями, рассказами, сюжетами, задумками... Почему я всё это оставил? Просто в какой-то момент перестал верить. «В мире столько писателей, – думал я, – и все они жрут друг друга, потому что места на всех не хватает, да и просто так – потому что друг другу не нравятся. Меня же и жрать не надо: только посмотрят – и нет меня».

Но всё изменило простое обстоятельство: мне *захотелось* писать. Так, что по-другому было уже невозможно. Писать мне удавалось только около часа в день – ранним утром. Как и когда-то в магазине, здесь действовало то же правило: самым сложным было «появиться на работе». Хотя и редактирование – то ещё удовольствие... Но, выдохнув через год, я обнаружил, что у меня готово девять повестей плюс всякая мелочь. Я стал предлагать её в журналы.

Моим письмам в этих журналах никто не был рад, а если и отвечали – коротко, недовольно, жёстко. Даже в случае согласия. В слу-

чае отказа не разговаривали вообще. Литературный мир – не отношения мужчин и женщин, здесь есть на что пожаловаться. Но всё это уже было пройдено. «Мы никогда не увидимся», – вспоминаю я иногда с улыбкой. Вспоминаю как подсказку.

Однажды меня пригласили на красивую литературную премию. Я ходил между людей, глазел, глотал коньяк из фляжечки, потом вышел на сцену, помолчал, и мне сказали: «До свидания». Умные люди решали, кому уже можно называться писателем, а кому ещё нет. Тебе в литературе делать нечего, – так намекнули мне, – ею занимаются совсем другие люди. Я посмотрел на них – и ничего особенного не увидел. Ушёл. Мне было что сказать миру, но мир не захотел слушать.

Я выходил в распахнутой куртке в вечернюю Москву, и меня обдавало ветром, морозом. И думал... нет, ничего на самом деле не думал. Литературное чудовище выплюнуло меня – я показался неаппетитным, и пережёвывало за моей спиной тех, кто пришёлся ему по вкусу. У них было торжество, праздник. У меня – мороз, тишина, холодная, спешащая мимо Москва. Моя Москва. И моя Юнна.

Ведь мы выходили вместе. Вот уже два года, как я вспоминаю с улыбкой тот парк, то признание, ту волнительную тишину... И как ждал трамвая, чтобы добраться до дома, выспаться и отправиться на вокзал, в неизвестность. Она приехала через год, 31 декабря. Нормальный мужчина может верить в Деда Мороза. Если всё правильно делал в прошлом году.

«Ладно, – по-прежнему думаю я, оглядываясь последний раз туда, где пируют боги литературы, – ладно...»

**Наталья
КОЖЕВНИКОВА**

ТЕНЬ ОГНЯ

Перелесок, дорога, тишь,
Голубая Полюнь-звезда.
И не знаешь – живёшь?
Летишь?
Или падаешь в никуда?
Нет ни времени, ни границ,
И лишь долго хранят небеса
То ли ангелов, то ли птиц
Осторожные голоса.

Утром из дома выйдешь –
В инее каждый кустик.
Словно из сердца вынешь
Жаркий комочек грусти.
Тронешь – и медленный вздох,
Осколками вниз, у ног
Серебряной пылью лёг...

-
- Наталья Юрьевна Кожевникова родилась в Бузулуке Оренбургской области, окончила Оренбургский государственный педагогический институт. С 2008 года – главный редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Гостиный Двор» (Оренбург). Член Союза писателей России. Председатель Оренбургской региональной общественной писательской организации. Автор четырёх поэтических книг: «Лики любви», «Домовитая ласточка», «Другое время», «Посреди реки и света»; публикаций в журналах «Москва», «Современник», «Подъём», «Простор», «Дон», «Армак», «Новая Немига литературная», «Невский альманах», «Родная Ладога» и других. Лауреат Аксаковской премии (1992), премии журнала «Москва» (1993), Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (1997), Всероссийских литературных премий «Соколики русской земли» (2011), имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (2012), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2015), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2015).

Под медленный шелест летящего снега
Лицо запрокину. Что в звуке и знаке?
То землю объяла чудесная нега
Полнощной зимы, воссиявшей во мраке.
Нет звёзд драгоценней, нет снега белее,
Чем в небе российском, чем в рощах кленовых.
Под снегом цветы, что смиренней елея,
И ягоды сладкие веток терновых.
Забывчивы звёзды – уйдут с облаками,
И землю к рассвету морозы остудят.
Но сердце, но сердце дрожит под руками
И помнит, и знает, что было и будет.
Я миру покорна, мне Женщина – имя.
Мне долго идти, но дорога к родному –
Средь смуты и лжи, средь морозного дыма,
По зыбкому снегу – к желанному дому!

Ты спишь, душа твоя в покое.
Я обниму тебя сама.
Трепещет бабочкой мирское
В окне. За ним ночная тьма
Бесстрашно сердце горячит
И лунный серп бесстрастно точит.
А птица поздняя кричит
И жизнь прекрасную пророчит
Нам в этом времени проклятом,
Где все толкуют об ином.
И смерти нет. Лишь Дух крылатый
Витает в воздухе живом.

ЛЮБОВЬ

Ночью проснусь – оглушит тишина
первородная,
Звёзды ушли, только неба полоска
светла.
Дикими травами дышит межа
огородная,
Слёзы роняет в обрыв голубая ветла.
Это же здесь, под медовыми, тёплыми
соснами,
В сонную вечность текла золотая
вода.
Ночью короткой на миг
в остывающем космосе
Вспыхнула празднично наша
с тобою звезда.

Что это было? Любовь? Или
солнца затмение?
Свет не вечерний, стоящий и ночью
в окне,
Сон невозможный... Прощанье,
прощенье, забвение
Сразу всего, что сияло и пело во мне...
Если однажды из поезда дальнего,
длинного
Выйдешь весёлый, забытую
встретишь ветлу –
Не упади вниз с обрыва того
красноглинного,
Не простудись на весеннем,
высоком ветру...

Я именинница апреля.
И ночами,
Тайком от всех,
Привыкла слышать за плечами
Неясный смех,
Смятенный шёпот,
Восклицанья,
Ропот вешний...
И сквозь ладонь
Смотреть на солнечный,
Нездешний,
Скупой огонь.
Он, вдохновенный, от всего,
Что сердце точит,
От злобы дня,
От всех возможных одиночеств
Спасёт меня...

Не вспомнить, когда отдыхала душа
В шмелином саду среди медового рая,
И медного жизнь не просила гроша,
Чужие одежки с тоской примеряя.
А было, а было – катилась звезда
Клубком золотистым во влажные вишни,
И ласточка крылья вила у гнезда
Так тихо, что времени не было слышно.
Металось и плакало пламя свечи
От чудного шёпота, вздоха и стога,
И долго ревнивое сердце ночи
Стучало и билось среди летнего лона.

Упасть, и проснуться, и снова заснуть!
И думать, что жизнь невозможная снится, –
Так легче, так можно томящую суть
Принять и простить и любви поклониться.
Освистан дроздами стареющий сад,
От солнца и ветра осунулись крыши.
Сосед поседел и, как птицы, не рад,
Что стужу сулят и повывелись вишни.
Но полнится бочка водой дождевой,
А небо – немислимым гулом столетья.
И воздух как нитка натянут живой
Меж временем тем и – безудержным – этим.

ТЕНЬ ОГНЯ

Раскинуть руки и бежать – такая даль!
В открытом небе чёрный крестик птицы,
Гул ветра... Степь. И вечная печаль
В сухом полынном воздухе струится.

Вчера прошёл здесь пришлый человек,
Как ветер, равнодушен и беспечен.
Окурок бросил и ушёл навек.
Искра взлетела – путь был бесконечен!

Вал огненный ветра потом вели,
Рой бабочек, сгорая в нём, метался,
И только клин обугленный земли
За ним под небом родины остался.

Полярен мир, и силы неравны.
Вот человек прошёл, и след за ним
дымится.

И пусть дожди идут на полстраны,
Но тень того огня в траве таится...

**Нелли
КРЕМЕНСКАЯ**

ПРЕОДОЛЕНИЕ

ОНА БЫЛА ПОЭТОМ

Правда, нигде, кроме как в рукописном журнале, не публиковалась. Но в определённых кругах (пусть и небольших) её хорошо знали. А тем, кто не знал, она к своему имени, знакомясь, скромно, но с достоинством, добавляла: «Поэт». И человеку делалось неудобно, что эту фамилию он слышит впервые.

Она никогда нигде не работала, хотя окончила какой-то технический вуз. Но воспитала двоих, по её заверению, необыкновенных детей. И действительно, когда приходили гости, им демонстрировали хрупкого мальчика, который тут же изображал ласточку. Тонкая, как у цапли, нога дрожала, раскинутые руки и вторая, балансирующая в воздухе нога грозили внепланово обрушиться на пол. Но, как правило, к удовольствию мамы и вежливых гостей, всё заканчивалось благополучно. И тогда без всякого антракта начиналось второе отделение концерта: к пианино подходила девочка и одним пальцем тарабанила какую-нибудь незатейливую мелодию. Мама умильно смахивала набежавшую слезу. И все гости не просто осознавали гениальность деток, но и предсказывали им великое будущее. Потом читали стихи. Мамины, разумеется. Словом, почти вся семья была связана с искусством, творила его, была неотрывной его частью.

И только муж был из другого мира. Вместе с женой он тоже окончил технический вуз, но в искусство не пошёл (не рисовал, не пел, не умел стоять на голове, не вышивал, не танцевал, не знал даже её стихов – словом, ни на что не был годен), а рвал лямку на стройке, зарабатывал семье на жизнь. К тому же починить кран или табуретку, повесить картину или побелить потолок для него никакой проблемы не составляло. К стихам жены относился скепти-

● Нелли Фёдоровна Кременская – постоянный автор журнала «Волга–XXI век». Прозаик, художник. Живёт в Саратове.

чески, посиделки таких же, как она, поэтических личностей не просто терпел, а даже чай им разливал. Или кофе. Или вино. Иногда и водочкой потчевал. Хотя личности эти как бы и не замечали его. Относились к нему как к необходимому приложению его высокоталантливой жены.

Как и полагается настоящему поэту, она презирала его за пренебрежение к искусству. Изо дня в день, годами доказывала, как он мелок, чёрств и непробиваем в своей духовной жизни. И даже употреблялись такие жёсткие слова, как «ничтожество», «бездарь» и «вахлак». Правда, доказывала так, что посторонние и не подозревали об этом. Всё-таки имидж уникальной семьи соблюдала.

Неожиданно доказала.

Столь же неожиданно они и разошлись.

И вдруг оказалось, что жить-то не на что стало. Дети, правда, подросли. Но всё равно жить на что-то надо было. Она решила позволить ему вернуться. Но опоздала. Он успел жениться на другой. Ну не стервецы ли эти мужики?! Дня без баб прожить не могут! «Другая» никаким боком не была связана с искусством. Индюшка! Фаршированная титьками и громадным задом. И никакой утончённости! Ну никакой! Одни борщи и пироги! Вот ведь убожество! И муженёк хорош! Бывший. Недаром она его клеймила. Променял поэзию на борщи и котлеты!..

С гениальными детьми тоже получилось не совсем то, что ожидалось. Сын стал барабанщиком. Ну что ж, профессия вполне достойная. Не композитор, конечно, но тоже ничего. И тоже – в творчестве. Очень любил он своё искусство. Тренировался день и ночь. Соседи, конечно, ничего не понимали в музыке и потому бегали жаловаться. И втолковать им было невозможно, что барабан, как и скрипка, требует постоянных упражнений. Но что с них взять, далёких от искусства? Только пожалеть можно.

Богемная жизнь вскоре привела сына к водке, баловаться которой он начал ещё на поэтических посиделках. А там очередь дошла и до наркотиков. Дальше всё по схеме: потеря одной работы, другой, пятой, десятой... И вечные поиски денег. Уже не до музыки стало. Нанимался продавцом на книжных развалах, грузил фрукты-овощи на рынках, махал метлой во дворах. Да кем только не работал! А чаще всего вообще не работал. На диване лежал. Иногда вскакивал, барабанил. С часами не сверялся: день, ночь – ему всё равно.

И одна мысль: деньги, деньги, деньги. Где их взять? Ну где? Как-то даже коммерческий банк пытался ограбить. Не один, конечно, ещё было двое. Все – наркоманы, жалкие, трусливые, а во время ломки – жестокие, опасные и непредсказуемые. И нападение было такое неумелое, такое дурное, что налётчиков повязали ещё на подходе к банку. Во время ограбления что-то не поделили, подрались. Охранники их сцапали, обнаружили кухонные ножи, старый охотничий дробовик и угнанную машину. А уж признания, что шли «на банк», и выбивать не пришлось. С перепугу сами сказали.

Сын ни за что не пошёл бы на это! Друзжки, конечно, втянули. Он-то всегда был честным, воспитанным мальчиком. И очень впечат-

лительным. А тут – суд, тюрьма! Ужас! Срок дали. А за что, спрашивается? Никого не убили, деньги взять не успели. Вот за что мальчику судьбу поломали? Соседи от радости пляшут: «В тишине поживём!» А невинный человек за колючую проволоку попал. В тюрьме-то он и погиб. Сообщили: передоза. Врут, конечно. Он мне слово дал, что покончил с наркотиками. Крепкое слово... Окончательное... Последнее... И всегда он был слаб здоровьем. Тюремные начальники недоглядели. Их вина, что мальчика не стало... Нет-нет. Я не плачу. Солнце ослепило. А веки от бессонницы красные...

Гибель сына как выстрел в грудь матери. И хоть с годами боль становится тише, рана эта – навсегда.

Осталось одно утешение – дочь. Тем более что пошла она, как и сын, по тропе искусства: работала худруком при каком-то клубе. Было у неё что-то со слухом. Поэтому дорога в музыку ей была заказана. Мама пыталась приобщить её к поэзии, заинтересовать вязанием, вышиванием или рисованием. Напрасно. Но организатор, вдохновитель и воспитатель молодых талантов – это тоже профессия очень-очень востребованная. Опять же – в искусстве. Но в клубе дочку почему-то не поняли, не оценили, зряшно придирались, сплетничали и нагло подсиживали. Поговаривали, что организатор она никудышный. Сама всюду вечно опаздывает, всё забывает, путает, и вообще, что это за художественный руководитель, который, как говорится, «ни петь, ни плясать, ни на дудке играть»?!

Дочь со всеми разругалась, а заодно нагубила матери и умчалась искать понимание в столицу...

Вот это номер... На развалинах семьи остались она и... поэзия. Впрочем, поэзия сейчас её интересовала мало. Денег она не приносила. Исчезли вещи, которые можно было бы продать. Всё давно уже вынес из дома сын. Технические знания, полученные в вузе, давно вылетели из головы. Ну и где же прикажете работать человеку, который всю жизнь просидел за печкой и возраст которого подкатил к пятидесяти годам? Подсобной рабочей где-нибудь на заводе или на базаре? Уборщицей? Санитаркой в больнице? О нет! Это не для неё. Натура она тонкая, поэтическая. Только в искусстве!

И действительно, нашла нишу, где искусство не могло обойтись без неё. Она начала... плести корзины. Правда, хлопотно было это. И много мусора приносило в дом. Сначала изделия выходили кривобокими, недолговечными, концы ивовых прутьев торчали в разные стороны. Для такой работы у неё сил маловато было. Поэтому в конкуренции на блошином рынке первое время побеждали мастеровитые дедульки. Потом наловчилась. Сил не прибавилось, но появился опыт. И нищета подстегнула. Из-за дачного бума на корзины появился спрос. К тому же освоила бересту. Стала плести шкатулки, лукошки, даже обереги и женские украшения. Именно это экзотическое плетёное творчество худо-бедно стало кормить её. Конечно, поместить в Черногории за вырученные деньги не купишь. Но жить было можно. Разумеется, нашлись недоброжелатели, утверждавшие, что это не искусство, а ремесло. Но что бы они понимали! И вообще... Около

талантливого человека всегда вьются завистники, готовые втоптать его в землю, разорвать, смешать с навозом...

...В магазинчике, которые в девяностые годы, как пузыри во время дождя, миллионами враз покрыли страну, никого из посетителей не было. Кроме неё. Она стояла перед прилавком и раздумывала, что бы купить. Перед ней с ноги на ногу нетерпеливо переминалась поддатая продавщица. Она ещё не прибилась к капитализму и не остыла от советского хамства. И потому особенно не церемонилась:

– Ну чё застыла? Бери чё надо и проваливай.

В горле застряло возмущение. Надо же! Как она может?! Почему?! За что?! Нельзя с людьми так разговаривать!

– Как вы со мной обращаетесь?! – слабым голосом крикнула и даже кулачком по прилавку ударила.

Продавщица тут же уловила хлипкую неуверенность покупательницы, легла необъятной грудью на прилавок и, откровенно издеваясь, задышала ей в лицо:

– Ой, не могу! Напугала! А как с тобой нужно обращаться? И вообще, ты кто такая, чтоб я перед тобой пласталась?

Покупательница ещё не весь боевой запас израсходовала. Она встряхнулась, вытянула вперёд шею и срывающимся, как у молодого петуха, голосом снова запальчиво укорила:

– А на каком основании вы мне тыкаете?.. Я, между прочим, поэт... Да... Вежливой надо быть!

Почему-то это так впечатлило продавщицу, что она сначала прибрала грудь с прилавка, потом сунула руки в боки и зачем-то выпятила и без того не очень скромных размеров живот:

– Поэт? Да неужели? А я индийский бог. Шива. Слыхала про такого? – И зашлась хохотом от собственного остроумия.

Она тупо смотрела на откинутую в разнузданном веселье голову, на разинутую пасть с железными коронками, на разогретые водкой пылающие щёки. От этого зрелища всё внутри закипело. Перевела взгляд на магазинные сокровища. Но и там не нашла успокоения. Да что же это! В глазах поплыло. В голове всё помутилось от ненависти к толстухе, к её издевательским словам и хохоту, оттого, что всё в жизни шло наперекосяк, и, главное, винить-то в этом, кроме себя, некого. То, что произошло дальше, она сама связно не могла бы пересказать.

Она схватила пустую бутылку из-под фанты, бесхозно стоявшую на прилавке, и запустила её в закатившуюся от смеха ненавистную рожу. Бутылка просвистела в сантиметре от головы и врезалась в стройные ряды консервных банок. Банки брызнули в разные стороны и покатались по полу. Продавщица взвизгнула, но тут же затихла, с испугом глядя на буйную покупательницу и не зная, что ещё ожидать от неё. А та, сама онемев от своего «подвига», с ужасом застыла у прилавка. На керамических плитах пола в собственном соку и стеклянных осколках благоухала тушёнка, плавал зелёный горошек, помятая банка с горбушей долго балансировала и выбирала, на какой бок ей упасть, и наконец шлёпнулась на просроченную дату изготовления.

На грохот в торговом зале из двери подсобки вышел огромный охранник, больше похожий на олимпийского чемпиона по борьбе сумо. Мгновенно срисовал ситуацию. Молча и не торопясь поднял с пола бутылку, которая почему-то не разбилась, подошёл к парализованной от собственной отваги женщине, забрал у неё кошелёк и вынул все деньги. Кошелёк вернул. Так же молча, оглянувшись на входную дверь, он пригнул её голову, легко зажал под мышкой и несколько раз ударил бутылкой по тощему заду. Голову отпустил, взял за плечи и, опять же не говоря ни слова, повел её перед собой к выходу. На крыльце убрал руки с плеч и закрыл за ней дверь...

...Как сомнамбула, она шла наугад. Натыкалась на прохожих; едва не упала, споткнувшись о бордюр. Водитель внедорожника с разгона так тормознул, что головой чуть не пробил переднее стекло, и, не сдержавшись, облил её кручёным матом. Она ничего не видела и не слышала. Толком ещё и не осознала, что случилось... Почему-то она силилась понять, случайно ли в одном магазине работают два невообразимых размеров человека. Или в этом есть какая-то закономерность. Тогда какая?

И что-то ещё невыносимо тяжёлое точило в голове. Что-то очень оскорбительное, позорное только что произошло с ней...

Вот! Вспомнила наконец-то: экзекуция проходила в гробовой тишине...

ВИОЛОНЧЕЛЬ АРОНА

Вокзал бурлил. Все ожидали поезда. Сновали мужчины, женщины с огромными узлами, с картонными чемоданами, для надёжности перевязанными верёвками. Иногда поклажа была перекинута через плечо спереди и сзади, и человек едва шёл, сгибаясь под её тяжестью. Даже дети хоть что-то несли в руках: или держали кастрюлю с отбитой эмалью по дну и привязанной к ней с такими же «травмами» крышку, или обнимали стеклянную вазу, или волокли не по росту большую картину, чиркая рамой по деревянному перрону. Мимо Ани, держась за мамину юбку, проковыляла девочка лет трёх, прижимая к груди засаленную тряпичную куклу. Война сгоняла людей с насиженных мест, и они пытались захватить с собой не только необходимые в дороге и в быту на новом месте вещи, но и что-то привычное, связанное с дорогими воспоминаниями, то, что как-то скрашивало бы жизнь на чужбине.

Подошёл поезд. Толпа взревела и ринулась к товарным вагонам. В них по стенам были сооружены двухэтажные полати, что позволяло размещать гораздо больше людей, чем в пассажирских.

И что тут началось! Лезли в двери, в прорезанные маленькие окошки без стёкол, по головам передавали детей, взбирались на крыши. Мелькали узлы, чемоданы, руки-ноги. Кричали, ругались, истошно звали друг друга. Но вой, рёв и визг не могли заглушить зловещие звуки канонады, ползущие из-за горизонта.

Рокочущий людской водоворот сразу вышвырнул из своих недр Аню и её маму. Они поняли, что до поезда им не добраться. Но не уходили. Встали в стороне от посадочной свалки, у милицейской будки. Фанерный чемодан и огромный узел с одеждой и бельём мама в досаде бросила у ног. Неосознанно ждала чуда. И оно пришло. Только совсем с другой стороны. Чудо это навсегда определило дальнейшую жизнь Ани.

Рядом с ними стоял маленький пожилой еврей. Он смотрел на беснующуюся толпу и прижимал к себе огромную виолончель в матерчатом футляре. И плакал. Виолончель немислимо было пронести к вагону. Её бы просто раздавили.

– Арон! Арон! Арон! – насадно кричал женский голос из окна ближайшего вагона. – Мы тут место для тебя удержать не можем. Бросай инструмент и лезь в поезд! Жизнь дороже!

– Без виолончели не поеду! А как я её пронесу? – тонким голосом взвыл музыкант и отвернулся.

Но женщина не отставала. Через головы многоликой толпы до него долетал её крик:

– Арон! Не дури! Подумай о внуках. Как сироты выживут без тебя? Станешь портным или сапожником. Хлебное дело. Музыкой сыт не будешь.

– Нет! Нет! Нет! Как же я без инструмента?! И зачем мне становиться портным, когда я музыкант?! – бормотал старик, обводя невидящим взглядом кипевший от людей перрон.

Почему-то его заинтересовала и стая взволнованных переполохом птиц. Какое-то время он бездумно следил за ней. Потом, словно решившись на что-то, сделал шаг к маме Анюты:

– Вы остаётесь? Не могли бы забрать с собой виолончель? Это очень хороший инструмент. Возьмите его. – Он как-то громко и некрасиво всхлипнул, тыльной стороной ладони мазнул по глазам и выдохнул: – Сохраните.

– Что вы?! Мы ведь тоже хотим уехать. У меня вещи тяжёлые. Девочка не помощница. Ей всего восемь лет. Музыкой никто у нас не занимается. Зачем нам виолончель? – торопливо и как-то испуганно сказала мама.

Но Арон, не оглядываясь, уже ввинтился в толпу. Минут через десять Аня увидела, как его тощее тело втянули в маленькое окошко ближайшего вагона.

Поезд тронулся. Люди ещё бежали вдоль него, пытались закинуть вещи в двери, окна, удержаться хотя бы на подножке, срывались, плакали, умоляли, проклинали... Состав увеличивал скорость.

На перроне остались те, кого перегруженный поезд вместить не смог. Их было много, усталых, разочарованных, потерявших надежду убежать от войны. Вскоре толпа сильно поредела. На перроне было разбросано то, что люди не смогли увезти с собой. Около Ани валялись разбитый горшок с цветущей и уже растоптанной геранью, детская сандалия с оторванной застёжкой, чей-то потерянный в драке рукав, раскрытая книга со следами многочисленных ног

на шевелящихся от ветра рваных страницах. И виолончель, бережно приклонённая к пустой милицейской будке.

Перрон пустел. Никто не обращал внимания на ценный инструмент. То, что он ценный, мама Ани поняла по тому, как расставался с ним Арон. Впрочем, дело даже не в деньгах. Для музыканта лишиться любимого инструмента – как руку потерять. Или ногу. Или голову.

«Пропадёт вещь. Утащат на помойку или сожгут. – И в досаде: – Ну зачем старик свалил проблему на мою голову?! И как я донесу ещё и виолончель?!»

Аня с мамой вернулись домой. Без инструмента. Потом, правда, снова сходили на вокзал. Благо жили недалеко. По деревянным доскам перрона пьяненький дворник ширкал самодельной метлой. Целёхонькая виолончель всё так же сиротливо прижималась к милицейской будке. Мужичок подгонял к ней мусорную кучу, смекая, что инструмент бесхозный, никто на него не позарился и ему тоже место на свалке...

...Город оккупации избежал. Это был крупный железнодорожный узел, в стороне от которого росли трубы большого нефтеперегонного завода. Бомбили его нещадно. Сильно доставалось и жилым кварталам. Упала бомба и рядом с домом Ани. Рухнула одна из его стен. Аня была в школе, а мама на работе.

Когда Аня вернулась из школы, внутренности их коммунальной комнаты на втором этаже, как в дурном сне, были открыты взору каждого прохожего. Её кровать зацепилась за что-то, вместе с кусками сгоревшего одеяла висела над таким же оголённым помещением первого этажа и покачивалась от ветра. В доме ещё тлели какие-то вещи, всюду грудями валялся битый кирпич, толстый слой пыли обесцветил всё вокруг. Но почему-то именно это нереальное качание кровати в воздухе привело Аню в ужас. Она закричала, заплакала, забилась. Кто-то чужой обнял её, напоил водой, сунул белый довоенный сухарь, попытался успокоить.

Пришла мама. С риском для жизни пробралась в свою бывшую комнату, собрала остатки посуды, вещей, кое-что из мебели: колченогий стул, дрожащую от старости этажерку, маленькую резную скамеечку для ног, с незапамятных времён купленную на рынке. Прихватила уцелевшую половинку зеркала, когда-то вмонтированного в деревянную спинку сгоревшего дивана, настенный самодельный коврик (весёлые мальчик и девочка играют в большой расписной мячик), подаренный Ане на день рождения и уже побитый кирпичным крошевом. И виолончель всё в том же футляре из толстой хлопчатобумажной ткани. Это была почти единственная вещь, которая совершенно не пострадала. Судьба берегла её. Взрывная волна выдернула ватный матрас с маминой кровати, который накрыл виолончель и спас инструмент от осколков кирпича и пыли...

...Прошло десять лет. Шло трудное послевоенное восстановление. Сначала Аня с мамой пытались разыскать Арона: встречали поезда с возвращающимися из эвакуации жителями города. Но то ли он навсегда обосновался на новом месте, то ли не пережил войну... А

может, и вернулся, и живёт где-то рядом с ними, однако – не встретились.

Из маленького худенького ребёнка Аня превратилась в точёную стройную девушку. Она окончила музыкальный техникум по классу виолончели и поступила в консерваторию. У девушки оказались прекрасный слух и удивительные музыкальные способности.

Некоторых одарённых студентов иногда приглашали на работу в областной филармонический оркестр. Пригласили и Аню. Она согласилась, ибо крошечной стипендии и маминой такой же зарплаты библиотекаря на жизнь не хватало, и всё равно где-то надо было подрабатывать. А тут после окончания консерватории, глядишь, позовут сотрудничать и на постоянной основе. Правда, непросто всё было: бесконечные занятия в учебном заведении, многочасовые репетиции оркестра, участие в концертах, поездки с выступлениями по области, по стране. Аня спала по четыре-пять часов в сутки, ела на бегу, пыталась перехитрить время и усталость, изворачивалась перед педагогами и дирижёром. К тому же концерты в то время начинались и заканчивались поздно. Идти по улицам было страшно: время беспокойное. По амнистии из тюрем выпустили много уголовников, и они накрыли страну, как ядовитые гусеницы в удачных для них погодно-природных условиях. Отовсюду ползли слухи о грабежах, разбоях, убийствах. В городах бесчинствовали банды. Милиция не справлялась с ними.

Как-то около полуночи Аня возвращалась домой из филармонии. В одной руке – виолончель, в другой – мамина бисерная сумочка (мама брала её на торжественные случаи: в гости или на Анины концерты, а потом отдала повзрослевшей дочери). Сумочка была очень красивая, хоть и старенькая: нитки, на которые был нанизан чёрный блестящий бисер, рвались в самых неподходящих случаях, мелкие бусинки рассыпались. Аня подбирала их, и после ремонта парадная поверхность старинного изделия снова была как новенькая. Кроме носового платка внутри болтались потёртый кожаный кошелек с несколькими рублями, чёрный карандаш для бровей и ресниц, пудра в круглой расписной коробочке и, разумеется, губная помада. Вообще-то косметика для комсомолки не одобрялась аскетичным обществом. Считалось, что это – буржуазные предрассудки. Но артистам было можно. Во время выступлений Аня нечасто, но пользовалась этим негласным разрешением. Хотя вполне могла обходиться и без этого.

Обычно ночами жители города сидели по домам. И действительно, в тёмном туннеле улицы никого, кроме Ани, не было. Она старалась не цокать каблуками по брусчатке, идти тихонько и незаметно. Но тут за спиной заурчал автомобиль. Она обернулась и зажмурилась от полоснувшего по глазам света фар. Трофейный «хорьх» затормозил рядом с ней.

– Девушка, вам далеко идти? – раздался молодой весёлый голос. – Можем подвезти. Садитесь.

Аня напряглась.

– Нет. Уже рядом. Спасибо. Сама добегу.

– Садитесь, – продолжал настаивать голос. – Я смотрю, у вас бандура тяжёлая. Моргнуть не успеете, как машина мухой доставит вас домой.

– Это не бандура. Это виолончель.

Голос хохотнул:

– Да какая разница?! Виолончель тоже бандура.

Она моргнуть не успела, а два человека уже стояли слева и справа от неё. Один, молодой, жизнерадостный, уже держал виолончель, второй, постарше, наголо обритый, крепко вцепился в руку с сумочкой. Ноги стали ватными. В голове мелькнуло: «Пропала!» Но страх и отчаяние не только не парализовали её, а придали какую-то беззаботность и лёгкость всем её дальнейшим действиям. Она улыбнулась весельчаку и залхватски бросила:

– А поехали!

Её спутники были приятно удивлены согласием. Тот, кто отнял виолончель, небрежно прислонил её к дереву, а сам полез в машину.

– Вы инструмент забыли, – продолжала вынужденную игру Аня. – Я без него – никуда.

– Вам он больше не понадобится, – бритый тоже скривил рот в усмешке.

– Ещё как понадобится! – Аня сделала вид, что не уловила зловещего смысла его слов. – Вы слышали, как виолончель поёт?

– А вот сыграешь нам – услышим. – Это был уже голос третьего человека, развалившегося на заднем сиденье.

Человек этот, видимо, был настолько авторитетным, что виолончель тут же, без звука бережно погрузили в машину. «Хорьх» рванул с места, а третий голос продолжал:

– Ты, главное, не бойся. Никто тебя не обидит.

По какому-то своему маршруту автомобиль резал темноту острыми и длинными лучами фар. Адресом Ани никто не интересовался. Она было вострепнулась, когда проехали поворот к её дому, но уже давно поняла, что никто и не собирался везти её к маме. А спорить, умолять, плакать, угрожать, сопротивляться – бесполезно. В парализованном от страха мозгу мелькнуло обречённое: «Будь что будет!»

Подкатили к вокзалу. Окна его сияли тусклым ночным светом. И только ресторан кипел праздничной беззаботной жизнью.

В эти годы в городе было всего два ресторана. Один – грязноватый, замурзанный, больше похожий на рядовую столовку – находился в единственной в то время гостинице. Второй – шумный и процветающий – на вокзале. Городская шпана удачные набеги праздновала по своим малинам. Дорога в этот ресторан ей была заказана. Сюда стекалась бандитская элита. Здесь спускали шальные деньги сытые и наглые снабженцы, директора торговых точек, вещевых и продуктовых баз. Сюда приводили важных и самодовольных жён хозяев послевоенной жизни, раскрашенных любовниц, раскованных, вихлястых проституток. Сюда привезли и Аню.

В составе струнного филармонического квартета (скрипка, альт, виолончель и контрабас) Аня уже не раз здесь выступала. Это были редкие посещения, но запоминающиеся: небедные посетители рестора-

на щедро одаривали музыкантов. К тому же и кормили бесплатно. Но сейчас пленница была одна, и только Бог знал, что её ожидало. Внутрь шло надежду, что сразу не отвезли на бандитскую малину.

Ане отдали сумочку, которую вначале отобрал Бритый (он сразу же распотрошил кошелек, но деньги вернуть забыл). А виолончель внёс в ресторан Весёлый. Внёс и аккуратно прислонил к столу, куда посадили Аню. За этот же столик сел и третий её спутник, с которым она ехала на заднем сиденье автомобиля и которого мысленно назвала Хозяином. Видно было, что Хозяина здесь хорошо знали и относились к нему с уважением. Несколько человек подошли поздороваться, другие, не решаясь приблизиться, почтительно кивали издали. Подошла официантка с белой кружевной наколкой на голове (её накалывали на волосы шпильками) и в накрахмаленном белом фартуке. Хозяин сделал заказ и обратился к Ане:

– Пока то да сё, поди-ка сыграй нам. Покажи, как виолончель поёт. Соло сумеешь?

Похоже, он здесь видел её в составе квартета. Поэтому и привёз сюда, а не отдал своим шестёркам.

– Да, – кивнула Аня и прошла на сцену, специально построенную для певцов и музыкантов.

Ресторан пил и шумел. В одном месте смеялись, в другом – уже хватали друг друга за грудки. Разноголосый говор, звон столовых приборов, яркий свет роскошных люстр, нарядные красивые женщины и вальяжные успешные мужчины – всё создавало атмосферу нескончаемого праздника, вызывало невысказанный восторг, и тайно тешила мысль о причастности к чему-то такому, что доступно лишь немногим. Одновременно возникало и чувство чего-то ненастоящего, фальшивой декорации, чего-то лишнего и надуманного. Как в трофейных фильмах.

И вдруг в этой атмосфере праздника и порока раздался густой и певучий голос виолончели. Смычок вышивал печальную мелодию, выводил простые и сложные петли звуков, которые проникали в самую глубину, останавливали на полуслове, заставляли разгорячённых людей вскидывать головы и удивлённо смотреть на девчонку, прижимающую к себе большой нелепый музыкальный инструмент.

Аня забыла о бандитах, о ресторане, о своём страхе, растворилась в звуках, ушла в сияющий, высокий мир мелодии Баха. За окном спал город, ещё не остывший от грязи, разрушений и горя, а здесь среди воров и убийц пела виолончель Арона. И не было для Ани ничего более важного и прекрасного, чем изящно, бархатно и густо плывущая по душному, развратному воздуху грустная мелодия. И это прекрасное давало уверенность, что всё в её жизни будет хорошо. Ведь недаром судьба подарила ей виолончель, берегла это замечательное создание рук человеческих, несла мимо всех ловушек и смертельных поворотов, обещала одарить и награждала людей гармонией чистых звуков...

...Предчувствие не обмануло Аню. У неё была долгая, обычная для музыканта жизнь. После окончания консерватории работала в филармонии. Концертировала, читала лекции по музыке. Домой возвращалась так же поздно. Несколько раз Весёлый и Бритый снова вставали

на её пути. Видимо, именно они контролировали эту территорию. Но никто её не обижал. И даже наоборот – здоровались, как старые приятели, и, во избежание неприятностей, провожали её. Забирали у Ани виолончель и осторожно, чтоб ненароком обо что-нибудь не задеть, несли к дому. Потом пропали: то ли головешки сложили где-то, то ли повязала их тюремная колючая проволока.

Аня вышла замуж за флейтиста того же оркестра. Родился сын. Ребёнок всё изменил в её жизни. Появились и, казалось бы, непреодолимые проблемы. Аня уже подумывала оставить концертную деятельность, перейти только на лекторскую работу. Но осадил дирижёр: «Языком чесать может кто угодно, на виолончели играть (да ещё так играть!) – единицы».

Сын тоже стал музыкантом. Виолончелистом. Достиг немало: побеждал на международных конкурсах, выступал на сценах лучших театров мира. Сама Аня и не стремилась к таким вершинам. Время тогда было не то. И жизнь её не способствовала этому. Быт не давал взлететь, постоянно приходилось что-то преодолевать. Подчас просто выживать надо было...

А сын... О Господи! Какое же это счастье, что он таких успехов достиг!

ПО ГОРАМ, ПО ДОЛАМ

Два альбома, цветных и роскошных, она держала в руках. И выпустить их, отказаться, оставить на полках маленького провинциального магазинчика было выше её сил. «Постимпрессионизм», залитый жаркими красками Ван Гога, Сезанна, Гогена, и холодный, но не менее притягательный, широкий и вольный Рокуэлл Кент. А ещё – томики Гофмана. Да это же целое богатство! Но денег на них не было. Только на билет до дома. Каникулы заканчивались, и пора было возвращаться домой.

Безрассудство неопытной девчонки, уповающей на универсальное «авось», всё-таки победило. Небольшой дорожный чемодан сильно потяжелел. Зато появилась почти неразрешимая транспортная проблема. А ведь из Сибири до волжского города на поезде ни много ни мало трое суток пилить!

На вокзале чемодан она подкинула хлопотливой мамаше с ребёнком: «Присмотрите, я на несколько минут отлучусь». И с доверчивостью человека, которого никто никогда всерьёз не обманывал и не обижал, налегке пошла к машинисту поезда, готового отправиться в родной город.

– Э-э! – звонко крикнула она мужику, бездумно глядевшему на привокзальную маету из окна паровоза.

– Чего тебе? – заметил её машинист.

– Мне домой надо, а денег нет.

– И что?

Она оробела. Ей показалось, что вопрос её будет очень нахальным и её сейчас не просто прогонят, а ещё и обругают. Но выхода не было.

– Не подвезёте?

Машинист удивился. Обычно с такими просьбами обращались к проводникам. И бывало, что некоторые из них, самые сердобольные, шли навстречу бедолагам, попавшим в непростую ситуацию, и проводили бесплатно. Много повидавший на своём веку, мужик, увидев девчонку, красивую и наивную, понял, чем она может ему заплатить, и легко согласился взять её.

– Я сейчас. Только чемодан возьму... – благодарно заторопилась она.

– Не суетись. Отправление через час. Сядешь в последний момент. Чтоб никто тебя не видел.

В зале ожидания не оказалось ни чемодана, ни женщины, ни ребёнка. Как же так?! В чемодане – паспорт, дорожные книги, ну и бельишко кое-какое.

Она заметалась.

– Женщина где? С ребёнком. В розовой панамке. Я им чемодан оставила. Где они?

– Уехали, наверное, – откликнулась какая-то бабка, с любопытством глядя на испуганную девчонку.

– Как уехали?! А чемодан? Он-то куда делся?

– Куда-куда... Нечего оставлять вещи незнакомым людям! – почему-то зло прокаркала старуха и отвернулась. Но тут же снова произнесла: – А ну-ка, глянь, не твой ли стоит вон там, около камер хранения? – корявый палец указал в сторону автоматических железных ящиков.

– Мой! – обрадованно ахнула девушка.

– Вот и славно! – подобрела старуха и, вспомнив молодость, провожала глазами крепкую стройную фигурку до тех пор, пока за ней не закрылась дверь.

Сердце ещё тревожно билось, из-за испуга за пропавшие вещи руки противно дрожали. Она села на скамейку в привокзальном сквере. Гигантская лиственница загораживала её от заходящего солнца, но для ветра никаких преград не существовало, и он то поднимал её чёрные, обнимающие шею кудри, то кидал их на лицо, прикрывая тонкую линию бровей, синие, как горное озеро, глаза в чёрных ресницах и такие яркие, всегда готовые к улыбке губы, какие бывают у девчат лишь в восемнадцать лет, и то не у каждой. Чемодан поставила на асфальт между босоножками так, чтобы касаться его ногами, а сама откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза.

Хорошо! Вещи нашлись, транспортная проблема решена. Что ещё? А ничего! Остальное – мелочи. Сами рассосутся. По мере поступления.

Кто-то подошёл и встал рядом. Глаза открывать не хотелось. Этот кто-то сел на скамейку. И вдруг – упоительный запах жареного теста. Она вспомнила, что с утра ничего не ела. Внезапно открыла глаза, нечаянно шумно сглотнула слюну и уставилась на посыпанный сахарной пудрой пончик в руках у присевшего рядом с ней парня, с небольшой русой бородкой и выгоревшими волосами надо лбом. Тут же устыдилась и отвела взгляд, но парень уже всё понял и протянул кулёк девушке.

– Угощайтесь.

Церемонии разводить не стала, пончик взяла. Мимолётным взглядом он отметил, с какой скоростью исчез пончик, и предложил ей всё оставшееся в кулке, заметив:

– Я уже наелся, а выбрасывать жалко. Выручайте!

Разговорились. Бывают же такие совпадения: за тридцать земель случайно встретились два земляка. Они азартно перечисляли улицы, достопримечательности родного города. Познакомились и перешли на «ты». Оба оказались студентами: Татьяна – мединститута, Дима – авиационного техникума. У Димы были рюкзак и гитара. Он приезжал сюда на неофициальный слёт авторской песни. Татьяна рассказала, что провести каникулы в Сибири её пригласила подружка. И это было здорово. В заказнике, где подружка была в составе научной экспедиции, – домик посреди дремучей тайги. Грибы, купание в ледяной озёрной воде, рыбалка. В кедраче даже видели соболя, юркого и шустрого. И оленя, совершенно наплевавшего на людей и величественно шагавшего между деревьями.

У Димы был плацкартный билет на тот самый поезд, с машинистом которого договорилась Таня.

– Он обещал взять тебя? И везти на паровозе трое суток? Говоришь, бесплатно? – Дима был постарше и в этой жизни уже кое-что понимал. – Идём в кассу.

Он взял её за руку и снова повёл на вокзал.

Денег у него тоже не было. Зато был билет. Плацкартный. Он сдал его в кассу и купил два в общий вагон. До дома, правда, денег не хватило, но до станции, где-то на полпути, можно было ехать почти с королевским комфортом. Ей неудобно стало, что он берёт на себя часть её проблем. Протестовала. Но слабо. Была бесконечно благодарна ему за это.

И правда: невозможный комфорт! Они взобрались на третьи, багажные, полки под самой крышей вагона. Подложив вещи под голову (а Дима ещё и в обнимку с гитарой), ребята почти мгновенно заснули. Иногда просыпались от запахов еды запасливых пассажиров, которые однажды вдруг сообразили, что ребятам, похоже, и поесть-то нечего.

– А ну-ка, спускайтесь, гаврики! – скомандовала бокастая тётка в мелких химических кудряшках.

В развёрнутой газете на столе – крутые яйца, отварная картошка, крупными дольками резанные огурцы и помидоры. В лучах бегущего за окном солнца переливались кристаллы соли, кучкой сыпанутой на чью-то газетную физиономию. И хлеб, конечно, щедрыми ломтями разваленный на столе. Видеть это богатство и отказаться от него было немыслимо. Но они всё же отказались. Для приличия. Чтобы себя не потерять. Но тётка была ушлая, многоопытная, такую не проведёшь. С деревенской прямоотой прикрикнула:

– Ну хватит ломаться! Не объедите. Столько с собой всего набрали, что пропасть может. А это грех. Чем в таз, лучше в вас. Спускайтесь!

После такого приглашения больше уговаривать не пришлось. Пригорюнившись, тётка тайком посматривала, с какой скоростью исчезала еда.

Потом Дима настроил гитару и в качестве негласной платы стал веселить вагон песнями собственного сочинения. Во время исполнения всем известных куплетов из кинофильмов или народных мелодий к нему присоединялся чистый, мягкий голос Тани. Они как-то нечаянно, без всяких репетиций, на ходу спелись. И это было так хорошо, что попутчики, чтобы послушать, приходили и приходили к ним. Сидели на верхних полках, стояли в проходах. Иногда подпевали.

Прошло около двух суток. За окнами все ещё мелькала тайга. Иногда она расступалась, и тогда показывались живописные скалистые обрывы. Всё чаще проплывали посёлки, большие города. К удовольствию скучающих в поезде людей, гитарные концерты повторялись несколько раз. И Таня, и Дима чувствовали себя звёздами эстрады. Но всё когда-то кончается.

Прибыли на незнакомую станцию. Смурной проводник велел им освободить вагон. Пассажиры просили за ребят. Даже доплату за них предлагали. Но тот как осёл упёрся: нужен билет. Пройдёт контролёр, и ему из-за них будет головомойка. Скоро на пенсию, и огребать неприятности он не намерен. А в кассе этой самой станции билетов уже не было. Так и высадил в ночь. Химическая тётка успела сунуть им в рюкзак свёрток с едой.

Так называемый вокзал – душное, тесное помещение с заплёванным шелухой от семечек полом. На длинных деревянных скамьях в ожидании поездов сидели и лежали люди: строители, шофёры, пастухи, несмотря на лето, в телогрейках, неопределённого возраста женщины с коричневыми от солнца лицами, чумазые дети. Сильно пахло давно не мытыми телами и мочой. Находиться здесь было неприятно. Снова беспечно оставили чемодан и рюкзак на прищмотр чужим людям, взяли только документы да ещё гитару и вышли на воздух.

Станция – большой железнодорожный узел с рельсовыми ветками в разные концы света, с запасными путями, с посёлком в несколько улиц. Кое-где дремали длиннющие товарные составы, готовые в любой момент с усилием стронуться и увезти свои хвосты в зыбкую ночную даль.

Они шли по сонному посёлку. В конце улицы, далеко-далеко, жёлтым маячком мигал фонарь. А здесь была неверная темь, иногда зеленоватым светом освещаемая луной. Из какого-то палисадника под ноги им выскочила собака. Спросонья пару раз брехнула и, не найдя поддержки у соседей, сконфуженно замолчала. Села и долго провожала взглядом нечаянных прохожих.

Стало прохладно. Он обнял её за плечи, согревая. Она прижалась к нему:

– Что бы я делала без тебя?

– То же самое. Хотя, может, и влипла бы в какую-нибудь историю.

Она засмеялась:

– Да я уже и так влипла.

Ночь сближала их, обещала что-то необъяснимо хорошее. Они болтали о пустяках (разумеется, о погоде, звёздах и о луне), но что-то невысказанное, сложное и прекрасное было рядом с ними, в них самих и даже в воздухе пропитанной мазутными запахами станции. В них бродила взявшаяся ниоткуда радость, непонятная и, казалось бы, беспричинная. Дима хотел снять со спины гитару, но побоялся нарушить близость девушки, стронуть и испортить что-то очень хрупкое и важное, что каким-то образом захватило и связало их.

Небо стало светлеть. Тёмные силуэты домов, деревьев, уличных столбов стали более чёткими и плоскими, как на книжной картинке. На ребят внезапно навалилась усталость.

Вернулись в спёртый воздух вокзала. Чемодан и рюкзак оказались на месте. Все скамьи были заняты. Сели у стены на свои вещи, достали свёрток с едой и смолотили всё, что завернула им щедрая попутчица. Привалились друг к другу и сразу заснули, несмотря на то, что люди уже пробуждались, ходили, разговаривали.

Когда они проснулись, очарование ночной близости пропало. Но что-то, безусловно, осталось. Они знали друг друга чуть больше двух суток, но им казалось, что знакомы всегда. И каждый из них хранил что-то тайное и дорогое, что произошло с ним ночью. Хотя внешне ничего не случилось и ничего не произошло.

Путь продолжали на открытой товарной платформе с песком. Вот это был восторг! Ветер, круговая панорама обзора, чувство движения, сравнимого со стремительным бегом мотоцикла – блеск! Сначала они орали и плясали на песке. Потом долго сидели, изредка переговариваясь и разглядывая огромные, уже иногда лысые холмы, стада коров, дома, ребятшек, забывших о футболе и провожавших взглядами длинный товарный состав. Наконец, утомились и задремали: всё-таки ночью почти не спали. Он – на одной стороне песчаной горки, она – на другой.

Очнувшись оттого, что платформа перестала подрагивать. Поезд стоял на каком-то перегоне. Вокруг – выгоревшая от солнца, ровная степная столешница. И будка обходчика вдали. Взглянули друг на друга и... покатались со смеху: волосы стояли дыбом, в каждой складке тела и одежды – песок. Хрустел он и на зубах, забился в уши, ноздри, мелким наждаком покрывал кожу. Сильно хотелось помыться. И ещё хотелось есть, а главное – пить. Жажда была особенно невыносимой.

Рядом с будкой обходчика виднелся колодезный журавль. Дима спрыгнул с платформы:

– Сбегаю за водой. Неизвестно, сколько будет стоять поезд. Может, сутки. Успею.

До колодца он не добежал, а товарняк тронулся с места. Он обернулся и что было сил рванул назад, к поезду. Состав уходил, набирая скорость. Дима отошёл довольно далеко, и было ясно, что он его не догонит.

Парень остановился. Внезапно окатило чувство одиночества, брошенности, фатального невезения. И – растерянность, досада на себя. «Как же так, мы даже адресами не обменялись. Как я найду Таню?» –

мелькнуло в голове. И тут же обрадованно: «Она же будущий врач! Через мединститут и найду!»

Поезд уходил всё дальше, а на насыпи, на том месте, где стояла платформа с песком, Дима увидел одинокую фигурку девушки с чемоданом и рюкзаком в руках. Из-за спины выглядывал гриф гитары. Вот это был подарок! Радость ошпарила его с головы до ног. Он победно закричал, подпрыгнул и на руках перевернулся через голову.

Подошли к колодцу. Из будки показались женщина с ребёнком. За её спиной нарисовался и обходчик. Поздоровались. Поведали им свою одиссею.

Пока женщина накрывала на стол, плескались в пруду в двухстах метрах от дома. Впрочем, пруд – это громко сказано. Это была помирающая на степном солнце мелководная лужа с потрескавшейся глиной на берегу и вязким илистым дном. Но... Они всё-таки смыли с себя песок, дорожную грязь и, освежённые, жизнерадостные, смели со стола всё, что предложили им гостеприимные хозяева.

Потом – концерт. И сон на сеновале. Она – в одном конце сарая, он – в другом. Правда, ночью замёрзли. Дима сорвал с гвоздя драный овечий тулуп и позвал:

– Тань. Я замёрз. А ты?

– Я тоже.

– Я тулуп нашёл. – И робко спросил: – Накроемся вместе?

– Давай. Только без глупостей. – И улыбаясь, добавила: – У меня рука тяжёлая.

Дима не внял. Про руку. Близость женщины не давала ему заснуть. Он долго ворочался. Наконец, не выдержал, завис над нею и стал целовать в губы, в шею, в грудь. И только безумно шептал: «Таня. Таня. Таня». А потом отлетел. Это была не пощёчина – это был удар кулаком. По скуле.

– Ты что! – взвыл он обиженно.

– Я же предупреждала.

– Ты мне челюсть едва не своротила! Разве так можно?!

– А как бы я остановила тебя?

«Точно. Не остановила бы», – оценил он справедливость её слов. Но сторяча было обидно, что сопливая девчонка вертит им, как хочет.

Она чувствовала себя виноватой. Поэтому резко сменила тему:

– Как тулуп делить будем?

– Как его поделишь? Не рвать же пополам... Ты пойми: спать с девушкой, которая тебе нравится, и не касаться её – это же пытка. Иезуитская. – И засмеялся. – Но я на всё готов. Танюш, не трону. Клянусь, чем хочешь! Правда-правда! Поверь. Я же не хочу тебя потерять.

Последний аргумент убедил.

– Ладно. Попробуем ещё разок. – И после паузы: – Дим, ты прости меня. По-моему я переборщила.

– Нормально. Сам виноват. – Помолчал и неожиданно закончил: – А ты молодец! Уважаю!

И было непонятно, к чему относились последние слова: к тому ли, что не поддавалась фактически первому встречному, или к сильному удару, на который не каждая девушка способна.

Помирившись, накрылись тулупом, прижались друг к другу спинами и снова заснули.

Утром решили ехать на попутной машине. Тем более что до родного города осталось чуть более двухсот километров. Дорога с разбитым асфальтом, по которой довольно редко пылили автомобили, в этом месте шла вдоль железнодорожных путей. Так что далеко с вещами тащиться не пришлось. Легковушки голосование игнорировали. Тормознул громадный КАМАЗ. Привередничать не приходилось. Погрузились в кабину вместе с вещами.

Шофёр – мрачноватый дядька. Пробовали его развлекать, но тот сурово пресёк все разговоры. Видно, не в настроении был. Однако молча ехать было скучно. Выручила гитара. Сначала, поглядывая на реакцию шофёра, Дима просто тихонько брэнчал. Потом стал подпевать. А вскоре к нему присоединилась и Таня. Морщина над переносицей дядьки стала разглаживаться. Он несколько раз одобрительно оглянулся на ребят, а потом и сам запел. К родимому городу подъезжали друзьями...

...Прошли годы. Дима стал инженером, Таня – хирургом. Город разъединил их, разрушил то большое и хрупкое, что озарило их и притянуло друг к другу в те несколько дней дорожных приключений. Они навсегда расстались. Но и через много лет каждый из них с благодарностью, светло и чисто вспоминал лихое путешествие без гроша в кармане из Сибири домой, на Волгу. А главное – вспоминали друг друга и те счастливые мгновения тайны, что объединяют мужчину и женщину и, оказывается, остаются дорогими в памяти навсегда.

**Олег
ИГНАТЬЕВ**

ОЖИДАНИЕ СЛОВА

ВРАЧЕБНОЕ ДЕЖУРСТВО

Когда внезапно сходит немота
С души моей, а сам я, сожалея,
Не вижу рядом чистого листа,
Записываю строфы поскорее
В листок температурный, чтоб потом
Следить, как обретают облик песни –
Раздумья об Отечестве своём –
На вкладыше истории болезни.

Хмарилось. На сквозняке
Пахло корою древесной.
– Так о каком двойнике
Ты говоришь? Интересно.

Значит, по-твоему, жить –
Это всего лишь уменьше
Вовремя не отличить
Истину от заблужденья?

Слышишь, как гонит река
С шумом апрельскую воду?
Это даруют века
Травам и листьям свободу.

Это в кустах ивняка
Снежная тлеет полова...
Нет у меня двойника,
Есть ожидание слова.

-
- Олег Геннадьевич Игнатъев родился в 1949 году. Детство и отрочество прошли в Игарке, на Енисее. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы (семинар Ю.П. Кузнецова). Автор пяти поэтических книг. Печатался во многих центральных и региональных изданиях. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Я в журнале увидел подборку стихов,
Прочитал – оказались моими.
И пошёл, и просил я без обиняков
Заплатить мне за славное имя.

Заплатили. Уважили трату чернил.
Но скажу, что меня возмутило:
Гонорар получил, но пропить не пропил –
И на пиво его не хватило.

И заплакал редактор, хотя и не стар,
И погладил меня по макушке,
Мол, за всех стихотворцев, за их бедный дар
В своё время уже получил гонорар
Александр Сергеевич Пушкин.

Уже всюду цвели в садах петунии,
И в каждый мало-мальский палисад
Заглядывали пчёлы-хлопотуньи,
А следом и мальчишки! Наугад.

А мой сосед, герой в моём рассказе,
Художник и завидный холостяк,
Базарные цветы доверил вазе,
А те и раскраснелись, как в гостях.

И с восхищеньем истовый надомник,
Изограф мой, забыв итог ночей,
Смотрел, как хорошеет подоконник
С тремя цветками, угля горячей.

И ваза цвета каменных строений
Оправдывала замысел вполне,
Когда её сжимали светотени,
Как женщин обнимают при луне.

И он решил, надомник и холерик,
Писать цветы с восьми и до восьми.
Искусство не бывает без Америк,
И он свою откроет, чёрт возьми!

Его жильё, не видевшее смысла
В тяжёлых шторах грубого сукна,
Двойным стеклом над улицей повисло
Единственного в комнате окна.

И девочка, играющая в маму,
Ловившая для куклы мотылька,
Увидела в окне бутон – тот самый,
Что в ней самой не виден был пока.

И мама, в расклеённом сарафане,
Горячая от летней смуглоты,
В цветочном отразилась полыханье,
Как в зеркале, до тайной наготы.

И женщина, ласкаемая тенью
Дворовых лип на краешке скамьи,
Как в истину, как в счастье, как в спасенье
Поверила в три возраста свои.

И в этот миг художник растерялся:
Он верен был работе и мечте,
Но, как своею кистью ни старался, –
Цветы обугливались на холсте!

Как будто лета жгучее цветенье,
Любой талант презрев исподтишка,
Лишало обособленного зренья
И спрашивало как с еретика.

Река, со сквозняками на отлёте,
С игривым перекатом возле ног,
Рассыпала песок на повороте,
Споткнувшись о невидимый порог.

Мы оживим сушняк под котелком,
Огонь замашет красными руками
На шаткий дым с весёлым запашком,
На котелок с помятыми боками.

Я отмахнусь от собственного детства
И с бабочки пыльцу собью – не жаль!
Чтоб сердцу защемить, есть лучше средство,
Но я забыл, как выглядит печаль.

А потому в моей сегодня власти
Сказать, встречая зрелые лета:
Не красота – исток моих пристрастий,
Не красота, что свет порою застит,
А то, чему подвластна красота.

Сгорит ботва в подветренном огне,
Пропахнут будни дымом и бурьяном,
И страшный сон приснится ночью мне,
Но я его рассказывать не стану.

Зачем под шелест лип и тополей,
Друг друга исцарапавших ветвями,
Кого-то мучить памятью своей
И тем, что передать нельзя словами?

Гораздо лучше слушать из окна,
Как во дворе с частушечным присвистом
Гуляет чья-то свадьба, допоздна
Плясавшая под яблоней ветвистой.

И ряженные квохчут, избочась,
Вокруг смурной четы молодожёнов,
Которые так заспанны сейчас,
Что поневоле пятишься с балкона.

Того гляди, порхающий Амур,
Бесстыжий оголец и голопупик,
В отместку ли, в угоду ли кому
Свою стрелу в тебя как раз и влупит.

Ему пустяк, что к лиственным лесам
Тебя и так ревнуют домочадцы,
Что и тебе всё чаще по ночам
Уродства человеческие снятся.

Глупо, неожиданно, всерьёз!
Как мы безрассудно все похожи!
Я коснулся крашенных волос,
Высказал немало слов расхожих.

Пусть мои слова – всегда пустяк,
Пусть твои ответы – только малость,
Нам теперь осталось жить не так,
Как до этой встречи оставалось.

Ты стоишь, браслетик теребя,
В облаке светящегося платья,
Женщина, открывшая объятия,
Так и не открывшая себя.

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Донимала странная усталость...
Под крылом вечерней бузины
Тосковала птаха. Начиналось
Полное затмение луны.

Вековые рослые деревья,
Нарастив угрюмую кору,
Распускали тёмные поверья,
Каждое поверье – не к добру.

И смолкали глупые цикады,
И затих прогулочный баян,
Только с обособленной эстрады
Ухал оживлённый барабан.

Над землёй, где пело и гремело,
Над огнём пожарной каланчи
Лунное подобие горело,
Угольно-красное в ночи.

И, быть может, кто-то этой ночью,
Звёздный ковш глазами осушив,
Пережив затмение воочью,
Горечи почувствовал прилив.

Жить не жил, а сердце надорвалось,
Петь не пел, а голос отлетел.
А всего и требовалась малость:
Видеть то, что раньше проглядел.

Памяти Варлама Шаламова

Снова бесится зима,
Снова сердце стынет в мае.
Вместо Сочи Колыма
Душу ветром обнимает.

На краю большой земли
Вьюга набирает силы.
За бараками вдали
Безымянные могилы.

Хорошо на свете жить
С бесшабашной головою,
Кабы только не ходить
Под усиленным конвоем.

Снегом кроются дома,
Запуржило не на шутку.
Золотая Колыма
Жадно курит самокрутку.

Две наколки на груди –
Доли каторжной отметки.
Неужели впереди
Снова зоны и запретки?

Дура-вьюга, не пыли,
Не сажай народ на вилы.
Я хочу, чтоб журавли
Принесли улыбку милой.

Как же я её любил,
Ненаглядную, родную!
Строил замки без стропил,
По ночам не спал, ревнуя.

До утра стихи слагал
Про судьбу и псов матёрых.
Жизнь – весёлый балаган
Для измученных актёров.

Оттого и злится тьма,
И никто не шлёт привета.
Вместо Сочи Колыма
Улыбается поэтам.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
(ДЕР. САНТАЛОВО, 28.06.1922)

Звук будит. Слово проясняет.
Но что ему от истин тех,
Когда кикимора лесная
Скликает нежить, как на грех?

Лишь числа ведают жестоко,
Легко ль в отечестве своём
Быть плакальщиком и пророком,
Юродивым и бунтарём.

А ночь в бессмысленной обиде
Являет разуму опять,
Чего никто не должен видеть,
Чего никто не должен знать.

И вновь цыганками опознан,
(Поэт! Бродяга! Баламут!)
Он слышит в сумраке тифозном,
Как юбками они метут

И вряд ли, вряд ли по злобе
Ему сурово предрекают:
– Молва забудет о тебе,
Как в сердце финку забывают.

ПОПЫТКА ЗАГОВОРИТЬ СУДЬБУ

А в деревне, как всегда, все свои.
И паслён, и лебеда, и репы.

Полудрёма сытых кур у крыльца
И размашистый аллюр жеребца.

Хорошо противу зла, сплунув зло,
На окраине села сесть в седло.

Я года свои забыл, я открыл:
Кто любил, тот и без крыл шестикрыл.

Я взлетаю на коня: «Ну, пошёл» –
Всё прекрасно у меня, хорошо!

Мокнет в заводи рогоз, и река
Ловит крыльями стрекоз облака.

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

ПРЕКРАСНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО

В предыдущих очерках, посвящённых художественной культуре Саратовского края («Архитектурно-исторический пейзаж Саратова» и «В камне и кистью») говорилось о пластических искусствах. 2016-й год – это Год кино, и самое время напомнить, что Саратов по праву гордится исключительной плеядой ярких актёрских индивидуальностей – тех, кто родился, учился и играл на театральных сценах нашего города. Это касается любой из сфер актёрского искусства, будь то драматический театр, музыкальный театр или кинематограф. Для примера можно назвать четырёх крупнейших актёров, в равной мере прославившихся как на театральных подмостках, так и на киноэкране: Борис Бабочкин, Олег Табаков, Олег Янковский, Евгений Миронов.

Но вначале о драматическом театре. Его истоки на саратовской земле обнаруживаются в конце XVIII века, когда в крупных дворянских имениях создавались крепостные труппы в усадьбах Куракиных, Голицыных, Нарышкиных, Столыпиных, Бахметьевых, Кожиных. В начале XIX столетия по инициативе Г. Гладкова, а затем губернатора А. Панчулидзева в Саратове возникают первые городские театры.

В конце XIX столетия действительно вынашивалась идея общедоступной сцены, и в 1897 году был открыт Народный театр, в котором для самой широкой аудитории регу-

-
- Александр Иванович Демченко – профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, профессор Саратовского государственного университета, Саратовского государственного социально-экономического университета, Оренбургского государственного университета искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Член Союза композиторов РФ, Союза журналистов РФ. Заслуженный деятель искусств РФ. Заслуженный деятель науки и образования. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие. Обладатель Золотой медали В.И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и Почётного звания «Основатель научной школы». Почётный гражданин города Саратова.

лярно, три-четыре раза в неделю, шли драматические спектакли. Об уровне артистических сил красноречиво говорит большой перечень выдающихся актёров, выступавших тогда на саратовской сцене. Выделим три имени.

Полина Антиповна (Пелагея) Стрепетова (1850–1903 гг.) первая в театре раскрыла глубину переживаний и духовную силу русской женщины. Трагедийное дарование Стрепетовой особенно ярко проявилось в ролях Лизаветы («Горькая судьбина» Писемского) и Катерины («Гроза» Островского). А. Островский писал: *«Как природный талант это явление редкое, феноменальное <...> Её среда – женщины низшего и среднего классов общества; её пафос – простые сильные страсти...»* Талант Стрепетовой в полной мере раскрылся именно в Саратове, где она выступала в 1870-е годы и где её по-настоящему заметили и оценили.

Мария Гавриловна Савина (1854–1915 гг.) стала ведущей актрисой саратовской сцены в 1873 году. Она ярко воплотила черты волевого, деятельного, жизнеутверждающего характера своих современниц, смелость и глубину их чувств. В совершенстве владела искусством сжатой, исчерпывающей характеристики персонажа. Начиная с комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше», А. Островский доверял ей исполнение главных ролей почти во всех своих новых пьесах. В числе других вершин её искусства – Марья Антоновна и Анна Андреевна («Ревизор» Гоголя), Верочка и Наталья Петровна («Месяц в деревне» Тургенева).

Василий Иванович Качалов (1875–1948 гг.), уехав из Саратова, играл с 1900 года в МХТ. Это был актёр высокой интеллектуальной культуры, огромного сценического обаяния. Острый аналитик, художник философского восприятия жизни, он основывал своё искусство не только на силе эмоционального воздействия, но и на темпераменте мысли, на способности воспроизвести драму сознания, раскрыть конфликты идей и убеждений, владеющих его героями.

Не замыкаясь в рамках определённого ампула, создавал яркие, характерные образы, исполненные то высокого драматизма, то комедийной остроты и тонкого юмора.

Среди лучших его ролей: Гамлет и Юлий Цезарь («Гамлет» и «Юлий Цезарь» Шекспира), Чацкий («Горе от ума» Грибоедова), Берендей и Глумов («Снегурочка» и «На всякого мудреца довольно простоты» Островского), Иван («Братья Карамазовы» Достоевского), Тузенбах и Трофимов («Три сестры» и «Вишнёвый сад» Чехова), Барон («На дне» Горького), Бранд («Бранд» Ибсена), Иоганн Фокерат («Одинокие» Гауптмана), Вершинин («Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова).

С начала XX века устанавливается режим стабильно работающих стационарных государственных театров, которые открываются не только в Саратове, но и в ряде других городов области. На рубеже нынешнего столетия к ним присоединились муниципальные артистические коллективы «малого формата» (например, в Саратове – «АТХ», «Версия», «Балаганчикъ», Театр пластической драмы и «Самокат», который стал первым в стране профессиональным театром магии и фокусов). В центре зрительского внимания с давних пор находятся два театра, по достоинству получившие звания академических, – Театр драмы и Театр юного зрителя.

Саратовский академический театр драмы имени И. А. Слонова – один из старейших театров страны, ведущий свою историю с 1803 года. Он всегда оставался верным лучшим традициям русского театрального искусства, окончательно формировался в 20-е годы XX века как один из лучших провинциальных театров России. Нынешнее здание театра открыто в 1968 году.

Большую роль в становлении и развитии Театра драмы сыграл актёр и режиссёр **Иван Артемьевич Слонов** (1882–1945 гг.). Одна из улиц центральной части Саратова носит имя И. А. Слонова, и в 2003 году оно было присвоено Театру драмы.

Впервые вышел на сцену в 1903 году, с 1915-го – в Саратове, которому он отдал три самых плодотворных десятилетия своей жизни, став одним из выдающихся деятелей театральной провинции. В общей сложности в его актёрском активе было свыше 400 самых разноплановых ролей классического и современного репертуара. Лучшими считались Гамлет («Гамлет» Шекспира), Фердинанд («Коварство и любовь» Шиллера), Чацкий («Горе от ума» Грибоедова), Хлестаков («Ревизор»

Гоголя), Арбенин («Маскарад» Лермонтова), Фёдор Иоаннович («Царь Фёдор Иоаннович» А. К. Толстого), Карандышев и Мурзавецкий («Бесприданница» и «Волки и овцы» Островского), Раскольников («Преступление и наказание» Достоевского), Протасов («Живой труп» Л. Н. Толстого), Вершинин («Три сестры» Чехова), Желтков («Гранатовый браслет» Куприна), Тот («Тот, кто получает пощёчины» Андреева).

Ввиду неординарных качеств творческой личности, Слонов с самого начала фактически являлся художественным руководителем Саратовского театра. Благодаря ему на необходимую высоту поднялась режиссура, целенаправленной стала репертуарная политика, по его настоянию назначались режиссёры и приглашались актёры.

Благодаря усилиям Слонова и его единомышленников с 1930 года Театр драмы переживал расцвет. В это время на его сцене выступали Б. Андреев, Е. Астахова, С. Бржевский, А. Василевский, Н. Гурская, П. Карганов, С. Муратов, Г. Несмелов, А. Петрова, М. Рудина, Г. Сальников, Д. Смирнов, В. Соболева, Е. Степная, Д. Степурина, А. Стрижова и др.

В последующей истории Театра драмы заметно выделился период, когда в его стенах два десятилетия работал режиссёр *Александр Иванович Дзекун* (род. в 1945 г.). С середины 1970-х и по середине 1990-х годов он поставил свыше 50 спектаклей разных жанров – от классической трагедии до фарса. Среди них наибольшую известность получили «Гекуба» Еврипида, «Макбет» Шекспира, «Ревизор» Гоголя, «Месяц в деревне» Тургенева, «Дядюшкин сон» Достоевского, «Чайка» Чехова, «Чудаки» Горького, «Собачий вальс» Андреева, «Фортуна» Цветаевой, «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», «Зойкина квартира» и «Багровый остров» Булгакова, «14 красных избушек», «Христос и мы» и «Чевенгур» Платонова, «Жили-были мать да дочь» Абрамова, «Лисички» Хеллман, «Великолепный рогоносец» Кроммелинка, «Ужасные родители» Кокто, «Додо» Пэтона, «Крематор» Фукса, «Брат мой Чичиков» Садур.

Приведённый перечень красноречиво демонстрирует кардинальное расширение репертуара главным образом за счёт современной драматургии. Дзекун стремился к созданию зрелищного театра острой формы, тяготеющего к гротеску, условности.

Во второй половине XX века ядро труппы на разных этапах составляли Н. Алисова, Г. Аретаков, В. Аукштыкальнис, Г. Банников, Р. Белякова, А. Галко, Л. Гришина, В. Ермакова, В. Калисанов, Ю. Каюров, Е. Колоградский, Н. Мерц, А. Михайлов, Л. Муратова, Ю. Сагьянц, С. Сосновский, В. Федотова, Л. Шутова, Я. Янин, О. Янковский и др. Сегодня в репертуаре театра активно заняты И. Баголей, Е. Блохина, Э. Данилина, В. Мамонов, В. Назаров, Е. Торгашова.

Саратовский академический театр юного зрителя имени Ю. П. Киселёва является старейшим в стране и мире профессиональным детским театром. Он был открыт в 1918 году как драматический школьный театр спектаклем «Синяя птица» Метерлинка. На исходном этапе его репертуар составляли произведения русской и зарубежной классики. В 1937-м коллектив получает здание, которое является памятником архитектуры в стиле модерна (1903), втрое увеличивает состав труппы и значительно обогащает творческие силы. Ставятся спектакли для аудитории разного возраста – от сказок («Конёк-Горбунок» Ершова, «Золотой ключик» А. Толстого, «Красная шапочка» и «Снежная королева» Шварца) до пьес проблемной тематики («Скупой» и «Проделки Скапена» Молье-

ра, «Недоросль» Фонвизина, «Бедность не порок» Островского). В 2011 году открылось новое здание ТЮЗа.

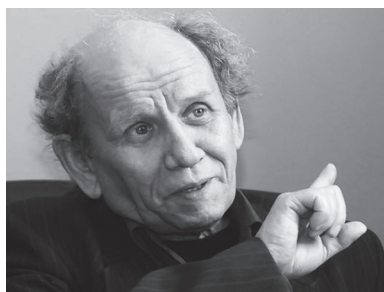

С 1943 по 1996 годы во главе театра стоял **Юрий Петрович Киселёв** (1914–1996 гг.), и это была целая эпоха в истории коллектива. В Саратове Киселёв поставил 132 спектакля, в том числе «Осада Лейдена» Штока, «Алёша Пешков» Груздева и Форш, «Три сестры» Чехова, «В дороге» Розова, «Обыкновенная история» Гончарова, «Традиционный сбор» Розова, «Сказ о времени далёком и близком» Акулова, «Мальчишки» Розова,

«Валентин и Валентина» Рощина, «В списках не значился» Васильева, «Никто не поверит» Полонского, «Гнездо глухаря» Розова, «Вечный муж» Достоевского, «Маленький лорд Фаунтлерой» Бёрнетт (список приведён в хронологическом порядке с 1944 по 1996 год).

Выдающийся режиссёр выработал принципы «семейного театра» и особой эстетики театрального искусства, адресованного в первую очередь юношеской аудитории, в соответствии с чем творческая платформа и репертуар получили отчётливо педагогическую направленность. Под руководством Юрия Петровича Киселёва Саратовский ТЮЗ стал одним из лучших детских театров страны. Имя знаменитого режиссёра носит одна из улиц города, и оно присвоено Саратовскому ТЮЗу.

Гордостью театра являются актёры О. Балакин, В. Краснов, О. Кутина, С. Лаврентьева, Т. Лыкова, В. Начинкин, Ю. Ошеров, Н. Пантелева, Е. Росс, А. Соловьёв, З. Спирина, Г. Цинман.

С 1996 года главным режиссёром театра становится **Юрий Петрович Ошеров** (род. в 1942 г.). С 1963 года и до сих пор выступая в качестве актёра (более 70 разноплановых ролей), он уже с 1972-го ставит спектакли (более 30), среди которых выделяются «Маленькая Баба-Яга» Пройслера, «Приключения Незнайки» Носова, «Сотворившая чудо» Гибсона, «Семь суббот на неделе» Маара, «Волшебное зелье» Есилевской, «Строитель

Сольнес» Ибсена, «Маленький принц» Сент-Экзюпери, «Конёк-Горбунок» Прокофьевой и Сапгира и др.

Саратовская театральная школа – одна из старейших в России. Однако история театрального образования в нашем городе берёт своё начало только с 1920 года, когда были созданы Высшие государственные мастерские театрального искусства. В 1923-м они преобразованы

в Театральный техникум, позже переименованный в Саратовское театральное училище.

Этот начальный период был связан прежде всего с преподавательской деятельностью И. А. Слонова, который возглавил местную театральную школу. В 1933 году, в 30-летний юбилей сценической деятельности Слонова, его имя (ещё при жизни!) было присвоено Театральному училищу.

В связи с начавшейся Великой Отечественной войной училище было закрыто. Вновь оно открылось в 1960 году, в 1965-м ему было возвращено имя И. А. Слонова. Здесь работали народные артисты России Г. Ардаков и Р. Белякова, заслуженные деятели искусств России В. Давыдов, Д. Лядов и Г. Банников, заслуженные артисты России А. Василевский, А. Быстряков и Ю. Сагьянц. В преподавании они опирались на традиции актёрской школы русского театра, заложенные К. С. Станиславским и продолженные И. А. Слоновым и его соратниками.

В 1983 году на основе имеющего богатейшие традиции Саратовского театрального училища имени И. А. Слонова был открыт **театральный факультет**, вошедший в состав Саратовской консерватории. Таким образом среднее театральное образование естественно переросло в высшее. В 2008-м факультет отметил своё 25-летие, а в 2010 году реорганизован в **Театральный институт** Саратовской консерватории. Возглавляла факультет со дня его основания **Наталья Петровна Горюнова**, она же стала директором Института.

Театральный институт осуществляет подготовку по специальностям «Артист драматического театра и кино», «Артист театра кукол», «Артист музыкального театра», «Режиссёр драмы» и имеет три кафедры – мастерства актёра, сценической речи и пластического воспитания.

Кафедра мастерства актёра создана в 1984 году. Её заведующей со дня основания является народная артистка России **Римма Ивановна Белякова**. Она окончила школу-студию МХАТ у О. Н. Ефремова, с 1968-го в Саратовском театре драмы сыграла более 40 ролей: Нина («Маскарад»), Ольга («Три сестры»), Настасья Филипповна («Идиот») и др. Снималась в кино. Преподавать начала с 1970 года в Саратовском театральном училище, за годы работы в Театральном институте выпустила более десяти актёрских курсов, поставила свыше тридцати дипломных спектаклей, часть которых находилась в репертуаре саратовских театров.

В разные годы на кафедре преподавали народная артистка СССР В. Ермакова, народные артисты России А. Галко, Г. Ардаков, Ю. Ошеров, А. Соловьёв и Т. Кондратьева; заслуженные деятели искусств России Г. Банников и Г. Шугуров, заслуженные артисты

России А. Кузнецов, Э. Данилина, В. Мамонов, И. Баголей и др. В большинстве своём это театральные личности, получившие широкое общественное признание, удостоенные различных почётных наград, обладающие огромным опытом актёрской работы и режиссуры.

Многие из них начинали свой педагогический путь ещё в Театральном училище имени И. А. Слонова: лауреат Государственной премии России **Валентина Александровна Ермакова** (1924–2003 гг.) – с 1972 года; **Владимир Захарович Федосеев** (1932–2010 гг.) – с 1973-го; «Лучший актёр года» (по версии журнала «Театральная жизнь» за 1988 год), лауреат Международной премии К. С. Станиславского «За вклад в развитие театральной педагогики» **Александр Григорьевич Галко** (1938–2016 гг.) – с 1978-го; художественный руководитель Академического театра драмы имени И. А. Слонова **Григорий Анисимович Аредаков** – с 1983-го.

Несколько позднее было создано отделение театра кукол, одно из лучших в стране, которым руководит лауреат фестиваля «Золотой Арлекин» **Татьяна Петровна Кондратьева**.

На кафедре ведутся курсы «Мастерство актёра», «Режиссура», «История театра», «История литературы», «История кинематографа», «История изобразительного искусства», «Психология творчества», «Грим». Специальность в актёрском образовании, как главный предмет, органично соединяет все знания, навыки и умения, полученные студентами в ходе изучения остальных дисциплин. Основной формой итоговой

аттестации выпускников является участие в дипломных спектаклях, материалом которых служат лучшие образцы классического и современного репертуара.

Для примера можно назвать студенческие спектакли сезона 2010/2011 гг.: классика – «Поздняя любовь» Островского; современная драматургия – «Звёзды на утреннем небе» Галина и «Лейтенант с острова Инишмор» МакДонаха; мюзикл «Целуй меня, Кэт!» Портера; пластические спектакли – «Dance-class Алексея Зыкова», «Сонеты Шекспира» (драматический балет) и «Прощаясь с вами, мы танцуем» (спектакль-концерт).

В 1990 году была организована **кафедра сценической речи**. Её возглавил старейший педагог Театрального училища имени И. А. Слонова **Виктор Григорьевич Кульченко** (работал там в 1961–1966-м, а затем с 1976-го). В 2010-м его на этом посту сменила **Александра Ивановна Спирина**, которая преподаёт сценическую речь уже более трёх десятилетий. Кроме того, педагоги кафедры ведут музыкальные дисциплины (сольное пение, вокальный ансамбль и т. д.).

И наконец, в 2004 году создана **кафедра пластического воспитания актёра**. Это было сделано по инициативе Н. П. Горюновой,

которая уже с 1973 года преподавала танец и сценическое движение в Театральном училище и приоритетом своей педагогической работы всегда считала соединение пластических возможностей с задачами воспитания драматических артистов.

За прошедшие годы осуществлено двадцать четыре выпуска актёров драматического театра, шесть выпусков актёров театра кукол, шесть выпусков актёров музыкального театра и один экспериментальный выпуск актёров пластической драмы. Почти три десятилетия существования театрального факультета, ныне Театрального института, — это огромный опыт, основанный на соединении больших традиций и инновационных педагогических инициатив, и это красноречивое свидетельство того, что Саратовская театральная школа по праву считается одной из самых известных и перспективных в России.

На протяжении всей второй половины XIX и в самом начале XX века в музыкальном театре господствующей была практика оперных антреприз. При всей значимости передвижных антреприз, их время уходило, и на повестку дня выдвигался вопрос об открытии стационарного оперного театра. И в 1918 году группа энтузиастов (профессора М. Е. Медведев, Н. И. Сперанский, А. М. Пасхалова) организовала постоянный театр под первоначальным названием «Общедоступная опера». В качестве ведущих солистов в нём выступали воспитанники консерватории. Первой была поставлена «Снегурочка» Римского-Корсакова, в которой главную партию пела одна из лучших её исполнительниц — А. Пасхалова. Затем шли такие масштабные спектакли, как «Князь Игорь» Бородина и «Майская ночь» Римского-Корсакова, «Демон» Рубинштейна и «Евгений Онегин» Чайковского, «Риголетто», «Травиата» и «Аида» Верди, «Фауст» Гуно и «Кармен» Бизе.

Михаил Ефимович Медведев (1858–1925 гг.) — это в некотором роде человек-легенда. В 1876 году он поступил в Киевское музыкальное училище, где его услышал директор Московской консерватории Н. Г. Рубинштейн, по предложению которого молодого певца принимают сразу на 3-й курс столичного вуза. В 1879-м ему поручают партию Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин» — она впервые ставилась тогда и, по желанию автора, именно силами учащихся Московской консерватории. С 1885 года Медведев пел на сценах ведущих оперных театров страны — Киевского, Большого, Мариинского и гастролировал в провинции (в том числе дважды — в Саратове). В 1898–1901 годах он

с огромным успехом концертировал в США и Канаде, где широко пропагандировал русскую музыку.

С 1912 года и до конца жизни Медведев – в Саратове, преподавал в консерватории по классу сольного пения и оперному классу, в 1922-м впервые в стране открыл класс камерного пения (сам Медведев был превосходным камерным певцом, особенно часто пел романсы Чайковского). Он обладал голосом редкой силы и красоты и ярким драматическим дарованием. В его репертуаре было около 30 ведущих оперных партий, в том числе – Отелло в одноимённой опере Верди (эту роль он играл и на драматической сцене) и Герман в «Пиковой даме» Чайковского (в своё время считался лучшим Германом, в том числе по оценке самого композитора).

Алевтина Михайловна Пасхалова (1875–1953 гг.) принадлежала к старинному саратовскому роду, известному в культурной жизни города на всём протяжении XIX столетия. Другим из известных его представителей был композитор В. Н. Пасхалов. Алевтина Михайловна, став прославленной певицей, словно бы увенчала большую художественную традицию этой фамилии. Родилась она в селе Сокур Саратовской губернии, в 1893 году окончила в Саратове Женский институт, где обучалась игре на фортепиано, в 1898-м – Московскую консерваторию по классу пения. До 1905 года работала в Московской частной русской опере, в 1905–1908 годах была ведущей солисткой Мариинского театра в Петербурге, с 1908-го выступала на оперных сценах

ряда городов, в том числе и Саратова. Её партнёрами по сцене были Ф. Шаляпин, Л. Собинов, И. Ершов. В 1906 году, а затем в 1911–1912 годах Пасхалова совершенствовалась в своём мастерстве в Италии, гастролировала там же, была приглашена в миланский театр «Ла Скала».

С 1916-го она преподавала в Саратовской консерватории, вела в городе большую музыкально-просветительскую работу. Пасхалова имела выдающийся по красоте, ровный во всём диапазоне голос хрустально-чистого тембра с густым нижним регистром, отличалась тонкой фразировкой, экспрессивностью в драматических эпизодах. На оперной сцене освоила свыше 60 партий. Римский-Корсаков об её исполнении Снегурочки отзывался так: *«Вы чудесная Снегурочка, я не видел лучшей по простоте и безыскусности игры и пения»*. Чрезвычайно обширным был её камерный репертуар, в грамзаписи сохранились исполненные ею романсы Чайковского, Рахманинова, Шопена и Грига.

Николай Иванович Сперанский (1877–1952 гг.) после занятий в Саратовской гимназии и в Музыкальных классах при Саратов-

ском отделении Русского музыкального общества с 1895 года брал в Москве уроки у Г. Конюса (теория музыки), С. Рахманинова (фортепиано) и у ряда вокальных педагогов, в том числе у прославленного итальянского баритона М. Баттистини, с которым часто выступал в спектаклях. Как оперный певец дебютировал в 1901-м, дольше всего проработав в московском Оперном театре С. Зимина, в том числе и в качестве режиссёра. Исполнил свыше 100 партий, среди них – Додон («Золотой петушок» Римского-Корсакова, первое исполнение) и Ганс Сакс («Нюрнбергские мейстерзингеры» Вагнера, первое исполнение на русской сцене).

Его высокий бас большого диапазона, красивого, тёплого тембра свободно звучал и в партиях драматического баритона. Одухотворённость музыкального исполнения дополнялась скульптурной выразительностью актёрского рисунка роли. С успехом выступал и как концертный певец, неоднократно в ансамбле с композиторами Ц. Кюи, Н. Римским-Корсаковым, С. Рахманиновым, а также с симфоническими оркестрами под управлением А. Никиша, С. Кусевицкого и других крупных дирижёров. Записывался на грампластинки.

В 1928 году была организована стационарная Оперно-балетная труппа, которая играла в Саратове и других городах Нижнего Поволжья. На её базе в 1933-м был открыт существующий и поныне **Саратовский академический театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского**. Первый из крупных дирижёров – **Александр Васильевич Павлов-Арбенин** (1871–1941 гг.), возглавлявший театр с 1934 года. Это был ярко одарённый музыкант с громадным артистическим опытом – дирижировать он начал ещё с 1897 года (в том числе в спектаклях с участием Ф. Шаляпина), после 1918 года являлся дирижёром Большого театра. Его отличали живой темперамент, богатая творческая фантазия.

Следующим виднейшим главным дирижёром был **Ниссон Адольфович Шкаровский** (1904–1964 гг.), работавший на этом посту с 1949 года и до конца жизни. Под его началом театр обрёл окончательную зрелость, о чём свидетельствовали и знаки признания, которыми Шкаровский отмечен как художественный руководитель коллектива: Государственная премия СССР (1951), звание «Народный артист РСФСР» (1957).

Для некоторых певцов работа в Саратовской опере послужила стартом к последующему творческому взлёту. Таковы солисты Большого театра Алексей Иванов, Елизавета Шумская и Сергей Лемешев. В 1956 году на Саратовскую оперную сцену пришли, ещё будучи студентами, **Юрий Лазаревич Попов** (1929–2013 гг.) и **Галина Александровна Ковалёва** (1932–1995 гг.). Саратовскую консерваторию они закончили в 1959-м, и обоим суждено было стать народными артистами СССР (Попов был удостоен этого звания первым в истории Саратовского театра оперы и балета).

Юрий Попов создал целую галерею ярких, запоминающихся образов: Риголетто, ди Луна, ди Поза, Амонасро и Яго («Риголетто», «Трубадур», «Дон Карлос», «Аида» и «Отелло» Верди), Тельрамунд («Лоэнгрин» Вагнера), Тонио и Сильвио («Паяцы» Леонкавалло), Скарпиа («Тоска» Пуччини), Демон («Демон» Рубинштейна), Игорь («Князь Игорь» Бородина), Мизгирь и Грязной («Снегурочка» и «Царская невеста» Римского-Корсакова). Он обладал звучным драматическим баритоном красивого тембра и широкого диапазона, отличной дикцией, незаурядным актёрским дарованием и высокой исполнительской техникой.

Центральными в его репертуаре были герои сложной судьбы, противоречивых стремлений, роковых страстей. Артист акцентировал в них экспрессию, мужественную силу, бурный темперамент. Он многократно и с большим успехом пел на сценах Большого театра, Ленинградского театра имени С. М. Кирова (ныне Мариинский), оперных театров Киева, Тбилиси, Еревана, а также в Болгарии, Польше, Германии.

Галина Ковалёва выступала на саратовской сцене всего пять сезонов, но за это время успела превосходно освоить ряд партий, составивших в дальнейшем основу её репертуара. С 1961 года она пела в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова, тогда же добившись звания лауреата на двух международных конкурсах. Исключительные вокальные возможности позволяли ей с подлинной виртуозностью исполнять труднейшие партии лирико-колоратурного сопрано: Розина («Севильский цирюльник» Россини), Лючия («Лючия ди Ламмермур» Доницетти), Виолетта («Травиата» Верди), Антонида («Иван Сусанин» Глинки), Марфа («Царская невеста» Римского-Корсакова) и др.

Народным артистом СССР стал и *Леонид Анатольевич Сметанников* (род. в 1943 г.), который в Саратовскую консерваторию поступил в 1966 году и ещё студентом 3-го курса стал солистом театра. В 1973-м буквально в считанные месяцы стал лауреатом Всесоюзного конкурса профессиональных исполнителей советской песни, X Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Берлине и Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. И. Глинки. Основные партии: Дон Жуан («Дон Жуан» Моцарта), Фигаро («Севильский цирюльник» Россини), Жорж Жермон («Травиата» Верди), Валентин («Фауст» Гуно), Эскамильо («Кармен» Бизе), Сильвио («Паяцы» Леонкавалло), Демон («Демон» Рубинштейна), Онегин, Мазепа, Елецкий и Роберт («Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама» и «Иоланта» Чайковского), Фердинанд («Дуэнья» Прокофьева), Петруччо («Укрощение строптивой» Шекспира).

Сметанников широко концертирует как мастер камерно-вокального жанра, а также в качестве самобытного исполнителя песни – от фольклорной до эстрадной. Певческий универсализм делает его

дарование уникальным явлением современного вокального искусства. Обладая лирическим баритоном красивого, мягкого, тёплого тембра, он неизменно отличается высокой музыкальностью, ярким артистизмом, тонким пониманием стиля исполняемых произведений, точностью и строгостью отбора выразительных средств.

В плодотворной деятельности театра велика заслуга его нынешнего художественного руководителя и главного дирижёра **Юрия Леонидовича Кочнева** (род. в 1942 г.). Ленинградскую консерваторию он окончил по трём специальностям: альт (1968), история и теория музыки (аспирантура, 1970), симфоническое дирижирование (1971). После стажировки в Большом театре был главным дирижёром Татарского театра оперы и балета, и с 1975 года – в Саратове. Успешно воплощая на сцене произведения разных эпох и стилей, он тяготеет преимущественно к монументальным шедеврам оперной классики («Иван Сусанин» Глинки, «Князь Игорь» Бородин, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Вильгельм Телль» Россини, «Аида» Верди, «Лоэнгрин» и «Тангейзер» Вагнера и т. п.).

Всё больший резонанс приобретает ежегодно проходящий в стенах театра **Собиновский музыкальный фестиваль** (инициаторы и организаторы – главный дирижёр и художественный руководитель Ю. Л. Кочнев и директор театра И. Ф. Кияненко). Начиная с 1999 года фестиваль перестал быть чисто оперным и стал называться музыкальным, включил в себя все жанры музыкального искусства (в том числе рок-музыку). В него обязательно вводится впервые исполняемое или редко звучащее крупное произведение. Столь же обязательно приглашение выдающихся российских и зарубежных оперных певцов. С 1999 года в рамках фестиваля проводится Конкурс конкурсов, на котором выступают 12 молодых певцов – призёров всероссийских и международных состязаний. По своему размаху и качественным показателям фестиваль вышел на мировой уровень, и не случайно по итогам опроса музыкальных критиков, проведённого газетой «Музыкальное обозрение», Собиновский музыкальный фестиваль признан лучшим среди музыкальных фестивалей страны за 1999, 2001, 2002 и 2007 годы.

История стационарного, постоянно действующего балета в Саратове начиналась также с 1928 года. Тогда в упомянутую выше Оперно-балетную труппу вошёл балетный коллектив в составе 14 профессиональных артистов во главе с балетмейстером **Сергеем Никитичем**

Кеворковым (1886–1951 гг.), который профессиональную подготовку прошёл в Петербурге. Для обеспечения кадрами в том же 1928 году в Саратове были открыты хореографические курсы, а в 1932-м при Саратовском театральном техникуме создано хореографическое отделение, на базе которого впоследствии сложилось единственное в Поволжье Саратовское хореографическое училище, готовящее танцовщиков для всей страны.

Первыми были поставлены спектакли «Лебединое озеро» Чайковского и «Красный мак» Глиэра. Среди балерин сразу же выделилась уроженка Саратова Виктория Урусова, которая затем танцевала на этой сцене вплоть до 1958 года, то есть на протяжении трёх десятилетий! Вместе с ней выступал Вахтанг Вронский; с 1932 года он стал пробовать свои силы в постановке балетов, а в дальнейшем стал известнейшим хореографом, удостоенным звания народного артиста СССР.

Так же, как и в опере, на основе этого коллектива в 1933-м была создана балетная труппа, которая к началу 1940-х годов насчитывала 60 человек. Особенно блистательно танцевала выпускница хореографического отделения Саратовского театрального училища имени И. А. Слонова **Вера Андреевна Дубровина** (1917–2000 гг.). Она обладала виртуозной, филигранно отделанной техникой, широким шагом, лёгким прыжком, безупречным вращением и ярким драматическим талантом. Её отточенные работы как в классическом, так и в современном репертуаре были по достоинству оценены, и в 1957 году ей было присвоено звание народной артистки РСФСР. Крупнейший советский балетмейстер, народный артист

СССР Р. Захаров откликнулся на её гастроли в Москве так: *«Вера Дубровина – одна из самых талантливых и зрелых балерин нашей сцены. Мне довелось видеть её в разных ролях, и каждый созданный ею образ отличался продуманностью и своеобразием».*

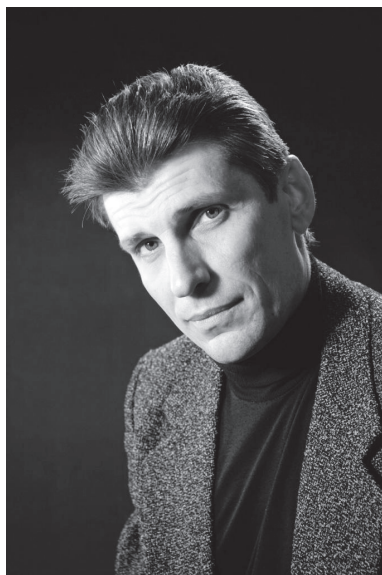
В 1977 году сразу после окончания Саратовского хореографического училища на сцене театра начали танцевать Людмила Телиус и Александр Стёпкин.

Александр Владимирович Стёпкин (род. в 1960 г.) выступал в основных партиях балетного репертуара тех лет: Альберт («Жизель» Адана), Базиль («Дон Кихот» Минкуса), Принц («Спящая красавица» Чайковского), Ромео («Ромео и Джульетта» Прокофьева), Адам («Сотворение мира» Петрова), Резанов («Юнона» и «Авось» Рыбникова), Гамлет («Гамлет» Габичвадзе) и др. С 1984 года он являлся ведущим солистом Ленинградского театра имени С. М. Кирова,

с 1989-го – солистом труппы «Балет XX века» (Лозанна), где танцевал во всех спектаклях, которые ставил выдающийся хореограф современности Морис Бежар. Его манеру отличали мягкость, лиризм, музыкальность, редкая пластическая выразительность. Творчеству Стёпкина посвящён телефильм «Дивертисмент» (1984).

Людмила Анатольевна Телиус (род. в 1959 г.) на протяжении четверти века с неизменным успехом выступала во всех ведущих партиях балетного репертуара: Жизель («Жизель» Адана), Китри («Дон Кихот» Минкуса), Одетта-Одиллия, Аврора и Маша («Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик» Чайковского), Мария и Зарема («Бахчисарайский фонтан» Асафьева), Кармен («Кармен-сюита» Бизе-Щедрина), Кончита («Юнона» и «Авось» Рыбникова), Каэтана («Гойя» Гохман), Офелия («Гамлет» Габичвадзе) и т. д. Она прошла великолепную школу классического танца. Наделённая изяществом и глубокой одухотворённостью пластики, Телиус являла собой образец балерины-актрисы (точность и тщательная выверенность актёрского рисунка роли, способность к кардинальному артистическому перевоплощению, острая психологическая выразительность).

И ещё один из выпускников Саратовского хореографического училища, достигший подобного исполнительского уровня – **Игорь Георгиевич Стецюр-Мова** (род. в 1965 г.). Выразительная сценическая внешность, совершенство танца, редкое актёрское обаяние и способность глубокого вживания в образ позволяли ему исполнять все ведущие партии классического и современного репертуара: Альберт («Жизель» Адана), Базиль («Дон Кихот» Минкуса), Зигфрид, Дезире и Принц («Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик» Чайковского), Хосе («Кармен-сюита» Бизе-Щедрина), Арбенин («Маскарад» Хачатуряна), Резанов («Юнона» и «Авось» Рыбникова) и др. В 1997 году за исполнение партии Гойи в одноимённом балете Гохман он был признан Лучшим актёром года. Его гастрольные выступления в Норвегии, Италии, Великобритании, Испании и других странах подтвердили эту высокую оценку. Его творчеству посвящены телефильмы «Отступление от образа» и «Дуэт».

Оперетта появилась в Саратове в середине XIX века. Новейший репертуар осваивался активно и стремительно: Эрве, Оффенбах, Миллёркер, Зуппе... К началу 1880-х годов успех оперетты был настолько велик (в это время работала труппа Г.М. Коврова), а спектакли шли настолько часто, что городская дума рассматривала вопрос ограничительной квоты на них и, заботясь о чистоте общественных нравов, обязала допускать не более одного спектакля в неделю.

В связи с утверждением оперетты как вида искусства необходимо вспомнить артиста, ставшего чрезвычайно примечательным в общей панораме русской музыкальной жизни тех десятилетий. *Михаил Валентинович Лентовский* (1843–1906 гг.) родился в Аткарске, театральное образование получил в Москве и там же начал играть в Малом театре, время от времени выступая и в провинциальных городах (на гастролях в Саратове был в 1869 и 1874 годах). Вскоре он определился в амплуа артиста оперетты, среди его коронных ролей – Парис и Пикилло («Прекрасная Елена» и «Птички певчие» Оффенбаха). С 1876 года начал работать как режиссёр и антрепренёр и своей деятельностью весьма содействовал расцвету оперетты на русской сцене.

В 1878-м в московском саду «Эрмитаж» Лентовский открыл первый в России Театр оперетты, позже держал опереточные антрепризы в Петербурге, Нижнем Новгороде и других городах. Дар талантливого организатора и режиссёрская изобретательность позволили ему добиться большого успеха в создании масштабных представлений, захватывающих яркой зрелищностью, необычностью постановочных эффектов. Его называли *«театральным магом и волшебником»* (отсюда заголовок одной из статей о нём – «Волшебник Москвы из Аткарска»). К. Станиславский, великий мастер режиссуры, которого трудно было чем-либо удивить, оценивал достигнутое Лентовским так: *«Энергией этого исключительного человека создано театральное предприятие, невиданное нигде в мире по разнообразию, богатству и широте»*. Вот почему его по праву именуют *«отцом русской оперетты»*.

При всём том стационарный **Саратовский театр оперетты** был открыт только в 1968 году (с самого начала он обосновался в Энгельсе). Коллектив быстро освоил практически все шедевры венской оперетты, целый ряд постановок осуществил впервые в стране. Театр постоянно гастролирует, выступает в том числе на сцене Московского академического театра оперетты.

С 1981 года его художественным руководителем и главным режиссёром являлся заслуженный деятель искусств России *Георгий Петрович Банников* (1928–2010 гг.), который за четверть века поставил все значительные классические и современные оперетты (35 спектаклей). Он был инициатором создания в Театральном институте Саратовской консерватории отделения «Артист музыкального театра», возглавлял его и выпустил около 50 артистов, работающих в различных театрах и концертных организациях.

Как и подавляющее большинство других периферийных центров страны, Саратов не располагал студиями для производства художественных фильмов. Зато уже с 1918 года здесь проводились документальные съёмки, и со временем была организована Нижне-Волжская студия кинохроники, которая осуществляла систематическую и плодотворную репортажную работу в масштабах очень большого региона. Так, в послевоенное время на экраны ежегодно выходило до 40 документальных фильмов.

И, может быть, закономерно, что именно в Саратове начинал свою деятельность один из основоположников отечественной научно-популярной кинематографии *Александр Михайлович Згуриди* (1904–1998 гг.). Грек по национальности, он родился в Саратове и по окончании университета работал в лаборатории научных фильмов при Государственном институте микробиологии и эпидемиологии, где в 1931 году снял свой первый научно-популярный фильм – «Стронгилиды», рассказывающий о заболеваниях лошадей. С 1932-го, опираясь на технические ресурсы московских студий, выпустил множество фильмов из жизни животных. Лучшие среди них – «Сила жизни» (1941), «Лесная быль» (1950), «Зачарованные острова» (1965), «Лесная симфония» (1967), «Зачем бабируссе клыки» (1979, совместно с Н. Клдиашвили), «Крепыш» (1982).

О маршрутах этого неутомимого путешественника и исследователя мира природы, сценариста и режиссёра сами за себя говорят, например, такие названия его лент, как «По Волге», «В степях Крыма», «В песках Средней Азии», «В глубинах моря», «В Тихом океане», «Во льдах океана», «Тропю джунглей», «Дикая жизнь Гондвана», «Рикки-Тикки-Тави». Хотя все фильмы Згуриди основаны на научных наблюдениях, он стремился вписать эти наблюдения в художественный сюжет, придавая ему форму повести или сказки. В 1968 году создал на Центральном телевидении передачу «В мире животных» и вёл её до 1975 года.

Обзор игрового кинематографа можно сделать на примере наиболее известных актёров, имевших прямое отношение к Саратовскому краю. Естественным будет движение от имени к имени в соответствии с возрастной хронологией.

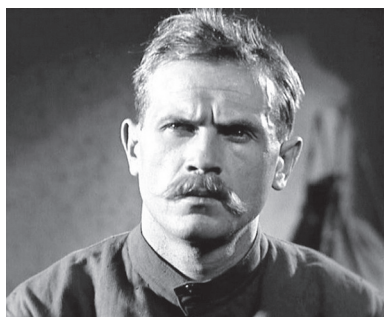
Иван Ильич Мозжухин (1889–1939 гг.) родился в селе Кондоль Петровского уезда Саратовской губернии. С детства выступал в любительских спектаклях, затем работал в провинциальных театрах, а также в театральной труппе московского Введенского народного дома. В кино снимался с 1908 года, быстро добился успеха и к началу 1910-х стал звездой российского дореволюционного кинематографа. С 1920 года сотрудничал с киностудиями Франции, США, Германии, в том числе поставил по собственному сценарию фильм «Пылающий костёр» (1923), в котором сыграл главную роль. В общей сложности снялся более чем в ста фильмах. Лучшие роли: скрипач Трухачевский («Крейцера соната») и адмирал Корнилов («Оборона Севастополя») – обе 1911 года, гвардейский офицер, он же Мав-

рушка («Домик в Коломне», 1913), Чёрт («Ночь перед Рождеством», 1914), доктор Рено («Жизнь в смерти», 1914), Ставрогин («Николай Ставрогин», 1915), Герман («Пиковая дама», 1916) и – как общепризнанная вершина – князь Касаткин («Отец Сергей», 1918).

Обладея великолепным даром перевоплощения, Мозжухин с лёгкостью менял репертуар – ему одинаково блестяще удавались и трагические, и комические роли, романтические герои-любовники и эксцентрические персонажи. В отличие от многих актёров немого кино, которые чрезмерно манипулировали мимикой и жестом, ему были присущи сдержанность и лаконизм в выражении чувств. Неотразимый эффект производили огромные мозжухинские «глаза со слезой», как магнит притягивающие зрителя.

Размышляя о специфике «великого немого», крупнейший актёр отечественного дореволюционного кино писал: *«Уже определились одно неоспоримое достоинство и сущность кинематографа – это его лицо, его глаза, говорящие не менее языка... Стоит актёру загореться во время съёмки, забыть всё, творя так же, как и на сцене, и он каждым своим мускулом, вопросом или жалобой одних глаз, каждой морщинкой, заметной из самого далёкого угла электротeatра, откроет с полотна публике всю свою душу. И она поймёт его без единого слова, без единой надписи».*

Борис Андреевич Бабочкин (1904–1975 гг.) родился в Саратове, учился здесь в Реальном училище, после Гражданской войны поступил в студию при Саратовском городском театре, играл в спектаклях молодёжного театра экспериментальных пьес («ТЭП» под руководством А. Роома). Затем были Ленинградский театр сатиры, БДТ, Московский театр имени Е. Вахтангова, Театр-студия киноактёра, Московский театр имени

А. С. Пушкина и Малый театр. Актёрские работы в театре: Чацкий («Горе от ума» Грибоедова), Самозванец («Борис Годунов» Пушкина), Огнёв («Фронт» Корнейчука), Клаверов («Тени» Салтыкова-Щедрина) и др. Как режиссёр выступил с 1939 года. Крупнейшие постановки: «Дачники» Горького (1939 год, БДТ, играл роль Власа; 1964 год, Малый театр, роль Суслова) и «Иванов» Чехова (1959 год, сыграл Иванова).

Мировую известность Бабочкину принесло создание образа Чапаева в одноимённом фильме (1934). Ему удалось соединить эпическую

легендарность с глубоко понятой индивидуальностью народного героя, добиться необычайной живости и колоритности в обрисовке его натуры. Достоверности изображения содействовало и то обстоятельство, что во время Гражданской войны Бабочкин служил в той армии, в состав которой входила Чапаевская дивизия. Помимо этой знаменитой ленты было ещё более 20 фильмов, в которых, как и в театральных работах, актёр демонстрировал большое мастерство перевоплощения, разнообразие красок, широту творческого диапазона. Автор книги «В театре и кино» (1969). О нём снят документальный фильм «Борис Бабочкин» (1970).

Сергей Николаевич Филиппов (1912–1990 гг.) родился в Саратове. Занимался в хореографической студии при одном из клубов Саратова. После окончания балетного отделения Ленинградского эстрадно-циркового техникума в 1933 году поступил в эстрадный театр-студию, а в 1935-м перешёл в Ленинградский театр комедии. В кино с 1937 года, с 1965-го он работал только на киностудии «Ленфильм». Снимался в фильмах «Музыкальная история», «Новые приключения Швейка», «Золушка», «Укротительница тигров», «Карнавальная ночь», «Девушка без адреса», «Крепостная актриса», «Новые приключения неуловимых», «Двенадцать стульев», «Иван Васильевич меняет профессию», «Не может быть», «За спичками», «Ослиная шкура», «Собачье сердце» и многих других (названы ленты с 1940 по 1988 год).

Наделённый специфической внешностью (худоба при высоком росте, длинные руки, грубые черты лица), Филиппов был ярким комедийным актёром, в игре которого острый эксцентризм сочетался с бытовой характерностью. Обладая незаурядной интуицией и будучи очень наблюдательным от природы, он воспроизводил всевозможные недостатки в своих персонажах резко и метко, используя приёмы окарикатуривания в опоре на богатейшую мимику и гротескную выразительность. Вошёл в историю кино прежде всего как талантливый мастер эпизодических ролей.

Борис Фёдорович Андреев (1915–1982 гг.) родился в Саратове, окончил здесь Театральный техникум и выступал на сцене Театра драмы. С 1939-го в основном снимался в кино. Долгое время его ведущим амплуа были образы современников – простых парней, внешне

грубоватых, но наделённых душевной щедростью, широтой русского характера и добродушием (фильмы «Трактористы», «Большая жизнь», «Два бойца», «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки», «Максимка» и др.). В работах с середины 1950-х годов он переходит к психологически более сложным образам, наполненным эмоциональной силой («Большая семья», «Поэма о море», «Жестокость», «Повесть пламенных лет», «Путь к причалу», «Оптимистическая трагедия», «Дети Ванюшина»).

Евгений Алексеевич Лебедев (1917–1997 гг.) родился в городе Балаково. Участвовал в художественной самодеятельности, а затем, уже подвизаясь на сцене, учился в Московском Центральном техникуме театрального искусства (ныне ГИТИС) и в училище Камерного театра (позже преобразовано в Московское городское театральное училище). С 1940 года переменял немало театральных групп, а с 1956-го и до конца жизни работал в Ленинградском БДТ, будучи ближайшим единомышленником Г. Товстоногова. Среди множества ролей, сыгранных в этом театре, к наиболее выдающимся работам относятся Рогожин («Идиот» Достоевского), Монахов («Варвары» Горького), Артуро Уи («Карьера Артуро Уи» Брехта), Бессеменов («Мещане» Горького), Холстомер («История лошади» Толстого), Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты» Островского), Фирс («Вишнёвый сад» Чехова).

Начиная с 1952 года много снимался в кино: «Два капитана», «Поднятая целина», «Поезд милосердия», «Иду на грозу», «Последний месяц осени», «В огне брода нет», «Странные люди», «Сюжет для небольшого рассказа», «Блокада», «Кентавры», «Синдикат-2» и т. д., в том числе в экранизациях литературной классики («Таланты и поклонники», «Достигаев и другие», «Каменный гость», «Преступление и наказание», «Я готов принять вызов», «Свадьба в Малиновке», «Исполнение желаний»).

Уже в первые годы профессиональной деятельности раскрылась поразительная разносторонность дарования Лебедева. Так, на сцене Тбилисского ТЮЗа он с равным успехом играл Павла Корчагина и Сергея Тюленина, героев комедий Фонвизина и Островского и даже Бабу Ягу в сказке Черныка «Василиса Прекрасная». Ему были присущи острая характерность, нередко доведённая до гротеска и сочетающаяся с внутренним лиризмом, точность социальных оценок, эмоциональная приподнятость, тщательная разработка речевой окраски образа. На родине в его честь назван театр – Балаковский драматический театр имени Е. А. Лебедева. На доме в Балаково, где он жил в 1964–1997 годах, открыта мемориальная доска.

Юрий Иванович Каюров (род. в 1927 гг.), как и Е. А. Лебедев, начинал в художественной самодеятельности. По окончании Ленин-

градского театрального института имени А. Н. Островского в 1952 году был приглашён в Саратовский драматический театр, где играл полтора десятилетия, создав немало запоминающихся образов в спектаклях классического и современного репертуара: Незнамов и Карандышев («Без вины виноватые» и «Бесприданница» Островского), Марат («Мой бедный Марат» Арбузова), Алексей («Оптимистическая трагедия» Вишневского), Часовников («Океан» Штейна) и другие. Возглавлявший в те годы театр Н. Бондарев навсегда остался одним из самых любимых театральных режиссёров Каюрова. В 1961 году он дебютировал в кино в роли молодого Ленина (фильм «В начале века»). Работа над этим образом составила целую эпоху и в творческой жизни актёра, и в отечественном кинематографе: фильмы «Сквозь ледяную мглу», «Исход», «Кремлёвские куранты», «Почтовый роман», «Посланники вечности», «Ленин в Париже».

Крупнейшая работа в этом ряду – «Шестое июля», где он стремился передать напряжённую логику ленинской мысли в сложной обстановке политического кризиса 1918 года и присущий вождю страстный темперамент бойца. Были в кино и другие роли, в том числе центральные («Пропавшая экспедиция», «Пламя», «Строгая мужская жизнь», «Белый снег России», «Ночное происшествие»). С 1967 года Каюров работает в Малом театре, куда его поначалу пригласили на роль Ленина (спектакль «Джон Рид»). Но по-настоящему его талант раскрылся в классическом репертуаре (Островский, Чехов, Горький) и в отдельных ролях из современной драматургии: Сафонов («Русские люди» Симонова), Захаров («Хрустальный ключ» Бондаревой), Полоний («Убийство Гонзаго» Йорданова).

Олег Павлович Табаков (род. в 1935 г.) параллельно учёбе в одной из средних школ Саратова занимался в театральном кружке «Молодая гвардия» Дворца пионеров, которым руководила Н. И. Сухостав, ставшая «крёстной матерью» для 160 актёров. С 1953 года учился в Школе-студии МХАТ и, когда О. Ефремов в 1959-м создал Студию молодых актёров (впоследствии преобразована в театр «Современник»), стал ведущим артистом, а в 1983 году по приглашению Олега Ефремова пришёл во МХАТ. В 2000 году Табаков возглавил Московский Художественный театр им. А. П. Чехова. Среди спектаклей с его участием выделяются «Голый король» Шварца, «Всегда в продаже» Аксёнова, «Обыкновенная история» Гончарова, «Ревизор» Гоголя, «В поисках радости» Розова, «Балалайки и К^о» Салтыкова-Щедрина, «Скамейка» Гельмана. Активно работал в сфере театральной режиссуры, в том числе начиная с 1976 года поставил более сорока спектаклей за рубежом (Великобритания, Венгрия, Финляндия, Германия, Дания, Австрия, США).

В кино Табаков с 1957 года, то есть одновременно с началом профессиональной деятельности в театре. В первых работах его герои – молодые правдолюбцы, не терпящие мещанства, лицемерия, компромиссов («Саша Комлев вступает в жизнь», «Люди на мосту», «Испы-

тательный срок», «Чистое небо», «Шумный день»). Эта линия была продолжена темой становления личности молодого человека, деятельно участвующего в жизни («Молодо-зелено», «Гори, гори, моя звезда»).

А далее последовала трудноисчислимая череда кинолент (в общей сложности свыше ста), в которых актёрский дар Табакова предстал в исключительном богатстве граней: «Живые и мёртвые», «Случай с Польшинным», «Сердце России», «Семнадцать мгновений весны», «Розыгрыш», «Открытая книга», «Полёты во сне и наяву», «Человек с бульвара Капуцинов», «Царская охота», «Ближний круг», «Ширли-мырли», «Что сказал покойник», «Президент и его внучка» и т. д. Отдельное место занимают экранизации литературной классики («Накануне», «Война и мир», «Выстрел», «Лев Гурыч Синичкин», «Каштанка», «Неоконченная пьеса для механического пианино»), в ряду которых крупнейшей работой стал фильм «Несколько дней из жизни И. И. Обломова».

Будучи актёром широкого творческого диапазона, сыграв в том числе на своём веку десятки как максималистов, так и приспособленцев, Табаков, с одной стороны, владеет всеми оттенками комедийного исполнительства (от лёгкой буффонады и добродушного шаржа до резкой пародийности и гротеска), а с другой – может проявить себя как мастер драматического подтекста, психологической точности и глубины характера. В любом случае этому всегда сопутствуют яркий артистизм, поразительная пластичность и органическая слитность с персонажем.

Олег Павлович издавна ведёт интенсивную и плодотворную педагогическую деятельность. Уже в 1974 году он организовал собственную студию (с 1992 года она именуется Театром под руководством О. Табакова), с 1986-го является ректором Школы-студии при МХАТ, а в 2008-м открыл Театральный колледж – уникальную школу-пансион для одарённых детей всей страны. К 80-летию выдающегося уроженца Саратова в нашем городе установлена памятная скульптура.

Олег Иванович Янковский (1944–2009 гг.) после окончания Саратовского театрального училища с 1967 по 1973 год работал в Театре драмы. Любопытные свидетельства оставил писатель Г. Горин. Отмечая, что Янковский играл людей прямых, жёстких, волевых, он квалифицировал их как *«волжские характеры»*. И относительно фильма «Тот самый Мюнхгаузен», сценаристом которого был Горин: *«Во время озвучивания фильма выяснилось, что великолепный на вид барон Карл Фридрих Иероним разговаривает с каким-то саратовским акцентом...»* Это не было лишним, когда актёр играл в памятной для саратовцев пьесе Симонова «Парень из нашего города».

Но вернёмся к театральной карьере Янковского. С 1973 года и до конца жизни он играет в Московском театре имени Ленинского комсомола (с 1990-го – Театр «Ленком»). Среди множества спектаклей, поставленных в основном чрезвычайно ценившим его М. Захаровым, в первую очередь обращали на себя внимание те, в которых Янковский предстал в совершенно неожиданном качестве. Так, в пьесе Шатрова «Синие кони на красной траве» он играл Ленина без грима, без привычной картавости, как человека усталого, больного и мучающего-

ся приближением конца жизни. В спектакле «Шут Балакирев» Горина Пётр Великий предстал натурой исключительно мощной, буйственного размаха, невероятной широты характера. Шекспировский Гамлет (постановка Г. Панфилова) оказывался не искателем истины и не притворяющимся безумцем, а холодным, трезво мыслящим аналитиком.

В кино Янковский пришёл в 1968 году с той ролью, которая сразу же сделала его знаменитым – Генрих Шварцкопф («Щит и меч»). Потом большой чередой прошли десятки фильмов, мы выделим среди них те, которые стали для него этапными. Его Волшебник («Обыкновенное чудо», 1976) обладает способностью творить чудеса, но при этом остаётся вполне реальным человеком – эгоистичным, властным, подчас даже жестоким, но в то же время мудрым. Его Мюнхгаузен («Тот самый Мюнхгаузен», 1979) – отнюдь не привычный для нас барон-враль, это умный, тонкий, ироничный и мужественный человек, не пасующий перед лицемерами и ханжами. Граф Пáлен («Бедный, бедный Павел», 2003) – маститый вельможа, зрелый государственный муж, который с опасностью для своей жизни ведёт сложнейшую политическую игру во имя спасения России от сумасбродства царя-безумца. Каренин («Анна Каренина», 2009) – человек большого ума и глубокого внутреннего понимания того, как и что должно быть в жизни, поэтому все акценты в фильме смещены в его сторону.

Конечно же, отдельного разговора заслуживают такие разноплановые ленты с участием Янковского, как «Служили два товарища», «Премия», «Мой ласковый и нежный зверь», «Ностальгия», «Дом, который построил Свифт», «Влюблён по собственному желанию», «Полёты во сне и наяву», «Храни меня, мой талисман», «Крейцера соната», «Убить дракона», «Цареубийца», «Роковые яйца», «Ревизор», «Царь». Но подытожим сказанное. Олегу Ивановичу был присущ поразительный дар в равной степени убедительно создавать диаметрально противоположные характеры: живые, неординарные и инертные, находящиеся на обочине жизни. Он мог быть лидером и аутсайдером, интеллигентом-аристократом и плейбоем, играл и цельных, мужественных людей, и людей мятущихся, не видящих цели в жизни, с изломанной судьбой.

Сильнейшим его достоинством была способность глубоко раскрыть неоднозначность, сложность, противоречивость образа, который он нередко строил на контрастном сочетании непосредственности и самоиронии, искренности и притворства, азарта и опустошённости. При всей свойственной ему сдержанности исполнительской манеры он умел наполнить своё существование на сцене и экране интригующей, заразной, красноречивой жизнью. Один из «секретов» этого умения М. Захаров видел в том, что *«у него необыкновенно выразительный взгляд. Ему вовсе не обязательно говорить слова, он умеет излучать нервную энергию, «сгорать», не двигаясь с места. Так, как умеет это делать он, пожалуй, никто другой не умеет».*

В Саратове с 2011 года на базе Театра драмы имени И. А. Слонова, где когда-то играл Олег Янковский, регулярно проводится Всероссийский театральный фестиваль его имени. В 2016 году возле этого театра открыт памятник выдающемуся актёру.

Александр Яковлевич Михайлов (род. в 1944 г.) после окончания Дальневосточного института искусств (Владивосток) долгое время работал в Саратовском драматическом театре, с 1985 года – в Малом театре. Наиболее примечательные сценические работы: Иоанн Грозный («Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого) и Дорн («Чайка» Чехова). В кино – с 1974 года, снялся в более

чем пятидесяти фильмах: «Это сильнее меня», «Приезжая», «Риск – благородное дело», «Похищение «Савойи», «Белый снег России», «Белый ворон», «Фронт в тылу врага», «Бешеные деньги», «Мужики!..», «Свидание», «Домой», «Одиноким предоставляется общежитие», «Отряд специального назначения», «Любовь и голуби», «Змеелов», «Победа» и другие. В 1992 году дебютировал как кинорежиссёр («Только не уходи...»). Многие его персонажи – люди нынешних дней. Александр Яковлевич, располагая внутренними и внешними данными романтического героя, вовсе не замыкается в этом ампула, а работает в разных жанрах.

Владимир Алексеевич Конкин (род. в 1951 г.), как в своё время и Олег Табаков, в школьные годы был участником Театра детского и юношеского творчества «Молодая гвардия» при Саратовском городском Дворце пионеров (руководитель Н. И. Сухостав). После окончания Саратовского театрального училища имени И. А. Слонова работал в различных театрах. С 1979 года – в Московском драматическом театре имени М. Н. Ермоловой, с успехом выступал в спектаклях «Казанский университет», «Батальоны просят огня», «Товарищи-граждане», «Старший сын». Первая же работа в кино («Как закалялась сталь», 1973) принесла начинающему актёру широкую известность. Владимир Алексеевич создал

яркий образ сильного, целеустремлённого молодого человека, преданного высоким идеалам. Его Корчагин отличался от прежних экранных образов романа Островского романтичностью, психологизмом и чувством современности.

В последующем были фильмы «Романс о влюблённых», «Марина», «Побег из дворца», «Аты-баты, шли солдаты», «Кавказская повесть», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Отцы и дети», «Исчадие ада», «Принцесса на бобах», «Романовы – венценосная семья», «Время жестоких», «Сармат» и др. Особенно запомнился зрителям Володя Шарапов в его тандеме-поединке с Жегловым – Владимиром Высоцким («Место встречи изменить нельзя», 1979).

Ведущие качества актёрского амплуа Конкина долгое время связывались в основном с приподнятой героикой в её сочетании с внутренним лиризмом и интеллигентностью облика. Позднее он не чуждался комедийных и острохарактерных красок.

Евгений Витальевич Миронов (род. в 1966 г.) – уроженец Саратова, но долгое время жил с родителями в военном городке Татищево-5 (ныне посёлок Светлый). После окончания Саратовского театрального училища имени И. А. Слонова (выпуск В. А. Ермаковой) совершенствовался в Школе-студии МХАТ (мастерская О. П. Табакова). Работал в Театрестудии под руководством Олега Табакова. С 2001 года активно сотрудничает с МХАТ имени А. П. Чехова, с 2006 года является художественным руководителем Государственного театра наций. В числе его выдающихся сценических работ – Гамлет, Хлестаков, Самозванец, Иван Карамазов, Орест, Треплев, Мышкин, Иудушка Головлёв, Ван Гог, Калигула.

В кино снимается с 1988 года: «Жена керосинщика», «Делай – раз!», «Перед рассветом», «Затерянный в Сибири», «Зверь ликующий», «Карпатское лето», «Любовь», «Анкор, ещё анкор!», «Лимита», «Как живёте, караси?», «Последняя суббота», «Мусульманин», «Ревизор», «Двадцать минут с ангелом», «Змеиный источник», «Мама», «В августе 1944-го», «Дневник его жены», «Идиот», «В круге первом», «Охота на пиранию», «Космос как предчувствие», «Побег» и др.

Это поистине универсальный актёр необычайно широкого диапазона, обладающий всеохватывающей палитрой эмоциональных и психологических красок. Его отличают чувство строгой меры и вкус к тщательной проработке всех деталей роли. Ныне это, возможно, самый востребованный из российских актёров. В титрах фильма «Идиот» его фамилия не случайно идёт отдельно – режиссёр Владимир Бортко и коллеги по исполнительскому составу называли его во время съёмок не иначе как *великий актёр*. Немецкий режиссёр Питер Штайн, поставивший с Евгением Мироновым спектакли «Гамлет» и «Орестея», охарактеризовал его игру лаконичной фразой: «Дальше – только космос...»

**Алексей
БОРЫЧЕВ**

МОТЫЛЬКОВЫЙ ТУМАН ПО РЕКЕ

И БЫЛ ЭТОТ ДЕНЬ...

И был этот день... и земля... и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По тёмным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней кисельно текущей сурьме
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял...

МОТЫЛЬКОВЫЙ ТУМАН ПО РЕКЕ

Мотыльковый туман по реке.
Облепили зарю мотыльки..
Там, за омутом, невдалеке,
Лиловатое сердце реки.

Тихо бьётся оно в глубине –
Родниковым пульсаром добра..
Милый друг, вспоминай обо мне,

-
- Алексей Леонтьевич Борычев родился в 1973 году в Москве. Автор восьми поэтических книг. Публиковался в журналах «Наш современник», «Юность», «Кольцо А», «Нева», «Аврора», «Сура», «Южная звезда», «Аргмак», «Волга–XXI век» и многих других. Живёт в Москве.

Если чёрная будет пора,
Если лезвия слов или снов
Искромсают судьбину твою...

...Помню, давней земною весной
Повстречал тебя в этом краю.

И вошла над рекою звезда.
Мы глядели с тобой на неё.
И – казалось – теперь навсегда
Будет сладким вином бытие!

Но звезда отняла у меня
И тебя, и мечты, и покой.
Вот иду я, печалью звеня,
Этой северной тихой рекой.

И везде ты мерещишься мне:
И в туманах, и на небесах,
В голубиной сквозной тишине,
И в лугах, и в полях, и в лесах.

И сияет звезда надо мной,
Что навеки тебя отняла,
Чтобы в сумрак небес ледяной
Окунуть, беспощадна и зла!

Я иду в камышах на зарю,
И порхают вокруг мотыльки...
Ах, вернись, я тебе подарю
Лиловатое сердце реки!

СЕВЕР

Распустилась незабудка
Расцветающего дня,
И не страшно и не жутко
В царстве снега и огня.

И теперь я вижу север,
Капли солнца на снегу.
Белых дней пушистый клевер
Собираю, как могу.
Слышу север, вижу север...
Север, я к тебе иду.
Зёрна будущего сею,
Рву былого резеду.
Вижу север. Север звонче
И желаний, и тревог.
Выстрел. Вой собаки гончей.
В небеса – сердец рывок.
Хрупкое рукопожатье
Замирающих времён.

На забытой снежной гати
Пламя гаснувших племён.
И живых огней движенье
В те места, где нет меня,
Где века идёт сраженье
Темноты, снегов, огня.
Слышу север, вижу север...
Север, я к тебе иду.
Зёрна будущего сею,
Рву бывшего резеду.

Север. Север. Север. Север...

КОГДА Б...

Так много мест чудесных. Я б пошёл
Туда, забыв о том, что было счастье.
Наверное, мне стало б хорошо,
Когда б не знал, что надо возвращаться.

Так много мест прекрасных. Я б поплыл
Туда, к бывому будто непричастный,
Но вряд ли, вряд ли мне хватило б сил,
Придя обратно, к ним не возвращаться.

Закат воспоминаньями объят,
Но ведь любой рассвет – лишь тень заката.
И в будущее я поверить рад,
Когда б прошедшим не было распято!

Болотные хилые ели.
Позёмка метёт и метёт...
И нету ни смысла, ни цели,
А лишь гололёд, гололёд...

Тропа ледяная лесная
Меж кочек болотных кружит.
Куда же ведёт? Я не знаю.
Опасны её виражи.

Сквозь снежное облако лучик
Процеживает высоту
И, снег зажигая летучий,
Роняет с небес красоту.

И в сине-лиловой истоме
На бархат полдневных минут,
Подобно сладчайшему стону,
Ложится февраль отдохнуть.

Сам весь розоватый и нежный,
Улыбчивый, юный такой,
Одетый в мерцающий снежный
Камзол, он проводит рукой

По ярко цветущему небу,
И солнце смеётся в ответ,
Играя тенями по снегу,
Меняя оттенки и цвет.

Лесная тропа зарастает
Фиалками лёгких снегов,
И бликов лучистые стаи
Танцуют восторг мотыльков.

Болото пульсирует ярко.
Иду по блестящей тропе.
Трясина мне кажется парком,
Где воздух весной пропет.

АПРЕЛЬСКИЙ ТРУБАЧ

Распахнуты окна. Апрельский трубач,
Сыграй нам берёзовый вечер,
Пока не ворвался полночный палач,
Печалью мой мир изувечив.

Пока не забился в агонии звук,
Сражённый ночной тишиною.
Сыграй, мой свидетель скорбей и разлук,
Ну что-нибудь звонко-лесное.

Сыграй, как смеётся, лепечет ручей,
Как солнечный день угасает,
Как время поёт у весны на плече
Оранжевыми голосами.

Сыграй рыжеватый апрельский снежок
И ржавое солнце заката,
Чтоб стало небесно, чтоб стало свежо,
Как было, как было когда-то...

Когда, лиловатые тени скрестив,
Две тёплые, тихие тени,
Просторы играли такой же мотив –
Далёкий, забытый, весенний!

Я слышу: играешь!.. Играй, дорогой!
Спешу, потому что осталась
До ночи холодной, до ночи густой
Такая ничтожная малость...

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

**Александр
ЛЕПЕЩЕНКО**

*Посвящается моему другу
Евгению Переверзеву*

Любовь – моя единственная идеология.

Габриель Гарсиа Маркес

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

Роман

...Мы смешны, легкомысленны, с дурными привычками, скучаем, смотреть не умеем, мы ведь все таковы, все, и вы, и я, и они!.. Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше: скорее простить можно друг другу, скорее и смириться; не всё же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства! Чтобы достичь совершенства, надо прежде много не понимать! А слишком скоро поймём, так, пожалуй, и не хорошо поймём.

(Ф. М. Достоевский. «Идиот»)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой друг Игорь Гулевич мог дважды досрочно преставиться, не исповедовавшись и не причастившись.

И это было так, как оно было.

-
- Александр Анатольевич Лепещенко родился в 1977 году. Окончил факультет журналистики Волгоградского государственного университета. Был главным редактором районных и городских газет – «Заволжье» и «Диалог». В настоящее время заместитель генерального директора издательства «Учитель» (г. Волгоград). Автор книги рассказов «Сороковой день». Публиковался в литературных журналах «Московский вестник», «Мегалит», «Отчий край». Номинант длинного списка Международной литературной премии имени И. А. Бунина (2013). Лауреат премии имени Виктора Канунникова, член Союза журналистов России, член правления Волгоградского областного отделения Союза журналистов России. Живёт в Волгограде.

В платиновом мареве умирал августовский день 1992 года. Яхта «Артистка» повстречала Гольфстрим, казавшийся единственным живым существом среди безмолвной Атлантики. Гулевич вахтовал: его кулаки червонили на штурвале, глаза цвета кваса блестели из-под «афганки». Яхта отмахивала с хорошим креном, как вдруг по правому борту, закрытому парусом, нахлобучился кит. Хозяин яхты, краснолицый и густобровый, Иосиф, пластавшийся второй день от высокого давления, вскочил с палубы и рыкнул вахтенному: «Заворачивай!»

Штурвал крутили вместе.

Дьявольское животное прошло рядом, струистая тень паруса играла по его спине. Взгляд был убийственно спокоен. Полуметровые ресницы напоминали оперение стрел, хвост – исполинскую палицу. Получи «Артистка» пятитонный удар, она не доиграла бы свою роль. Роль маленькой путешественницы.

Memento mori. Но что-то мешало помнить эту латынь. В памяти Гулевича жили и пережили молодость только зелёная бездна и белая яхта в абрикосовой мгле...

В другой раз дьявол принял бесхитростный облик егеря Эльтонского природного парка и открыл огонь по губернаторскому кортежу.

В сообщниках у стрелка была пустота бессолнечного дня. Машины неслись сквозь полосатый, пятнистый лес. Дождь превращался в пакостный ливень. По стёклам опускались полосы ртутью блестящей воды. Игорю Алексеевичу, находившемуся в машине сопровождения, пуля щекотнула висок.

Я познакомился с Гулевичем уже после всего этого. Словом, он успел погулять по свету, был и просоленным мореходом, и стреляной птицей.

– Вскочив в седло, надо взмахнуть плетью, а не сползть на землю... Вникли? – сказал он мне в первую же минуту нашего знакомства.

– Вы – татарин?

– Поговорка татарская, старинная, но я – русский. – Он рассмеялся и долго глядел на меня не отрываясь. Наконец произнёс: – Вы новый редактор «Волгоградских вестей», и вас зовут...

– Алексей Безруков, – сурово нахмурился в ответ я.

– Игорь Алексеевич Гулевич, – не смутился он.

Рукопожатие его оказалось очень основательным, очень крепким, но как бы вопросительным.

В нём чувствовалась сила. Спокойные движения, характерное покусывание губ и хищный судоплатовский взгляд.

Когда некоторое время спустя он сказал, что повсюду законом стала Яса Чингисхана, мне отчего-то вспомнился самый первый наш разговор. Я уже знал, что у этого глубоко идеалистичного человека было русское, чувственное восприятие мира. Он верил в соборного русского Бога, столь понятного всем. И это благодаря Тарковскому, его «Рублёву». Мне же нравился «Солярис», который сам режиссёр любил меньше всего. Сцену в библиотеке – о взаимоотношениях мужчины и женщины – я и теперь считаю шедевром.

А ваноговские шедевры? Красные виноградники в Арле и «Поле пшеницы под грозовым небом» не оставляли равнодушными ни меня, ни Гулевича. Кажется, именно поток яркой, сверкающей желтизны на полотнах Винсента Ван Гога завораживал Игоря Алексеевича. Он говорил, что жёлтый цвет не использовался в европейской живописи со времён Возрождения. Он вычитал у Ирвинга Стоуна, что «Винсент видел вокруг себя лишь тона старого золота, бронзы и меди, осенённые чуть поблёкшим от зноя, зеленовато-лазурным небом». Не сомневаюсь, Гулевич видел так же. Более того, сам начал писать.

Тюбики с жёлтой краской пустели один за другим, он увлечённо работал над портретом жены. Сходство получилось баснословное, и Алёна долго не могла привыкнуть к тому, что ей об этом все говорили. Знакомые называли Игоря художником, и это было приятно. Ведь он в один день, в один час стал громко знаменитым. Взяв масло и кисть лишь в сорок четыре, он сразу написал столь хороший портрет. Потом он нарисовал лошадь – этакий промельк из далёкого детства. Картина притягивала взгляд: полдень мрел над засаженной овсом пустыней, и жёлтая лошадь куда-то брела, понуро опустив голову. И, наконец, третья работа. Это был портрет матери ко дню её рождения, 16 апреля. Последний день рождения, который они встретили вместе...

Игорь Алексеевич всё замечал и всё видел.

Он рассказывал, что его покойная матушка очень любила цветущие подсолнухи. У подсолнухового поля они всегда останавливались. Мама просила: «Помолчим, послушаем, как оно гудит». И они слушали, как гудят пчёлы в жёлтом море.

– Вообще в нашей семье считалось, что я повторяю судьбу мамы. – Глаза Гулевича стали на мгновение агатовыми, он помедлил и сказал: – Это действительно так...

До самых сороковин он ощущал её незримое присутствие и дома, и в церкви. Неопределённый и как бы обморочный фон угнетал его. Всё слилось: лица друзей и знакомых, утешительные слова и поминки. Игорь Алексеевич не скрывал, что тяжелее в его жизни не было дней.

Исцелила дорога.

Мы поехали в Приэльтонье, где доживали последние дни старые фермы и чабанские точки.

С утра шоссе было чёрным, но к полудню уже переливчато блестяло, и каждый встречный автомобиль менял, как мираж, свой контур. Всё чаще появлялись в степи пучки полыни. Мы видели загадочные очертания жёлтых курганов. Отдалённые холмы. Близкие холмы. Ещё холмы: ярко-жёлтые красавцы с пышным белым ковром ковыля у подножия.

К тому времени, когда лето подкрасило холмы жёлтыми мазками, мы уже бесповоротно влюбились в степь. Впрочем, мы ездили в командировку не окрестности созерцать. Накануне выборов Гулевич анализировал «то и это». Я тоже делал свою работу: страницы блокнота заполняли петлистые, слегка детские буквы, какими меня учили писать в средней школе в Николаевске.

...Думаю, и у дьявола не хватило бы фантазии на то, что с нами случилось вскоре.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Во времена Священного правителя – покорителя вселенной Чингисхана – за провинность следовало наказание. Наказание было одно и немедленное: удар палицей по темени. Но сейчас не средневековье и не 1990-е. Сейчас нужно опасаться людей простых.

Об этом, но другими словами говорил когда-то и Достоевский:

«Там все люди простые», – говорят мне в ободрение. Да простого человека я боюсь более, чем сложного...»

Страх вышедшего из каторги заключенника вполне объясним.

В письме к брату он описал весь трагизм острожного бытия: «С каторжным народом я познакомился ещё в Тобольске и здесь, в Омске, расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздражённый и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений. «Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал» – вот тема, которая разыгрывалась четыре года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать...»

А ведь и положение Раскольников на каторге имеет автобиографический подтекст...

...Дом спал, укрытый дымчатой синевой. Светился экран ноутбука.

Я смахнул мошку с подлокотника кроваво-красного кожаного кресла и снова занялся правкой.

Книга очеркивалась: я работал над исследованием о редакторе «Времени», «Эпохи» и «Гражданина».

И в работе этой помогали воспоминания о Достоевском.

Вот годы учёбы.

«...Фёдор Михайлович был очень худощав; цвет лица был у него какой-то бледный, серый, волосы светлые и редкие, глаза впалые, но взгляд – пронизательный и глубокий. Во всём училище не было воспитанника, который бы так мало подходил к военной выправке, как Ф.М. Достоевский. Движения его были угловатые и вместе с тем порывистые. Мундир сидел неловко, а ранец, кивер, ружьё – всё это на нём казалось какими-то веригами, которые временно он обязан был носить и которые его тяготили».

Скрашивали службу лишь занятия литературой и редактирование газеты «Ревельский сняток», издававшейся при Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге в годы обучения Фёдора Михайловича.

А это уже каторга.

«...Сознание безысходной, тяжёлой своей доли как будто окаменело его. Он был неповоротлив, малоподвижен и молчалив. Его бледное, испитое, землистое лицо, испещрённое тёмно-красными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых, коротких ответов по делу или по службе. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперёд и глаза опускал в землю. Каторга его не любила, но признавала нравственный его авторитет; мрачно, не без ненависти к превосходству смотрела на него и молча сторонилась».

В 1854 году ссыльнокаторжный петрашевец, отбывший полный срок своего заточения, был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Арестантскую робу с жёлтым тузом на спине сменила солдатская шинель.

В свои тридцать три он мог бы сказать, что «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» И хотя до полного освобождения ещё далеко, но Достоевский живёт «со счастьем и надеждой». Ведь он наконец-то любит. «По крайней мере, жил, хоть и страдал, да жил!» – говорит он.

В годы каторги и солдатчины рядом с ним только большие беды, слабо разнообразяемые меньшими бедами. Впрочем, тень беды и утраты будет следовать за Достоевским и потом.

Угаснет от чахотки первая жена.

Утрудит сердце брат.

Пока же всё только начинается...

Фёдор Михайлович возобновляет литературную деятельность, прерванную более чем на десять лет его ссылкой. В сентябре 1860 года он сообщает Милюкову: «Приступаю к писанию и не знаю ещё, что будет, но решаюсь работать, не разгибая шеи».

И Достоевский действительно работает так, словно не покидал Омский острог. Плюёт на обижательство. Дразнит литературных гусей, считая, что «гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий».

Фактически это он редактирует «Время».

«Фёдор Михайлович, конечно, желал бы быть и объявить себя прямым редактором журнала, – вспоминал Страхов, – но он тогда состоял под надзором полиции, почему и потом не мог быть утверждён редактором «Эпохи».

Только в 1873 году это препятствие было устранено, и он был официально объявлен редактором «Гражданина»...

Невозможно было «смелее жечь свои корабли», чем Достоевский. Пришло его время».

...На фоне тёмного глянца ноутбука кожа моих рук была рисовой.

Я поднялся из кресла, казавшегося в свете торшера невозможно-гранатовым, подошёл к окну и раздвинул шторы.

Майские жуки летели из чёрного мрака в пытливый свет фар свернувшей к дому машины.

Минуты через две или три послышался тревожный стук в дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Почему сейчас приехали, договаривались ведь на утро? – спросил я незваных гостей.

– На пороге обсуждать не будем, давайте в дом! – сказал высокий человек в сером твидовом костюме.

Мой взгляд наткнулся на маленькие круглые глаза мыши. Эти глаза, покраснев, вгрызлись в меня тотчас.

Гости прошли в гостиную; один по-хозяйски сел к столу, другой стоял передо мной. Низенького роста, азиатские черты лица, дублённая кожа. Правую руку он прятал за спину, левой держал портфель, распухший от бумаг. Это был человек тихий, с вялыми движениями. И вправду казалось, что его только что вынули из петли.

– Не задавайте лишних вопросов, Безруков... Не делайте так, как вы обычно делаете. Эта черта – отвратительна. Слышите? И познакомьтесь наконец с нашим кандидатом, – напал на меня с притворной улыбкой человек в твидовом костюме.

Мышиные волосы и бегающие глаза этого молодого негодяя меня раздражали. Раздражал и представившийся Петром Андреевичем Гринёвым новый знакомец. Он молчал, вперив в меня взгляд, улыбающийся и виноватый.

– Ба, сам Гринёв! – передразнил я. – Ладно, Гринёв, служи верно кому присягнёшь... И помни, брат, пословицу: береги платье снову, а честь – смолоду...

– Не паясничайте, Безруков!

– Иногда становишься паяцем, и не желая этого... Сажин, не будете же вы убеждать меня в том, что не приготовили для избирателей верёвку и всё такое?

– Господи, какую верёвку? Мы технического кандидата выставляем...

– А Гулевич знает?

– С ним это не обговаривалось...

– Чего ещё он не знает?

– Не знает об издании липового приложения «Человек и закон».

– Чёрт возьми, это всё, что вы приготовили?

– Не чертыхайтесь! Надо будет, мы и юридическую войну начнём... Снимем с дистанции любого. В общем, обойдёмся без Гулевича. Нам не нужны ни его советы, ни его чистоплюйство.

– Это почему же?

– Потому что наш закон – Прицыкина... Скажите, что вас, собственно, удивляет?

– Ничего не удивляет. Вы действительно оправдываете свою фамилию... Вы всё мажете сажей...

– Ну, не смешите!

– А вы не смейтесь, Евгений Борисыч... Есть одна старинная легенда... Сбросили новгородцы идол Перуна в Волхов, а он, проплывая мимо моста, кинул на мост палицу... Бросил, значит, и выкрикнул: «Вот вам от меня на память!» И с тех пор сходились новгородцы с палками на мосту в урочное время... и бились люто, насмерть.

– Высоким слогом всё можно опошлить, – окрысился вдруг Сажин. – Ещё этот ваш Достоевский говорил...

– Вот и не опошляйте!

– Вы это всё к чему?

– Да к тому, что впали в морок мы под Перуновым заклатьем... Только вот не мост через Волхов его арена.

– Неужели?.. А что же?

– Вся Россия... Да, вся Россия, оказавшаяся на распутье.

– И вы, конечно, витязь...

– Может, да, а может, и нет. А вот вы ради светлого будущего, пожалуй, и ближнего задушите...

– Вас послушать, так и зло предсказуемо, и добро парадоксально, – вновь притворно улыбнулся Сажин. – Оставьте, оставьте эти свои яркие и удачные формулировки. Мы должны объединить усилия, чтобы выиграть избирательную кампанию. В конце концов, сам Александр Иванович просил об этом...

– К тому же выборы – это ведь своего рода... Как бы это сказать?.. Х-м, это – война, – уставился на меня бесцветными глазками Гринёв.

Он впервые вмешался в спор, который начался даже не этой ночью. Он начался с того момента, когда мы с Сажиним окончательно разошлись во взглядах. Он невзлюбил меня, я – его.

Гости нахохлились. Они бы клюнули меня, будь у них клювы.

– Чё лбищи напружили? Чёрт с вами, воюйте-побеждайте! – прервал я наконец грозное молчание.

Я чувствовал, что устал не от веса идей, а от самодовольства одного и глупости другого.

– Теперь повоюем! – крикнул по-птичьему Евгений Борисович.

Он налил виски в стаканы, подал мне и Гринёву.

Мы выпили не чокаясь.

– Закрепим? – потянулся за бутылкой новоиспечённый кандидат. Лицо его было пунцовым, как дракон на древних китайских знаменах. – Виски – всё равно что Перуново вино, х-м... да...

– Хватит, хватит! – запротестовал Сажин. – Нам пора уезжать.

Гринёв как-то сразу скис и, поглядывая на короткошею бутылку «Уайт Хорса», покорно побрёл к выходу. Впрочем, вскоре он вернулся за своим портфелем.

Когда мы наконец остались одни, Евгений Борисович, застёгивая на пуговицы твидовый костюм и обращаясь не ко мне, а в сторону, как артист со сцены, сказал:

– Нельзя, нельзя ему пить, а то сорвётся.

...Гости укатили.

Прищуриив дымчатые глаза, я встретился с собою в зеркале.

Плеснул немного виски в стакан и угнездился на стуле.

Вспомнились слова политтехнолога Сажина и китайского болванчика Гринёва о предстоящих выборах, о страшном древнем боге войны Сульдэ.

«Противно... Цеповяз слушает Сажина, сыплющего речами, как горохом из мешка... Разве Александр Иванович подчинился среде? Разве не среда зависит от человека? Как там говорится? Были бы братья – будет и братство...»

Стакан опустел.

«Гринёв, Сажин – братья... братья-иезуиты... Да и Цеповяз тоже... Нет, такого братства я не желаю... Завтра утром положу заявление об уходе... До выборов есть время, пусть Цеповяз с Прицыкиной назначают другого редактора».

Я решился. Это была решимость смешного человека. Потом снова принялся за роман.

Работал, пока ночь не легла, а день не встал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В сентябре 1860 года главные газеты империи поместили объявление об издании «Времени». Объявление это было написано Достоевским и представляло изложение самых важных пунктов тогдашнего образа мыслей Фёдора Михайловича, поэтому я включил его текст в книгу.

«С января 1861 года будет издаваться «Время» – журнал литературный и политический – ежемесячно, книгами от 25 до 30 листов.

Прежде чем мы приступим к объяснению, почему именно мы считаем нужным основать новый публичный орган в нашей литературе, скажем несколько слов о том, как мы понимаем наше время и именно настоящий момент нашей общественной жизни. Это послужит и к уяснению духа и направления нашего журнала.

Мы живём в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем исключительно указывать для доказательства нашего мнения на те новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные всею мыслящею его частью в последние годы. Не станем указывать и на великий крестьянский вопрос, начавшийся в наше время... Всё это только явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться мирно и согласно во всём нашем отечестве, хотя он и равносителен по значению своему всем важнейшим событиям нашей истории и даже самой реформе Петра. Этот переворот есть слитие образованности и её представитель с началом народным <...>

Мы высказали только главную передовую мысль нашего журнала, намекнули на характер, на дух его будущей деятельности. Но мы имеем и другую причину, побудившую нас основать новый независимый литературный орган. Мы давно уже заметили, что в нашей журналистике в последние годы развилась какая-то особенная добровольная зависимость, подначальность литературным авторитетам. Разуме-

ется, мы не обвиняем нашу журналистику в корысти, в продажности <...> Но заметим, однако же, что можно продавать свои убеждения и не за деньги. Можно продать себя, например, от излишнего врождённого подобострастия или из-за страха прослыть глупцом за несогласие с литературными авторитетами. Золотая посредственность иногда даже бескорыстно трепещет перед мнениями, установленными столпами литературы, особенно если эти мнения смело, дерзко, нахально высказаны. Иногда только эта нахальность и дерзость доставляют звание столпа и авторитета писателю неглупому, умеющему воспользоваться обстоятельствами, а вместе с тем доставляют столпу чрезвычайное, хотя и временное влияние на массу. Посредственность, со своей стороны, почти всегда бывает крайне пуглива, несмотря на видимую заносчивость, и охотно подчиняется. Пугливость же порождает литературное рабство, а в литературе не должно быть рабства <...>

Критика пошлеет и мельчает. В иных изданиях совершенно обходят иных писателей, боясь проговорить о них. Спорят для верха в споре, а не для истины. Грошовый скептицизм, вредный своим влиянием на большинство, с успехом прикрывает бездарность и употребляется в дело для привлечения подписчиков. Строгое слово искреннего глубокого убеждения слышится всё реже и реже. Наконец, спекулятивный дух, распространяющийся в литературе, обращает иные периодические издания в дело преимущественно коммерческое, литература же и польза её отодвигаются на задний план, а иногда о ней и не мыслится.

Мы решили основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов, — несмотря на наше уважение к ним, — с полным и самым смелым обличением всех литературных странностей нашего времени. Обличение это мы предпримем из глубочайшего уважения к русской литературе <...> Журнал наш поставляет себе неизменным правилом говорить прямо своё мнение о всяком литературном и честном труде. Громкое имя, подписанное под ним, обязывает суд быть только строже к нему, и журнал наш никогда не низойдёт до общепринятой теперь уловки — наговорить известному писателю десять напыщенных комплиментов, чтобы иметь право сделать ему одно не совсем лестное замечание. Похвала всегда целомудренна; одна лесть пахнет лакейской...»

Стремительность мыслей Достоевского увлекала.

Объявление об издании «Времени» было старательно обработано Фёдором Михайловичем и содержало мысли, характеризующие всю его дальнейшую деятельность. И общей чертой её была попытка закончить распрю между западной и русской идеями.

Эта черта составляла сущность того электрического действия, которое произвела речь Достоевского на Пушкинском празднике... Она же характеризовала его романы и «Дневник»... Конечно, я ещё должен буду это развить...

— Алёша, ставь-ка точку, будем завтракать, — заглянула ко мне в кабинет жена.

– Да, моя поцелуйщица, ставлю...

В доме пахло булочками и молоком. Я почувствовал, как сильно проголодался. В гостиной опустился в кресло-качалку. Дышали, блестя занавески на открытом окне. Ветер трогал мою кожу влажными устами. Впрочем, для полного удовольствия не хватало свежего номера «Известий». Сегодня газеты не было, а вот у Марины вопросы были.

– Гостей принимал? – спросила она, улыбаясь и поправляя зелёный шёлковый халатик.

– Ага, речистого Сажина с пиар-проектом.

– Поссорились?

– Я бы сказал, побратались. – Не допив молоко, я поставил стакан на стол.

– Что с тобой, милый? Ты расстроен?

– Ухожу из газеты... Я решил...

– И правильно! Посмотри, как ты поседел... на старика похож.

– Неужели ты только теперь заметила, я давно поседел...

– Нет, конечно... я и раньше замечала... Но ты же не слушаешь...

– Да, не слушаю, прости... Знаешь, пересматривал как-то «Сталкера»... И вот запомнилось... Запомнилось, что один герой говорил: «В средние века было интересно: в каждом доме жил домовый, в каждой церкви – Бог. Люди были молоды, а теперь каждый четвёртый – старик».

– Не грусти, не грусти, мой старик... Всё только ещё начинается...

Оброненные женой в трудные минуты жизни слова попадались мне потом в книгах, которых сама она никогда не читала.

Вот и сегодня, открыв наугад книгу, нашёл:

«В один из последних дней 1880 года Достоевский заехал к своему старинному приятелю Алексею Николаевичу Плещееву: завёз долг двадцатилетней давности. «Вот ещё 150 р., – пишет он в адресованной поэту записке, – всё-таки за мной остаётся хвостик. Но отдам как-нибудь в ближайшем будущем, когда разбогатею. А теперь ещё пока только леплюсь. Всё только ещё начинается».

– Ведь и верно: всё только ещё начинается...

К чёрному костюму я подобрал красный галстук вызывающе яркого оттенка. Это был своего рода символ. В общем, приготовился к непростому разговору с Цеповязом.

«Ну, а теперь к джэхангиру... Помогите мне, мой русский Бог!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

В памяти Гулевича уже лет двадцать жили зелёная бездна и белая яхта в абрикосовой мгле.

Когда мы стали друзьями и общение более не ограничивалось работой, Игорь Алексеевич рассказал мне о человеке, на яхте которого он прошёл шесть морей и один океан. Это был Иосиф из Урфы.

В 1915 году младотурецкие головорезы заживо сожгли сотни армян в урфинской церкви Святой Богородицы. Отец Иосифа Овсеп Иосифян, спасаясь, эмигрировал с семьёй в Аргентину. Полвека назад, задолго до своей смерти, он увидел в одном армянском журнале изображение креста на церкви Святой Богородицы и заказал у художника-литейщика точную копию. Впоследствии эта реликвия сыграла важную роль.

Бронзовый крест с узорами армянского хачкара был передан Иосифом писателю и путешественнику Зорию Балаяну, и тот потерял покой. В его книге, подаренной мне Гулевичем, прочитал: «Часто вспоминал, как во время плавания на парусной яхте «Киликия» по семи морям вокруг Европы возникла идея установить крест на европейском берегу пролива Гибралтар. Армянский мировой Спюрк образовался задолго до самолётостроения.

Первые армяне появились в Северной Америке ещё до образования США, в самом начале 17 века. Туда и во многие другие страны до середины 20 века они добирались, естественно, на различных судах. Так что Гибралтар был очень символичен для установки памятного креста. Но увы!

Однако идея сохранилась, тем более что сопроводительный текст, без которого невозможно понять суть задуманного, заготовлен был давно. Чуть ли не с детства...»

И всё-таки Зорий Балаян установил крест. Было это на острове Горн.

«Во сне видел Фёдора Конюхова, – писал Балаян, – в жизни его не видел. Много раз говорили по телефону. Он нас поздравил с окончанием первого плавания на «Киликии». Считаю его великим путешественником, и не только мореплавателем. И ничуть не удивился, когда в апреле 2010 года узнал, что он организовал специальную экспедицию, которую благословил Патриарх Всея Руси Кирилл, и установил в часовне на острове Горн православный крест в память о погибших моряках. Это был счастливый для меня день. Конюхов показал, что можно. И это вдохновило нас».

Сам Гулевич впервые узнал о мысе Горн в четырнадцать-пятнадцать лет. Кажется, из Жюль Верна. По крайней мере, Игорь долго помнил ту библиотечную, зачитанную до дыр книгу. Повзрослев, читал он об этом мысе и у Балаяна: «...в 60-х весь мир с волнением следил за беспримерными «кругосветками» англичанина сэра Френсиса Чичестера. Тогда все говорили о «дурной славе», «печально известной», «трагически популярной» географической точке на самом юге земного шара. Всегда помнил о координатах: 55 градусов 59 минут южной широты и 67 градусов 16 минут западной долготы. И место это называли то кладбищем десятков тысяч моряков, то последним пристанищем восьми сотен кораблей, из коих около двухсот – большие и известные. Чаще всего погибали, когда шли с востока на запад, то есть против природного течения и пассатных ветров, и это при том что около 300 дней в году здесь бывает беспокойно. Именно поэтому все кругосветные гонки проводятся так, чтобы яхты шли с запада на восток. Мы же были вынуждены идти с востока на запад».

Семейная реликвия Иосифа – бронзовый крест – появилась на острове Горн именно благодаря Балаяну. «У знаменитого острова, – вспоминал Зорий Балаян, – нет, естественно, никакого причала. Значит, суда не могут подходить к нему. Только стоять на якоре. И на лодке с мотором или вёслами добираться до крутого, бугристого от аморфных базальтовых валунов берега.

Поднялись по крутому берегу на пологую вершину. Первое, на что я обратил внимание, – это океан. Сразу пришла в голову мысль, которую можно было сравнить с Архимедовой «эврикой». Редчайший случай, неповторимое мгновение. Одним взглядом, одним взором смотришь и одновременно видишь два океана. Ведь именно там, за мысом, проходит та самая условная линия, которая не то отделяет, не то объединяет Атлантический и Тихий океаны...

Остров Горн.

Ветер дует со всех сторон, но в основном с северо-запада, морозный, валит с ног, заставляя передвигаться согнувшись в три погибели. Тропа, мощённая досками, вела к маленькому храму. Деревянный дом, рубленный из дуба. Напоминает добрую рязанскую хату. Божий домик. Внутри очень мало света. Присмотрелись. На противоположной стене слева я увидел, чувствовалось, тяжёлый православный крест. Это – Фёдор Конюхов и его экипаж из девяти человек. На другой стороне мы укрепили наш бронзовый крест в 45 сантиметров с узорами, напоминающими элементы традиционных армянских хачкаров. И вдруг наступила какая-то сплошная тишина. В теле не то слабость, не то покой. Может, это и есть осознание счастья. И всё-таки сделали! Смогли!»

Смог и мой друг добавить к портрету Иосифа важный штрих.

Иосиф часто вспоминал разговор с отцом о жертвах на войне, и не только на войне. Сын не очень понимал, о чём это он. И вдруг отец сказал нечто такое, что десятилетний мальчик понял. Хотя там были такие слова, как «жертва», как «святые», как «невинный». Очень тяжёлые для детского уха. Отец сказал: «Если хотят спасти мир, то надо, невзирая на цвет кожи и национальность, причислить все невинные жертвы к лику святых».

– Мысль отца проникла в него, – сказал Гулевич. – Вникните!.. Только объединив всех невинных жертв, объединишь и тех, кому они дороги...

– Видимо, да, – согласился я. – Ну, а как Иосиф оказался в Волгограде?

– Судьба поворожила... Учился здесь, женился на однокурснице да и оторвался от Аргентины. Когда мы познакомились, ему было около сорока пяти. На его «Артистке» мы прошли через Атлантику...

– Вы с ним видитесь?

– Нет, ни разу не виделись... Говорят, был обвинён в двойном убийстве... Где он и что с ним теперь, я, к сожалению, не знаю...

– Никаких ниточек не осталось?

– Ниточек?.. Не знаю... Впрочем, у него есть братья. Мушег выбился в миллионщики, владеет рестораном в Волгограде. Самвел выступал на профессиональном ринге. Помнится, у него был хороший левый джеб...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Почему всё так?.. Почему направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь... – спросил я Игоря Алексеевича за час до моей встречи с Цеповязом.

– А почему драконы всегда питаются красавицами? – ответил он вопросом на вопрос.

– Драконы же – не вегетарианцы! – взвился я.

– Да не горячитесь... Понимаете, Алексей Николаич, в жизни, как и в сказках...

– Это как?

– А так... Самый трудный путь оказывается и самым выгодным.

– Вы считаете?

– Считаю... В жизни ведь не всегда «упал – отжался», «посеял – получил»... Вникните... Не всё, что вы посеяли, ожидая немедленного результата, всходит.

– А по-вашему, всё что ни делается, то к лучшему?

– Ну посудите сами, с Сажиным вы общего языка так и не нашли... Плохо? Вроде бы плохо. Но два года работы в ежедневной общественно-политической газете – это хорошо, это опыт...

– Семнадцать мгновений...

– ?!

– Столько месяцев я руководил этой газетой.

– Понятно... Но идём дальше... Пункт раз: опыт – всегда ценен. Пункт два: Сажин этого никогда не поймёт. У него, как говорится, несколько ртов: эстетический, социологический – и всеми он чавкает...

– Ну а Прицькина?

– Самолюбива, казённая книжка с либеральными правилами... Сколько её знаю, она всегда выбирала должности по вкусу, точно груши.

– Сажин называет её нашим законом...

– Это их закон, их, но не наш... вникните... И знаете что?

– Пока не знаю.

– Езжайте на вашу встречу. Объяснитесь с Цеповязом, а вечером предлагаю посидеть, выпить... Как вы на это смотрите?

– Положительно смотрю.

...Казалось, что к Гулевичу еду не я один – джип с затонированными стёклами маячил в зеркале заднего вида. Но потом «Лэнд крузер» свернул в подворотню, и я забыл о нём.

Пустынность придавала улице некую угрюмую ширь; сделав поворот, она уверенно текла вниз с достоинством спокойной реки. Кругом тишина, однако неподвижные дома хранили особое молчание, на их красных стенах, увитых кое-где виноградом, зияли чёрные провалы многочисленных окон.

Дом моего друга – большой и спящий. Он тоже из красного кирпича и тоже увит виноградом.

Пока дверь отворялась, я огляделся: игривая элегантность тополей, тамариск, можжевельник – в саду перед домом царил порядок.

«Здесь веранда... Гостиная... – Показывал апартаменты хозяин. – Спальня... ещё спальня... Мой кабинет...»

Мы расположились на большой кухне, в задней части дома. Гулевич достал бутылку «Бэллса» из холодильника, убавил огонь на плите, заправил рис куркумой, имбирём и мускатным орехом. Расставил тарелки, разложил вилки и ножи.

Наконец всё было готово. Игорь Алексеевич поставил на стол большое блюдо с варёным рисом, изюмом и кусками жареной курицы. Я налил виски в стаканы.

– Будем, что ли!

– Давайте, Алексей Николаич!

Виски было холодное, я плеснул ещё немного.

– Вот лёд наколол... Вам нужен?

– Нет, спасибо... Давайте, чтобы не было синдрома недоёной коровы... – Я поднял стакан и подцепил вилкой дольку лимона.

– Прекрасный тост, прекрасный! Я бы добавил: и синдрома загнанной лошади...

– Идёт! – повеселел я. – Закурю, вы не против?

– Валяйте!

Трубка с янтарным мундштуком.

Вспышка спички, сливовый аромат голландского табака. И вот струйка дыма выюркнула в приоткрытое окно.

Ветер ударил в створу, звякнув стеклом.

Небо заволакивало злыми тучами.

Хлопал гром.

Ирисы в саду фиолетово чернели.

Выкрепло сознание близкой беды...

– Ну хорошо... А что дальше? Объяснились с Цеповязом? – Большие волосистые кулаки Гулевича покоились на столе.

– А, всё к чёрту!

– Да что к чёрту? Что? Расскажите толком!

– С глазу на глаз поговорить с ним не получилось.

– И что помешало?

– Не что, а кто... Прицыкина цыкала-выкала... Сажин тоже, а Цеповяз вообще на час опоздал...

– Ну а вы?

– Держался, конечно... Только вышло дрянцо... – Я выбил пепел из трубки и положил её в карман пиджака. – Сказал, в общем... Ну, что служить бы рад, да прислуживаться тошно... Знаете, Александр Иванович ни слова не проронил... может, в спор боялся вступить...

– И такое может быть. С вами как спорить, так легче в грязи поваляться да помыться... Нет, вам этого не простят! К тому же вы знаете то, что другие знать не должны. Вникли?

– Ещё бы! Уже и заявление написал.

– Боюсь, это не поможет... Э-э, ладно, наливайте! Наливайте больше! – скомандовал Гулевич.

Глаза цвета кваса потемнели, мне показалось, что он хочет сказать что-то важное. И он действительно высказался.

– Алексей Николаич, это всё суета... И эта газета, и Цеповяз, и Прицыкина... Вы же писатель, вот и пишете, пишете ради Бога! Конечно, вам тяжело... Нужно бы облегчить душу... Знаете, чтобы попасть на свою первую настоящую исповедь, мне пришлось лезть тайком через ограду монастыря: старец Оптиной пустыни отец Илий болел и никого не принимал. Но тут встал с постели и вышел к паломнику... Словом, эта встреча перевернула меня... Он говорил так, как если бы был грешнее меня в тысячу раз и в тысячу раз более меня сомневался... Да, впервые я общался со священником, который, это было видно, переживает за весь мир и за весь мир молится. Этот разговор стал для меня одним из самых значимых в жизни. Думаю, и вам нужно исповедоваться. И тогда появится ощущение Света вокруг. Тогда только и сможете писать. Вникните!

– Я понял вас, понял... Я схожу в храм... Эх, у меня такое чувство, как будто я что-то забыл... и не могу вспомнить... И это что-то очень болит... Что это?

– Это ваша совесть.

...Дождь оборвался.

Воздух был чист и свеж, каждый звук в нём слышался особенно отчётливо.

Машину я оставил у друга и пошёл домой.

Фонари не горели, в конце улицы подвывала собака. Рассерженно блестели молнии. В скупых отсветах вырисовывались джип и какие-то люди. Люди обступили меня, свалили с ног. Заработали битами. Били люто, насмерть...

И вдруг, как жёлтая рана, – зарница.

Залитые кровью Перуновы очи.

Темнота.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

– Ты обо мне помнил? – спросила жена.

– Помнил... Но только когда мне было плохо, – ответил я.

– Бертон, а вы видели солнце? – бесцеремонно вмешался в наш разговор человек с голубыми глазами и чёрной бородой. – Расскажите подробно, вспомните всё!

– Солнца я не видел... Но в его направлении туман светился красным... Через полчаса мне удалось выскочить на открытое пространство, оно было почти круглое, диаметром несколько сот метров. В этот момент я заметил перемену в состоянии океана. Волны совсем исчезли, и поверхность стала почти прозрачной, с замутнениями. Под ней собирался жёлтый ил. Он тонкими полосами поднимался вверх. И, когда всплывал, блестел как стеклянный. Потом начинал бурлить, пениться и затвердевать. Он был похож на пригоревший сахарный сироп... Эта слизь, или ил, собиралась в большие комки и постепенно формировала разные фигуры... Но вот меня стало затягивать к стене тумана. Мне некоторое время пришлось бороться с этим движени-

ем. Когда я снова посмотрел вниз, то увидел что-то, что напоминало сад... Я видел карликовые деревья, живые изгороди, акации, дорожки. Всё это было из той же субстанции... Всё это было как из гипса, только в натуральную величину... Потом всё начало трескаться, ломаться. Из расщелин выдавливался жёлтый ил. Всё начало бурлить и покрылось пеной...

– Бертон... Пилот Бертон, вы меня слышите? Вам плохо? – спросил бородач.

– Жарко... Очень жарко... Я увидел какую-то фигуру... Фигура слегка приподнялась, как будто она плыла или стояла по пояс в воде. Этот человек – он был без комбинезона и двигался... Это был ребёнок. Я заметил в нём что-то нехорошее... Я не сразу понял, что это. А потом понял, что он был необыкновенно большой, гигантский... Это ещё слабо сказано, он... он был ростом метра четыре... Он был голый, абсолютно голый, как новорождённый... и мокрый, вернее, скользкий. Кожа у него блестела, он поднимался на волне – вверх, вниз, и независимо от этого он двигался. Это было омерзительно... По голосу я понял, что это девочка. Она пела песню... Сейчас попробую вспомнить... «Пеперуда летяла, над вода се и мятала, и се Богу молила: дай ми, Боже, дребен дъжд...»

– Бертон, вы случайно не язычник? – нахмурился голубоглазый человек с чёрной бородой. – Какова ваша идеология?

– Любовь... Любовь – моя единственная идеология! – выкрикнул я.

– Тише, не кричите! Знаете, а ведь это какая-то Достоевщина...

– Что вам от меня надо? – прошептал я.

Мне было трудно дышать, горло пересохло, на лбу выступил пот.

– Уходите, слышите? – сказала моя жена бородачу. – Вы же понимаете, он больше не может говорить!

– Да, понимаю... Крик души никогда не остаётся без ответа... Пусть ваш муж поспит, пока идёт дождь...

– Разве идёт дождь? – переспросила Марина.

– Он же не видел солнца. Так пусть увидит дождь.

...Ветер поднимал океанскую воду чуть ли не с самого дна и тёмными глыбами обрушивал на скалы. И над головой всё было в безумном движении, истерзанные тучи неслись по небу под свист, шипение и вой ветра. Вдалеке простонал гром, одна за другой упали первые капли дождя на палубу яхты. «Артистка» увернулась от водяной глыбы и, словно незваная гостья, не уверенная, что ей будут рады на острове Горн, двинулась к нему.

Остров встретил нас недружелюбно.

Мы подходили к нему четыре часа. Никогда не было такого, чтобы на коротком участке приходилось более ста раз менять галс. И всё это, чтобы стать под углом к встречному ветру. Дождь заливал палубу. Темнело. Порою в разрыве между мчавшимися тучами мерцала дрожащая от стужи бледная звезда.

Бросили якорь.

Поднялись по крутому берегу на пологую вершину.

Над островом высилась ель, на иглы которой и накололась та самая звезда. Я вгляделся в океан: кругом пустота. Было в этой бескрайней пустоте нечто жуткое.

Неожиданно перед нами мелькнул силуэт ребёнка. Это была девочка. Она пела песню, но слов нельзя было разобрать из-за ветра. Мы едва успевали идти за нею. Вскоре девочка оказалась перед воротами, вставила ключ в замок. Ворота отворились. Тропинка сделалась от дождя скользкой. Я упал. Иосиф помог мне подняться, но я снова упал. И вдруг с дождевым потоком я сорвался вниз, к подножию острова.

– Держись, Бертон! – крикнул Иосиф.

Но я ничего не мог поделать. Я падал, оглохнув от ветра и ударов о базальтовые валуны. Берег окутал туман, непроглядный и одновременно странно прозрачный. Здесь, на берегу, я и потерял сознание.

Когда я открыл глаза, то увидел перед собой человека с чёрной бородой. Это был Гулевич, но в первую минуту я не узнал его. Он приподнялся со стула. Лицо у него было почти квадратное, с довольно крупными чертами, но при этом на редкость красивое.

На больничной койке, на самом краю, сидела Марина. В глазах её был таинственный мрак. Но руки, руки, сложенные как будто для молитвы, казались прозрачными.

Я почувствовал тепло её рук.

– Ах ты, мой дорогой! – проговорила жена. – А я уж думала, что сознание к тебе не вернётся. – Она со вздохом склонила голову мне на грудь. – Как же мне было горько...

– Я помнил о тебе... Скажи, что случилось? – Слёзы выжались из глаз и потекли по щекам.

– Тебя сильно избили, Алёша... ты бредил.

– А где Артемий? Он не заболел?

– Не волнуйся, он здоров... у твоей мамы «кубичку» собирает...

– Алексей Николаич, теперь всё будет хорошо... Отдыхайте, вам нужно больше отдыхать... А мы к вам ещё вечером придём... – Гулевич положил руку мне на плечо.

...Солнце, «всходящее над злыми и добрыми», осторожно заглядывало в больничную палату.

И вспомнилось: «Я – всем молюсь; вот ползёт паук по стене – я и ему молюсь».

И показалось, что мир, весь мир становится невинным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я выписался из больницы недели через полторы, хотя и не чувствовал себя вполне поправившимся.

Вернулся из командировки Гулевич.

В одной из букинистических лавок столицы он купил для меня небольшой подарок. Это был мартовский номер газеты «Голос»

за 1879 год, пожелтевший, но всё-таки неплохо сохранившийся. В номере имелась заметка о том, что на Ф. М. Достоевского было совершено нападение.

«На меня наткнулся какой-то пьяный мужчина, – сообщала рассказ литератора газета, – который почему-то ударил меня так сильно по затылку, что я упал на мостовую и расшиб себе лицо в кровь».

И хотя было трудно читать – болела голова и уставали глаза, но я всё-таки прочёл и статью в «Голосе», и воспоминания московского репортёра, тоже найденные для меня Гулевиным. Заметки эти вряд ли бы вошли в книгу о Достоевском – случай-то получил известность только в связи с именем пострадавшего. Но была одна любопытная деталь. Я с удивлением узнал о том, как повёл себя романист в камере мирового судьи.

«– Свидетель Достоевский, – сказал судья, – вы отказываетесь от обвинения?»

– Отказываюсь.

– Очень жаль, – заметил судья, – сегодня он ударил вас, завтра ударит другого...

– Я никак не могу допустить той мысли, – сказал Достоевский, – чтобы человек в здравом уме ни с того ни с сего ударил своего ближнего кулаком по голове.

– Да он просто пьян был, как стелька, – вставил своё замечание судья.

– Это напрасно-! Пьян я не был тогда, – возразил молчавший до того времени обвиняемый босяк. – Не угодно ли вам, господин судья, спросить у свидетеля, говорил ли я им, перед тем как ударить, что, мол, сытый голодному не верит?

– Эту фразу я действительно слышал тогда, – подтвердил Достоевский. – Злоба этого голодного человека нашла себе утешение в ударе кулаком по голове того прохожего, который не услышал его просьбы о помощи. Судьбе было угодно, чтобы этим прохожим оказался я, и не ропщу на это.

– А вот мы закатим его на месяц в кутузку! – громко сказал судья. – Он будет знать впредь, как вымещать свою злобу на прохожих.

– Это дело вашей совести, – заметил Достоевский судье. – Но прошу вас принять от меня три рубля и выдать их этому человеку, когда он после отбытия наказания выйдет из тюрьмы.

И, подав судье трехрублёвую кредитку, Достоевский поклонился ему и вышел из камеры.

Впрочем, история на этом не закончилась.

«Мировой судья господин Трофимов, – сообщал «Голос», – разобрал дело, постановил: крестьянина Андреева за произведение шума на улице подвергнуть денежному штрафу в 16 рублей, с заменой арестом при полиции на четыре дня». Фёдор Михайлович «подождал своего обидчика у подъезда и дал ему шестнадцать рублей...»

«Христианство, – подумал я, – пожалуй, именно христианство и было единственным убежищем Достоевского от всех зол».

Через пару дней Игорь Алексеевич завёл разговор о статье в «Голосе», и я рассказал ему об одном очевидце.

В то время, когда Достоевского приводили в чувство после нападения здоровенного детины, мимо на извозчике проезжал поэт-юморист Минаев. Он увидел в толпе Фёдора Михайловича, быстро соскочил с дрожек и подошёл к нему. Минаев, никогда и ни при каких, даже грустных обстоятельствах не умевший «удержаться от экспромта», и на этот раз остался верен себе. Обращаясь к городовому, он продекламировал:

– Да, на это приключенье
Обрати-ка, брат, вниманье...
За такое преступленье
Дай ему и наказанье.

Гулевич усмехнулся, улыбка спряталась в его бороде.

– Знаете, Игорь Алексеич, ведь Достоевский как пришёл в себя, так и написал на листе из блокнота своё имя и адрес, и ещё: «От обвинения неизвестного мне человека отказываюсь...» Написал, в общем, и передал городовому.

– В этом весь Достоевский... У самого лицо в крови, а от обвинения отказался. Простил.

– Сразу простил. Это и мировой судья потом понял.

– Вот, Алексей Николаич, история... Вникните!

– Да, спасибо за подарок... порадовали! Я эту газету «Голос» сохранию.

– Хорошо-хорошо... А скажите, как самочувствие-то ваше?

– Как? Да нормально... Голова почти не трещит...

– Сочинять пробуете?

– После такой истории... хотелось бы...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Ой, бабушка, сколько у тебя работы!» – сочувственно говорил мой четырёхлетний сын, когда бывал в Николаевске.

В выходные Артемий с Мариной опять поехали к бабушке Люде – подросла клубника.

Я же остался дома. Разобрал архив, отыскал выписки из статей Пруста и Андре Жида о русском романисте.

Прустовское видение сюжета у Достоевского было не лишено оригинальности. Да и сам Пруст не рисовал события, нанизанные на нить причин и следствий, а показывал сразу следствие, удивляющее своей мнимой необусловленностью. Жид, напротив, привлекал мастерством критика: «Мы не видим у Достоевского никакого упрощения, никакого очищения линии. Ему нравится сложность...»

Я не только перечитал французских модернистов, но и поколдовал над планом книги о Достоевском. Решил доработать главу о «Ревельском снятке». И вот почему.

В главном городе Эстляндской губернии, Ревеле, Фёдор Михайлович не просто по нескольким месяцам гостил у брата, но и немало

трудился. Здесь написал своего «Господина Прохарчина». Но мне хотелось потянуть за «ревельскую ниточку» по сильнее. Ведь в годы учёбы Достоевского в инженерном училище издавалась литографическая газета «Ревельский сняток», и будущий романист был её редактором.

Есть странное обстоятельство. Газета выходила в Санкт-Петербурге, но в её названии указывался эстляндский город Ревель. Почему именно к Ревелю отсылает название газеты? Не потому ли, что в Ревельской инженерной команде служил брат Достоевского? Известно, что эта команда занимала определённое место в цепи инженерных учреждений военной системы на северо-западе Российской империи.

Однако же не менее озадачивало в названии газеты и слово «сняток».

Обратился к словарю Даля и выяснил, что сняток – «рыбка-вандыш, ловимая в Белозере». Впрочем, у Даля обнаружилось и другое понятие: «снятки» – густые сливки, «кои не сливаются, а снимаются ложкою». Последнее было куда более приемлемо для названия газеты. Видимо, училищная газета действительно иронично рассказывала о жизни высшего общества Ревеля, его «сливках».

Вспомнилось, как и сам я редактировал «Острова», писал для них новости в стиле рэп, ставил мюзикл – этакий рождественский подарок читателям молодёжной газеты. Наконец, участвовал в научной экспедиции. Мне посчастливилось тогда поработать с профессором Супруном.

Остались и старые заметки. Они словно возвращали в год 2004-й:

«Чех, который хорошо говорит по-русски», – так прозвали в Чехии Василия Ивановича Супруна. Помимо чешского, учёный в совершенстве владел ещё десятью языками. Он бывал в Европе и Северной Америке. Наша группа полюбила этого похожего на Тургенева человека.

Вместе с ним мы составили словарь, содержащий приблизительно тысячу лексических единиц местного диалекта, иначе называющегося хохлячьим говором. К примеру, в Левчуновке была найдена и записана фраза: «Двир проз двир» – «дом около дома».

...Вдруг показалось, что в гостиную вошла Нина Роппельт, а вместе с нею – «шёпот, лёгкое дыханье, трели соловья...»

В экспедиции этой она не участвовала, но в жизни, в жизни моей след оставила. В общем, исследила душу.

Я встал, зачем-то обошёл гостиную, выглянул в коридор. И только тогда понял, что не Нина это, а лишь промельк из прошлого. Минуту или две смотрел на репродукцию картины «Арена в Арле» и не чувствовал ни оживления, ни веселья толпы, изображённой Ван Гогом. Был словно «в пустыне погружённого в дела народа».

Умерли ещё две минуты, и я вернулся наконец к своим заметкам.

– «Двир проз двир» – это что-то невероятное, – прокомментировал профессор Супрун. – Знаете, данная форма выражения восходит к праславянскому единству. Одним концом она упирается в чешский

и словацкий языки. Но её не знают ни украинцы, ни русские, а вот восьмидесятипятилетняя жительница Левчуновки Александра Васильевна Ткачёва использует эту фразу как родную...

Тот говор, который нам удалось зафиксировать в селе, оказался в прекрасном состоянии: он живой и полон энергетики взаимопонимания. Ведь «наш язык – народ»... И вот ещё что. Мне нравится эта экспедиция. Я уверен, что дети, участвующие в ней, когда-нибудь обязательно станут учёными...»

Из вечерних «Вестей» я узнал о Кубанском потоке, унесшем жизни сотен людей.

Долго курил трубку в саду и глядел на трепетание синих молний. Когда стемнело, вернулся в дом, принял лекарство и позвонил жене.

Марина рассказывала о богатом урожае клубники, о сегодняшних маленьких открытиях сына, о здоровье бабушки, а я слушал её и думал о том, что не зря отложил поездку в Геленджик. Господь отвёл.

– Я помнил о вас...

– Что ты сказал, Алёша? Алло! Мы завтра приедем, привезём тебе баночку клубничного варенья... Ну пока, папуля, пока!

– Да, и вам спокойной ночи!

...Я тонул, проваливаясь не то в забытье, не то в сон. И вода уже касалась лика старой намоленной иконы на стене.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

– Приветствую, Алексей Николаич! Можно вас кое о чём попросить? – разбудил меня телефонным звонком Гулевич. – Нужно встретиться с милой девушкой Таней. Сегодня же, в ресторане «Армения»... Чтобы вы понимали: это заведение принадлежит Мушегу Иосифяну. Ну помните, я вам рассказывал? Это брат Иосифа.

Сон мой совершенно развеялся, ни о чём другом я теперь и думать не мог. Какая-то тайна связывала Гулевича с этим человеком, и мне хотелось разгадать её.

– Выручите, Алексей Николаич? – В голосе Гулевича была тревога.

– Можете на меня рассчитывать.

– Значит, могу... Спасибо! Скажите, вы знаете, где находится ресторан «Армения»?

– Да, на улице Порт Саида.

– Так, хорошо... Пообедайте с милой Таней и подвезите её туда, куда она вас попросит. Вникните! Только в машине она должна передать вам жёлтую папку с документами. Это – для меня. Но вы тоже посмотрите. Я хотел бы знать ваше мнение... Ну вот, кажется, и всё... Э-э, совсем забыл, в ресторане советую заказать бораки. Это такие армянские пельмени... И обязательно позвоните мне потом.

– Позвоню, конечно.

– И вот ещё что... Татьяна будет ждать в час дня и сама к вам подойдёт...

«Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слёзы лью...» – вспомнилось мне, когда я парковал машину возле «Армении».

В ресторане я выбрал столик возле мраморной колонны, подальше от входа, попросил официанта с золотым зубом принести минеральной воды и стал изучать меню. Неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд. Увидел синеву глаз той, с которой, кажется, и должен был встретиться. Белокурая и тонкогубая красавица. Кожа у неё была цвета тёмного мёда. Когда девушка заговорила, красота её сделалась естественной и печальной. Но такой она мне нравилась даже больше. На ней была чёрная приталенная блузка и жёлтая юбка-карандаш, перехваченная тонким золотистым поясом.

– Я – Андреева Таня, а вы... вы Алексей Николаич?

– Здравствуйте, Татьяна! – Я встал и помог ей придвинуть кресло.

– Ужасно проголодалась. Давайте закажем бораки, а? Поверьте, здешний шеф-повар Рауф Ахмеров прекрасно готовит!

– А давайте!

Подошёл вертлявый официант с золотым зубом, и я сделал заказ.

– Знаете, чем бораки от пельменей отличаются? – Девушка поправила светлую прядь.

– Расскажите, не знаю.

– В них начинку заранее обжаривают – вот и всё отличие. – Татьяна ковырнула рукою в воздухе. – Вы такой смешной сейчас... Словно подняли забрало и выставили на поглядение собственное лицо... Ой, простите... А вы действительно писатель?

...В девушке чувствовалась доброта, прирождённая наивная доброта. Мне было приятно разговаривать с нею и о писательстве, и об армянских пельменях. Незаметно я посмотрел в зеркало, вделанное в колонну из розового мрамора. Мой вопрошающий взгляд мне и самому показался смешным.

Наконец принесли бораки в масле и с золотистой корочкой.

– Пробуйте, пробуйте скорей! – сказала Андреева.

– Да, неплохо.

– И только?

– Совсем неплохо, – подразнил я. – А впрочем, очень вкусно...

Правда, правда...

– Наверное, вы хотите спросить, откуда я знаю Игоря Алексеича?

– Мысли, что ли, читаете, Татьяна?

– Нет, конечно, нет. Просто я встречаюсь с его сыном Иваном...

Ваня – он сейчас в командировке... На Кубань с другими следователями уехал. Знаете, там теперь такое творится из-за этого потопа!.. А мне нужно передать Игорю Алексеичу документы. Он сказал, что вам можно доверять.

– Вполне... Только передадите их в машине... ладно?

– Тише!.. – Её медового цвета рука легла на мою. – Видите того, похожего на старого волкодава?

– Вижу, а что?

Я взглянул на армянина с большими тёмными миндалевидными глазами в густой сетке морщин, отдающего какие-то распоряжения

официантам. Передвигался он медленно, опираясь на полированную трость и слегка прихрамывая.

– Это и есть Мушег, здешний хозяин.

– Надо же... Вы и его знаете?

– Нет, просто видела у Игоря Алексеича дома...

– Всё у вас как-то просто... А вы не ошиблись? – Мне вспомнился наш разговор с Гулевичем про «ниточки» и братьев.

– Не ошиблась, я ведь его хорошо запомнила. Он на волкодава похож, а мне такие не нравятся...

– Вы правы, не очень-то красив.

Я внимательно посмотрел на армянина. Это был массивный мужчина с большим животом, крупным мясистым лицом, крупным носом, седобородый и седовласый, мертвенно-бледный. Очки в золотой оправе.

...Дома я заглянул в жёлтую папку.

Нашёл копии заявок на объекты, много объектов, выставляемых на аукцион муниципалитетом.

Удивляло не то, что Гулевич заинтересовался этими документами, а то, что умолчал о встрече с Мушегом. Впрочем, я догадывался, зачем он отправил меня обедать в этот ресторан: хотел, чтобы я сам увидел его владельца.

Но опять же – зачем?

Ответ я решил получить сегодня.

Конечно, Гулевич мог и отшутиться, сказать по обыкновению: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И всё понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем».

«Не надо и со мной в гляделки играть, – царапнула мысль. – Пусть лучше расскажет всё как есть».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Проклинькал лимонно-жёлтый трамвай.

Я пропустил его и, свернув к Волге, попал в объятия марева.

Народа – как на День Победы, только без флажков и георгиевских лент.

Возле Музея-панорамы «Сталинградская битва» – туристические автобусы с немецкими номерами. Полиция перекрыла улицу, и я поехал через дворы. Неожиданно из подворотни выскочил белобрысый мальчишка в синих бриджах, на поводке – лохматая овчарка, рвущаяся вперёд.

От жары в голове мыло, а не мысли.

Глянул на храм Иоанна Предтечи, возносящего три играющие золотом верхушки. Этот вид, как бы вставленный в раму открытого окна, был настолько красив и необычен, что казался театральной декорацией.

По радио звучала баллада «Hey Jude», и я как мог подпевал.

Ещё несколько кварталов – и торговый центр с зеркальными витринами позади. Но вот и цирк, чем-то напоминавший матросскую бескозырку. Я поискал, куда бы пристать, и наконец за трамвайными путями под ивами нашёл небольшую тенистую гавань.

– Опаздываете! Главный бой начинается, – окинул меня вспыхнувшим взглядом Гулевич.

– Неужели я так сильно опоздал? Извините!

– Все извинения в сторону... Запомните-ка лучше того, кто сегодня будет награждать победителя. Вникли?

– Вот уж никогда не знаешь, что вы сейчас скажете или сделаете! – с запальчивостью воскликнул я. – А ведь мы не объяснились... На вопросы мои вы так и не ответили...

– Обещаю это сделать позже, – бесстрастно сказал Игорь Алексеевич. – Ну как, согласны?

Мне показалось, что он смотрел на меня с особой холодной снисходительностью. Я помедлил, но всё-таки выдавил:

– Да, согласен.

– Тогда не отставайте. У нас места в секторе «А».

...Цирк озаряли софиты, арена ради большого боксёрского вечера была превращена в ринг. В нём и разыгрывалась драма.

Один боксёр, подняв руки, закрывал голову. Другой поджигал его к канатам. Пропустив серию ударов, тот, который был в чёрных перчатках, вошёл в клинч. Он висел на своём сопернике, пока не вмешался рефери.

И вот новая серия: джеб левой и сокрушительный кросс правой. Руки в чёрных перчатках обвисли, и боксёр картинно-безобразно упал, выронив капу. Бой кончился.

В красном углу ринга обнимали победителя. Цирк ревел: «Ахмеров!»

Всё это напоминало «Арену в Арле» – шедевр сумасшедшего. Да, такой же восторженный и дикий! Красный, жёлтый, много жёлтого, много серого и чёрного промелькнуло перед глазами.

«Ахмеров... Где-то я уже слышал эту фамилию... Кажется, так зовут шеф-повара ресторана «Армения»... или нет?»

Верхнее освещение было выключено, софиты погасли.

В голове моей, как в цирке, становилось всё темней и темней.

И вырисовывалось: «Перед битвой кровавые зори свет поведают, чёрные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несётся. Славу Игореву грозит расшибить. Волки рыщут, див кличет. Веселье развеивается по ковылю».

Я закрыл глаза.

– Вы меня слышите? – спросил Гулевич. – Что с вами?

– Точно и не знаю... Наверное, я ещё не совсем здоров.

– А что вы такое шептали?

Казалось, от этого простого вопроса у меня сейчас лопнет голова, я искал ответ, пока он не нашёлся.

– Ах да!.. А путь бежит.. Не тот ли это шлях, где Игоря обозы проходили на синий Дон? – вдруг я захлебнулся словами.

– Не в этих ли местах, – поддержал меня Гулевич, – в глухую ночь в яругах волки выли, а днём орлы на медленных крылах его в степи безбрежной провожали... и клёкотом псов на кости созывали, грозя ему великою бедой?..

На ринге уже награждали.

Победившему нокаутом Тахиру Ахмерову армянин с двойным подбородком вручал призовой чек.

Высокий грузный армянин был в бежевом льняном костюме, в расстёгнутом вороте его рубашки виднелась массивная золотая цепь. Голос звучал победой, говорил он долго. Я был изумлён таким наводнением слов. Впрочем, ещё больше я был изумлён тем, как Гулевич обгрызал его взглядом.

– Да кто он такой? – спросил я друга.

– Кто такой?.. Это Самвел Иосифян... младший брат Иосифа.

– А он, что, из боксёров?

– Он-то? Да, он выступал на профессиональном ринге. – Гулевич потрогал чёрную бороду. – А теперь директор крупной строительной компании. Поговаривают, собрался в депутаты... Запомните его...

– Запомнить как следует? – В моих словах торчали иголки.

– Э-э, знали бы вы, в чём дело!

– Расскажите, буду знать...

– Всё пошло не так... Сажина видели?

– Конечно... Евгений Борисыч сидел в нашем секторе, и, если я не обознался, с ним был Гринёв... Ну тот, похожий на висельника кандидат.

– Да-да, это был он. Мне нужно сейчас же уехать... Завтра, да лучше завтра мы всё обсудим. Прощайте! Встретимся у вас, коли не против?

– Ну, можно и встретиться, а чего ж!

...Свет мятежного заката падал на тротуар, деревья, машины и людей. Пока доехал до дома, наступила слепая, тёмная ночь. Тишина была невозможная.

Не ужинал, лёг, но не спалось.

Всё мерещилось, как прах над полями несётся.

Всё слышалось: «Эх, русский народец! Не любит умирать своей смертью!»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бессонница праздновала победу.

Видимо, тёмные недомолвки подействовали на мои нервы. Впрочем, свою роль сыграла и «Арена в Арле».

Картина не давала покоя.

Вряд ли Ван Гог написал бы её где-нибудь ещё, кроме Арля. Ведь именно там мистраль, абсент и зной свели его с ума, обострив восприятие. Там, по собственному его выражению, он померился кистью с солнцем.

Один парижский журналист пытался отговорить Винсента Ван Гога жить в этом городе.

«Арль – совсем как эпилептик, – считал этот журналист. – Он доводит себя до такого нервного возбуждения, что только и ждёшь: вот-вот начнётся припадок и он будет биться в судорогах с пеной на губах... Город всё время на грани припадка, но припадок никогда не начинается. Три месяца я ждал, что здесь вспыхнет революция или на площади Мэрии произойдёт извержение вулкана. Десять раз я думал, что жители внезапно сойдут с ума и перережут друг другу глотки! Но в тот самый миг, когда катастрофа была неизбежна, мистраль на пару дней стихал, а солнце пряталось за облака».

– Не дай мне Бог сойти с ума... – я вздрогнул и осёкся.

В это мгновение вспомнилась совсем другая картина. Она изображала Спасителя, только что снятого с креста. Это была работа кисти Ганса Гольбейна-младшего.

Достоевский, «возросший на Карамзине», знал об этой картине из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Приехав за границу в 1868 году, Фёдор Михайлович захотел увидеть полотно Гольбейна и вместе с женой остановился на сутки в Базеле.

«Мёртвый Христос» глубоко потряс романиста, и он, как впоследствии его герой князь Мышкин, сказал, что «от такой картины вера может пропасть».

Вот и для умирающего от чахотки Ипполита Терентьева картина Гольбейна означала отсутствие веры в божественность Христа, а стало быть, – торжество смерти.

«Тут невольно приходит понятие, – размышлял Ипполит, – что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал природу при жизни своей?.. Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немного зверя или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и страшно: в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо – такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов её, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа!»

Перелистав страницы, я нашёл то место, где говорилось о потере веры.

«– А на эту картину я люблю смотреть, – пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

– На эту картину! – вскричал вдруг князь под впечатлением внезапной мысли. – На эту картину! Да от этой картины у иного ещё вера может пропасть!

– Пропадает и то, – неожиданно подтвердил вдруг Рогожин».

...Уклониться от тягостных мыслей не получалось. Всё рисовался знакомый образ, и я словно видел Фёдора Михайловича. Он стоял перед картиной как прикованный. На взволнованном лице было то испуганное выражение, которое всегда появлялось у него в первые минуты приступа эпилепсии. Боясь, что сейчас случится припадок, я будто бы взял Достоевского за руку и увёл от этой картины.

Весь вечер я не расставался с книгой Анри Перрюшо о Ван Гоге и вычитал в ней вот что: «Христос, «самый великий из всех художников», который, «отвергнув мрамор, глину и краски, избрал объектом своих творений живую плоть». Это было точно подмечено. Отложив книгу, я снова мучался мыслью о Достоевском и Ван Гоге – таких разных и таких похожих. И снова повторял слова Христа: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков».

...Мне снился громадный, жаркий шар солнца, изнуравший сухопарого художника. Пробудившись, некоторое время я ещё помнил о самом гиблом месте во всей Тарасконской округе – об Арле. Потом оделся и пошёл в сад.

Я приближался к тусклому свету открытого неба.

Начинался рассвет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«У вас вид то ли близорукого, который не носит очков, – сказал мне однажды Гулевич, – то ли у вас голова болит от мыслей».

Игорь Алексеевич считал, что я ещё и безобиден, как школьник. Приятно, конечно, когда в тебе видят мыслителя и славного мало-го. Но я не хочу выдавать себя за кого-то другого и в то же время не склонен принимать на веру чужие притязания.

Впрочем, в трудную минуту я не сетовал на обстоятельства. Не говорил, что кто-то долго и пристально следил за мною, выводывал мои жизненные планы, проникал в честолюбивые замыслы, угадывал мечтания и человеческие надежды, а затем, зло посмеявшись, всё отнял. Ведь себя-то не обманешь.

На самом деле природа просто не наделила меня ни выдающимися способностями, ни дерзостью. Я не знаю своей цены. Отсюда и вечное ожидание, что меня могут обидеть. И я часто вижу обиду там, где другой и предположить бы её не мог.

Я так и не повзрослел, не избавился от «растительного самоощущенья».

В тридцать пять я сохранил по-детски наивную веру в важность вещей, которым в моём возрасте не придают значения. И, кажется, не постиг тщету суеты людской.

Каков же мой идеал?

Я верю, что «нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа». Да, верю! «Если б кто мне доказал, – говорил Достоевский, – что Христос вне истины, и действи-

тельно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной».

Это и есть мой идеал.

Сокровенные друзья?

Есть, но...

Женя Опоченин слишком погружён в занятия музыкой, а я – в своё писательство, чтобы крепко «обняться душами». Слава Черешин, грезивший в детстве о титулах и гербах, стал учёным – крупным специалистом по наполеоновской Франции. В столичных архивах он бывает чаще, чем в родном Волгограде. Ещё один мой товарищ по дракам, Алёша Посошков, в Санкт-Петербурге прижился, открыл авторемонтную мастерскую. Шульгин – тоже друг детства – два года назад был убит начальником собственной службы безопасности. Об этой истории много писали газеты.

Потом моим другом стал и Гулевич.

С ним я познакомился месяцами за восемь до гибели Севы Шульгина. Как говорится, работа свела.

Когда я впервые увидел его, то сразу вспомнил портрет Хемингуэя. Нет, не тот известный портрет: трубка, борода, свитер. Совсем другой, примерно, 20-х годов прошлого века. Был такой снимок Мэна Рея, знаменитого американского художника и фотографа. Так вот, Гулевич походил на Папу Хэма.

Одет он был скромно, без блеска: палевый пиджак, чёрная водолазка и чёрные брюки. Обувь же, напротив, носил очень дорогую и добротную, итальянскую.

Смотрел хладнокровным пронизывающим взглядом, покусывая губы.

В разговоре вставлял «вникните», но всегда к месту.

В детстве он научился преодолевать страх. И после этого не совершил ни одного поступка в силу страха. В девятнадцатом веке такой, как он, выстрелил бы непременно в воздух, щадя противника. И лишь закрыл бы по правилам дуэли рукою грудь.

Это был идеалист, готовый защитить свой идеал.

Игорь Алексеевич окончил тот же университет, что и я. В 90-е работал журналистом. Последние же десять, пожалуй, самых плодотворных лет был госслужащим.

Он встречался со многими. Со всеми теми, с кем у высокопоставленного чиновника неминуемо бывают встречи, хотя бы только на страницах газет. Гулевич знал не только симптомы, но и способы лечения политических и социальных болезней. Его аналитика имела вес.

Он без самоумаления говорил о чиновниках, что, мол, трудятся «казусные головы, любуясь, как художники, крючковой строкой».

Гоголя вообще вспоминал часто: и когда готовил что-то вкусное, и когда рассказывал о людских пороках.

«Все христопродавцы! – возмущался Игорь Алексеевич. – Один только и есть порядочный человек – прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

«Все на всех влияют», – бывало, повторял Гулевич.

Кто же повлиял на него самого?

Мама, конечно. Но даже она не повлияла больше, чем дед Иван.

Был такой случай. Служил дед в авиационном полку, и война уже вышагнула в Германию. И нужно было иметь точную картину, чтобы задействовать бомбардировщики и артиллерию. На самолёт установили фотоаппараты, и Гулевич, снимая, должен был пикировать над немецкими позициями.

Когда самолёт приземлился, техники ахнули: около двадцати пробоин! «И как только дотянул?» Вот за это «как» и представили Ивана к высокой награде – ордену Боевого Красного Знамени.

История имела продолжение.

Вскоре из штаба прислали майора, которому для получения ордена требовалось участие в боях. Его посадили к Гулевичу воздушным стрелком. Иван же, вместо того чтобы повести самолёт плавно, устроил болтанку. Офицер облевал всю машину. А вылет был абсолютно безопасный: ни «мессершмиттов», ни огрызающихся зениток...

Потом на аэродроме Гулевич, угрожая пистолетом, заставил штабиста вымыть самолёт. Штабист донёс об этом, конечно. И старший лейтенант Гулевич награду не получил, да ещё десять суток ареста схлопотал. А вот майор без ордена Боевого Красного Знамени не остался.

Иван и раньше проявлял характер.

В 1937 году парень только переехал с родителями в Сталинград. Пошёл купить циркуль (а жил недалеко от центрального универмага). И когда возвращался, его обступили пацаны из соседнего дома, человек восемь или десять. Хотели, значит, побасурманить в карманах...

– Первому, кто сунется, – выхватил Иван циркуль, – глаз вон!

Пацаны посуетились немного и разошлись.

После этого прошёл слух, что Гулевич связан с бандитами и опасен. В общем, до окончания десятилетки все боялись его тронуть.

Таким был Иван Гулевич.

Это он научил внука сохранять человеческое достоинство. И внук воспринял формулу: «Я есть суверенное государство». И, когда надо, давал сдачи. Прицыкина получала её не раз.

Она глядела на своего обидчика, поджав побелевшие губы. Он отвечал ей долгим серьёзным взглядом. Честолюбие съедало Ирину Сергеевну, подобно недугу. Но Гулевич по обыкновению и не думал отступать. А ведь Прицыкина была всесильным вице-губернатором. Цеповяз без неё и шага не мог сделать.

Продолжение следует.

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Слова же — существа живые...»

Александр Люлин. *Азбука славян.*
С.-Пб.: НППЛ «Родные просторы». — 2015 год, 200 с.

Живые и ироничные стихи Александра Люлина не могут не нравиться. Читатель не замечает, что перед ним стихи, что написаны они мастерски, а сразу видит душу и поэзию, минуя восхищение формой. Вся книга очень естественно, раскрепощённо написана, в духе пушкинских посланий — как письмо к читателю, конкретному человеку (иногда даже указано конкретное имя, к кому стихотворение обращено). Читатель Люлина — это его современник, человек неравнодушный, сочувствующий другим, ощутивший на себе все беды времени — и связанный с историей, ностальгирующий по советскому прошлому. Автор, его лирический герой и читатель — личности родственные (кстати, автор очень часто упоминает свою фамилию, от лирического героя не дистанцируется — лирическое «я» максимально приближено к «я» автобиографическому): «Пишите мне по адресу: Россия / Собака ЛЮЛИН точка ру».

В случае стихов Александра Люлина трудно говорить об особых образных средствах и цитировать отрывки — его стихи производят очень сильное впечатление, когда их читаешь целиком, даже если они очень длинные, такие «мини-поэмы», но всё же стоит сказать о цитировании, явном и скрытом. Первым моим эмоциональным впечатлением (эмоциональной оценкой) было то, что я давно не читала такой хорошей поэтической книги, яркой, не «отвлечённо-поэтической», а растущей из жизни, из бытового «сора» (но проза жизни тут же становится иной, художественной) и — из классической традиции.

Цитаты, явные и неявные, без кавычек; реминисценции — отсылки к Державину («река времён»), Пушкину, Лермонтову («Пусть я не Бунин, я другой / Избранник мыслящей вселенной — / Пусть и во мне горит огонь / Святой поэзии нетленной» (лермонтовское «Нет, я не Байрон, я другой / Судьбы неведомой избранник»), Есенину, Маяковскому, Рубцову и многим

другим — просто рассыпаны по стихам. Но эти отсылки естественно входят в строку, для Люлина это своё, родное, он мыслит этими классическими образами.

В стихах Александра Люлина ощущается любовь ко всему живому: кошкам, коровам, собакам, птицам, растениям. Особенно любит собак: «Все мы, граждане, в чём-то собаки ведь — / Все хозяина хотим найти» («Все мы немножко лошади...» — Маяковский). Или: «Думал, заведу собаку, / Хоть какую, хоть одну» (но и здесь — «кивок» в сторону Бунина: «...хорошо бы собаку купить»).

Лубочность и разговорность в стихах Люлина соединяются со знанием литературы, отсылки часто иронические:

*Село глухое в шесть дворов.
Собака, тренированная
Гонять картофельных воров
Среди долины ровныя.*

Понятно, что заглавная строка из песни Алексея Мерзлякова в этом контексте создаёт иронический эффект.

Или, наоборот, — строка из басни Крылова становится началом драматического стихотворения:

*Уж сколько раз твердили миру
Пророки: «Мир лежит во зле,
Не сотвори себе кумира
Ни в воздухе, ни на земле...»*

Но, пожалуй, только А. С. Пушкин в стихах Люлина «поселился» прочно и надолго. К нему чаще всего обращается поэт. Вот, например: «Мой дядя самых честных правил — / Корректором работал он: / знаток параграфов и правил, / Он свято чтит родной канон. / Найдёт ошибку человечью — / Обижен аж до ДНК, / Страж грамотной объёмной речи, / Суровый рыцарь языка... / Пишите грамотно, поэты, / Чтоб не гореть

потом лицом: / Вы в разум истины одеты / Не кем-нибудь — Самим Творцом» («привет» от Пушкина и ещё — Заболюцкого: «Любите живопись, поэты...»)

Полушуточные, полусерьёзные обыгрывания «фантастического события» — Пушкин, читающий «Невский альманах» со стихами Люпина и пишущий письмо редактору — завершаются вполне пушкинским заветом:

*Поэт, как соловей на ветке,
Поёт, любовь согреет;
Там, в вашем двадцать первом веке,
Скажите Люлину привет
Из девятнадцатого века;
Вещайте, разомкнув уста,
Во имя Богочеловека,
Поэта вечности — Христа.*

А вот — «Последний пророк»: «Молчит пророк. Да сколько можно / Сердца людей глаголом жечь? Гнев скорбью стал. Неосторожно / Испепелить сей мир безбожный / Могла бы молниенная речь».

И снова о пророке (уже с эпиграфом из песни Высоцкого): «Поэта нет в отечестве своём, / В стране своей, да и в своей квартире... / Но есть один коронный ход конём, / Что душу экспортирует сквозь бездну: / Поэта нет в отечестве своём, / Но есть поэт в Отечестве Небесном».

Дело не только в том, что поэт знает и любит классику, стихи Золотого и Серебряного века, но и в том, что следует традиции и понимает, что стихи — не игра, не искусство, а «почва и судьба». Он уверен в действенной силе русского слова:

*Как ангелы, неповторимы
Славянской грамоты слова;
Но есть у каждой буквы имя —
Как у живого существа.*
(«Азбука славян»)

Потому он пишет только о главном. О поэзии, о любви, о жизни, о смерти: «Мир временно материален, / Но вечно — одухотворён». В разных стихах варьируются строки, говорящие о мучительных поисках смысла: «Зачем я приходил на Землю? Зачем на ней существовал?»

Своеобразие поэзии Александра Люпина — в соединении естественной разговорной речи с высокой поэзией, подлинного пафоса — с юмором и иронией, классических мотивов — и фольклора, сказок и песен. Цикл стихотворений сказочных — переосмысление сказки о «Царевне-лягушке»: «Превратили царевну в лягушку, / Да забыли обратный процесс... / Вот оно,

тридевятое царство! / Улетела стрела в белый свет! / Есть царевна, любовь и коварство. / А Ивана-царевича — нет».

Очень много народных мотивов: «Солдатская плясовая», «Играет мама на гармонии», «Песня казака» и др. Из этого народного, фольклорного вырастает и эпическое. Александр Люпин — автор поэмы (мистерии-буфф) «Змея и крест» — о России времён Первой мировой войны, революции, гражданской и Великой Отечественной — и до конца нашего века. Такой вот эпический размах, история целого столетия! В этот же сборник включены «маленькая трагедия» «Софониба», погружающая нас в историю античного мира, и поэма «Мария Египетская» — о жизни и житии Марии Египетской, христианской святой.

Важно, что поэту под силу написать трагедию, дать трагическое, эпически развёрнутое полотно в стихах. Но всё же Александр Люпин, прежде всего, тонкий, проникновенный лирик, пишущий пронзительно и ясно, в каком бы жанре он ни работал.

В своём программном стихотворении Александр Люпин сам сказал о своём творчестве так:

*Слова не мучу, не калечу,
Затем, что с детских лет знаком
С естественным течением речи,
С нормальным русским языком.*

*Татарским тернием увита
Лесная азбука славян;
И всё же буквы алфавита
Верны отеческим словам.*

*И в речи письменной, и в устной
Народа, рода и семьи
Встаёт с тоскою безыскусной
История родной земли.*

*Как воины в разгаре битвы,
Идут на штурм за рядом ряд
Слова для клятвы, для молитвы
И те, что ночью говорят.*

*Слова же — существа живые:
Их нужно миловать, беречь,
Чтобы звучала, как впервые,
Славянская святая речь.*

Александр Люпин — лауреат многих премий, живёт в Ленинградской области. Масштаб его дарования — всероссийский, и было бы прекрасно, если бы такого замечательного поэта знали повсеместно и круг читателей его расширился — собственно, для этого и написана эта рецензия.

К 90-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОГО РАДИО

Недавние события в Далласе – убийства полицейскими без суда и следствия негров, или, как их сейчас называют, афроамериканцев, побудили меня внимательно перечитать пьесу «Дети дяди Тома», долгие годы хранящуюся в архивной папке Бориса Озёрного. Я считала, что проблема расовой дискриминации в Америке канула в далёкое прошлое, хотя в сороковые годы XX века эта тема была все ещё актуальной. Свидетельство тому – вышеназванная пьеса. Она была написана Борисом Фёдоровичем Озёрным специально для Саратовского радио, конкретно – для детей среднего и старшего школьного возраста, поскольку автор работал в конце 1930-х–начале 1940-х годов на Саратовском радио редактором детских передач. В этой пьесе отражена судьба детей (внуков, правнуков) того несчастного дяди Тома, о котором более 150 лет назад написала известная американская писательница Гарриет Элизабет Бичер-Стоу. Эта книга пользовалась необычайно широким читательским спросом в СССР в 40–50-е годы прошлого века. По роману были написаны инсценировки для детских театров, в том числе пьеса по книге «Хижина дяди Тома» с одноимённым названием шла и в Саратовском театре юного зрителя.

Радиопьеса Бориса Озёрного была почти готова к выходу в эфир: подобраны актёры, написана музыка... На нотах стоит дата: 10 июня 1941 года. Через 12 дней началась война. Уже было не до театра. И тот, дополненный новыми персонажами, авторский экземпляр оказался утерянным.

Рукопись первого варианта пьесы, к счастью, сохранилась. Правда, в ней не хватает финальных сцен. Третье действие не закончено. Но и в том виде, в каком пьеса «Дети дяди Тома» публикуется сегодня, несомненно, она будет интересна читателям. Свидетельство тому – глубокое изучение истории создания этого произведения молодыми учёными-филологами СГУ Михаилом Шеленком и Даниилом Рясовым. Их рецензия на пьесу представлена в журнале в качестве послесловия.

**Светлана Борисовна Дурнова,
дочь Бориса Фёдоровича Озёрного**

**Борис
ОЗЁРНЫЙ**

ДЕТИ ДЯДИ ТОМА

Пьеса в 3-х действиях, 5 картинах
по мотивам произведений Ричарда Райта

Действующие лица

САУЛ, старый негр.

ЛЮСИ, его жена.

БИГ-БОЙ } их дети.
ЛИЗИ }

ЛИСТЕР } товарищи Биг-Боя.
БОБ }

САНДЕРС } негры.
ДЖЕНКИНС }

ПИТЕРС, негр-староста.

УИЛЛ, сын Сандерса.

ТЕЙЛОР, пастор.

ДЖИММИ, его сын.

ХАДДЕЙ, руководитель коммунистической организации города.

ГРИН, негр-революционер.

МЭР.

БРУДЕН, начальник полиции.

ЛОУ, начальник охраны.

ДЖИМ, офицер, сын мистера Харвея.

БЕРТА, его жена.

ШЕРИФ.

ДЖОН, понятой.

1-й **ФЕРМЕР**.

2-й **ФЕРМЕР**.

3-й **ФЕРМЕР**.

4-й **ФЕРМЕР**.

5-й **ФЕРМЕР**.

6-й **ФЕРМЕР**.

1-я **ЖЕНЩИНА**.

2-я **ЖЕНЩИНА**.

1-й **БАНДИТ**.

2-й **БАНДИТ**.

3-й **БАНДИТ**.

Н А Р О Д.

ДЕЙСТВИЕ I

Картина 1

Зелёная лесная опушка. В левом углу сцены раскидистое дерево. На траве среди цветов сидят Биг-Бой, Боб и Листер.

Листер (*поёт*).

*Штанов не носит мать твоя,
При мне она стирала их,
В вине она стирала их
И вешала на крюк...*

Жалко, что я дальше слов не знаю.

Боб. Верно, жалко. Дойдешь до того места, как она их вешала на крюк, и точка.

Листер. А какие есть рифмы на «крюк»?

Боб. Люк.

Листер. Тюк.

Биг-Бой. Дрюк.

Листер (*хохоча катается по траве. Сквозь смех*). Биг-Бой, ты с ума спятил!

Биг-Бой. Почему спятил?

Листер. А что такое дрюк?

Биг-Бой. Дрюк – это дрюк.

Листер. Нет, Большой, что это за ответ: «Дрюк есть дрюк»? Ты скажи, что такое дрюк?

Биг-Бой. Я сказал. Дрюк – это есть дрюк. А песню нужно петь так:

*Штанов не носит мать твоя,
При мне она снимала их,
В вине она стирала их
И вешала на крюк,
А потом надела на дрюк.*

Листер и Боб повалились, хохоча, на траву.

Листер. Ты спятил, Большой!

Биг-Бой. Отстань!

Боб. А земля какая мягкая... как тюфяк. Кажется, никогда не ушёл бы отсюда. (*Щурясь на солнце.*) Солнце прямо насквозь проходит, все косточки греются.

Биг-Бой. Я тоже не ушёл бы отсюда, если бы здесь были кукурузные лепёшки. А сейчас я хочу есть.

Боб. А я поел бы грудинки пожирней, да с рёбрышками...

Листер. А потом бы пудинг из персиков, с подливкой.

Биг-Бой. А мне хотя бы кукурузных лепёшек.

Слышится шум проходящего вдалеке поезда.

Листер. Номер четвёртый пошёл.
Биг-Бой. На полном ходу.
Листер. На всех парах мчится на север. Эх, хорошо бы стать машинистом... *(Декламирует.)*

*Поезд идёт
Идёт, идёт, идёт...
Тот, кто поезд ведёт,
Тот не знает горя.*

Боб. Почему не знает?
Листер. А какое может быть у машиниста горе?
Боб. А может, он тоже негр?
Листер. Всё равно у него нет горя.

Биг-Бой храпит, притворяясь спящим.

Листер. Биг-Бой! *(Биг-Бой храпит, и Листер легонько пинает его ногой.)* Биг-Бой!

Биг-Бой *(порывисто садится).* Что?
Листер. У машиниста может быть горе?
Биг-Бой. Отвяжитесь от меня!
Боб *(бросившись на Биг-Боя).* Вали его, Листер!

Биг-Бой схватил его за руки.

Хватай его за руки, за руки!

Биг-Бой подставил Листеру ногу.

Садись ему на ноги, чтобы он не дёргался!

Они валят Биг-Боя на траву, Биг-Бой старается освободиться.

Вот ты попался нам, вот мы сейчас тебе!..

Биг-Бой. Я вот вам!
Листер. Попался, собачий сын!
Боб. Помоги мне, Листер, держать ему руки!

Биг-Бою удалось схватить Боба за шею, и он гнёт его к земле.

Биг-Бой. Я попался? Да?
Боб. Брось, Биг-Бой, ты меня задушишь, мне больно шею..
Биг-Бой. А ты меняпусти!
Боб. Я тебя не держу, тебя Листер держит.
Биг-Бой. А ты скажи ему, чтобы он меняпустил.
Боб. Пусти его, Листер!
Биг-Бой. Я задушю тебя, если Листер меня не отпустит сейчас же!
Боб. Листер, п-пусти, с-слезай с-с Биг-Боя. Он меня держит.
Листер. А ты его держи!
Боб. Он п-поймал меня з-за шею. *(К Биг-Бою.)* Пусти меня!

Листер. Хватай его за шею, Боб, я его щекотать буду.

Боб. Не могу, х-р, х-р, х-р... (*Биг-Бой выпускает Боба. Боб растирает шею.*) Большой, ты чуть не задушил меня!

Биг-Бой. В другой раз не то будет!

Листер. Если б Боб держал тебя, мы бы с тобой сладили.

Биг-Бой. Так я ему и дался! (*Поучительно.*) Понимаете, когда на тебя навалится целая ватага, нужно только ухватить одного и заставить его, чтобы он велел другим слезть... Понятно?

Листер. Это здорово! Это что, из твоего опыта?

Боб. Ты чуть не задушил меня, Большой.

Биг-Бой (*вытягивая грудь*). Я молодчина-негр!

Листер. Ну, негры, пошли купаться!

Боб. Идёмте!

Боб стремительно снимает с себя одежду, бросает её под дерево и убегает.

Биг-Бой. Я не пойду.

Листер. Почему не пойдёшь?

Биг-Бой. А зачем? Всё равно от этого не станешь белее.

Листер. Ну ладно ломаться, пойдём!

Биг-Бой. Я не хочу, чтоб меня линчевали. Если вы хотите этого – идите.

Листер. Ты с ума сошёл, Биг-Бой!

Биг-Бой. Нет. Вчера староста Питерс говорил, что мистер Харвей предупредил: если кто из чёрных будет купаться в его пруду, он станет линчевать без суда.

Листер. Он не посмеет этого сделать, Биг-Бой. Он просто пугает. Пошли!

Биг-Бой. Не пойду.

Листер. Как хочешь... (*Раздевается под тем же деревом и уходит.*)

Биг-Бой некоторое время лежит, потом встаёт, раздевается и уходит вслед за товарищами. Сцена пуста. Затем появляется женщина с букетом цветов. Она встала под деревом, мечтательно смотрит вдаль. Голос за сценой: «Берта, ау!» Женщина отвечает: «Ау!» Голос за сценой: «Я сейчас приду, только вот куропаток выслежу...»

В углу сцены появляется Листер. Увидев женщину, он присел в кусты. За сценой раздаётся голос Биг-Боя: «Я тебе задам перцу!» Листер машет рукой, показывая товарищам, чтобы они пригнулись и замолчали. К Листеру подползают Боб и Биг-Бой.

Боб (*шёпотом*). Что случилось?

Листер. Белая женщина.

Биг-Бой (*чесет затылок*). Вот так штука!

Боб. Как же мы возьмём одежду?

Биг-Бой. Давайте уйдём отсюда.

Листер. Нет, подождём, она уйдёт.

Биг-Бой. Ну давайте возьмём одежду и убежим.

Боб. Давайте.

Они пригнувшись, крадучись идут к дереву. Женщина некоторое время не замечает их. Когда ребята оказываются в четырёх шагах от дерева, она, заметив их, испуганно вскрикивает: «А-а-а!»

Листер. Мисс, мисс, мы только возьмём одежду и уйдём.

Биг-Бой идёт к дереву, чтобы взять одежду, женщина кричит: «Спасите, Джим!» В кустах появляется офицер в белом кителе. Листер пускается наутёк. Офицер, выбежав из кустов, стреляет в него. Листер падает. Биг-Бой и Боб стоят с одеждой в руках в оцепенении.

Офицер (*подбежав к женщине*). Что такое?

Женщина молча показывает на Биг-Боя и Боба. Офицер вскинул на Боба ружьё. Биг-Бой кидается на офицера. Они схватились. Боб кидается на шею офицеру и кусает его за ухо. Офицер, вскрикнув, выпускает из рук ружьё. Биг-Бой с ружьём отбегает в сторону. Офицер начинает душить Боба.

Офицер. Я вам покажу, чёрная сволочь!

Биг-Бой, подбежав к офицеру, бьёт его стволом ружья.
Офицер выпускает Боба.

Боб. Бежим скорее, Биг-Бой!

Офицер (*бросается к Биг-Бою*). Отдай ружьё, поганый!

Выстрел – офицер падает. Женщина, вскрикнув, падает в обморок.

Боб (*плачет*). Биг-Бой, ты убил его! Нас теперь линчуют.

Биг-Бой (*тяжело дыша*). Пойдём домой! Стой, давай оденемся.

Боб (*показывая на одежду Листера*). А куда это деть?

Биг-Бой. Оставь здесь.

Боб. Я боюсь, Биг-Бой, они нас линчуют! (*Рыдая, падает на траву.*)

Биг-Бой (*за руку поднимая Боба*). Пойдём!

Картина 2

Бедная негритянская квартира. У плиты возится Люси. Шатаясь и тяжело дыша, в дверь входит Биг-Бой.

Люси. Биг-Бой, что случилось?

Биг-Бой стоит, прислонившись к косяку, опустив голову.

Что случилось с тобой, Биг-Бой? Кто-нибудь обидел тебя?

Биг-Бой. Они поймают меня, мама!.. Поймают...

Люси. Что случилось, Биг-Бой? (*Обнимает его.*) Кто обидел тебя, мой милый?

Биг-Бой. Он убил Листера.

Люси. Убил? Кто?

Биг-Бой. Да, мама, застрелил.

Люси. Застрелил?

Биг-Бой. А я убил его, мама.

Люси. Что ты говоришь, Биг-Бой? *(Нежно.)* Ты сошёл с ума, мой мальчик?

Биг-Бой. Это правда, мама. Мы хотели взять одежду из-под дерева.

Люси. Я ничего не понимаю, Биг-Бой, какое дерево?

Биг-Бой. Мы купались, мама... А белая женщина...

Люси. Белая женщина?

Биг-Бой. Да. Она стояла у дерева.

Люси. Ах, какая беда! Так я и знала, что вы, мальчики, не угомонитесь, пока что-нибудь не натворите. *(Подбегает к двери.)* Лизи, дочка, иди сюда!

Лизи *(за сценой).* Что, мама? Мне некогда, я шью.

Люси. Придёшь ты или нет, когда тебя зовут?

Лизи *(появляясь в дверях).* Что случилось?

Люси. Где отец?

Лизи. У двора, должно быть.

Люси. Ступай, позови его скорей!

Лизи. Что случилось, мама?

Люси. Позови отца, говорят тебе!

Лизи убегает.

Биг-Бой, я думала, ты в школе. Почему ты не был в школе?

Биг-Бой. Мы пошли в лес.

Люси. Что же теперь делать?

Биг-Бой. Мама, не отдавай меня им, не отдавай!

В комнату входит Саул. Он смотрит внимательно сначала на Биг-Боя, потом на жену.

Саул. Что стряслось с Биг-Боем?

Люси. Саул, у Биг-Боя случилась беда с белыми людьми.

Саул. Что?

Люси. Ему нужно уехать отсюда.

Саул *(к Биг-Боя).* Да говори же, что случилось. *(Он запрокинул голову Биг-Боя, рассматривая царапины на лице.)*

Биг-Бой. Мы с Листером и Бобом ходили к пруду Харвея.

Люси. Это была белая женщина.

Саул. Да чего вы городите? Говори ясно, Биг-Бой!

Биг-Бой. Мы купались, а потом белая женщина пришла... Мы побежали за своей одеждой, чтобы уйти, а она стала кричать. Наша одежда лежала под деревом... У того самого, где женщина стояла... И когда мы пришли за ней, она стала кричать.

Саул. За кем пришли?

Биг-Бой. За одеждой, папа. Мы сказали, что нам нужно взять одежду. Понимаешь, она стояла совсем рядом с одежкой, а когда мы пришли за ней, она стала кричать. Ну, он и застрелил Листера.

Саул. Кто застрелил?

Биг-Бой. Белый.

Саул. Какой белый?

Биг-Бой. Не знаю, папа. Белый офицер, и у него было ружьё.

Саул. Дальше.

Биг-Бой. Он добежал до нас и хотел застрелить Боба. Я схватился за ружьё, и мы стали бороться. Боб прыгнул ему на спину. Он стал душить Боба. Тогда я ударил его ружьём. Тогда он бросился на меня, и я застрелил его. Потом мы убежали.

Саул. Кто видел?

Биг-Бой. Никто, кроме белой женщины.

Саул. Где Боб?

Биг-Бой. Пошёл домой.

Люси. Саул, что мы будем делать?

Саул (*в дверь*). Лизи, иди сюда! (*Входит Лизи.*) Лизи, беги к брату Сандерсу и скажи, что я его зову. И беги к брату Дженкинсу и скажи, что я его зову. И беги к старосте Питерсу и скажи, что я его зову. И больше никому ничего не говори. А потом приходи быстрее домой. Ступай!

Лизи уходит, мать плачет. Саул подходит к Биг-Бою.

Саул. Биг-Бой!

Биг-Бой. Да, папа.

Саул. Почему ты сегодня не пошёл в школу?

Биг-Бой. Мы пошли в лес.

Саул. Тебе мать сказала, что надо идти в школу?

Биг-Бой. Да, папа.

Саул. Почему же ты не пошёл в школу? (*Биг-Бой молчит.*) Долго женщина там стояла?

Биг-Бой. Нет, недолго.

Саул. Молодая?

Биг-Бой. Да, совсем молодая.

Саул. Вы ей что-нибудь говорили?

Биг-Бой. Мы ей только сказали, что нам нужно взять свою одежду.

Саул. Вы приставали к ней?

Биг-Бой. Нет, папа. Мы и не думали трогать её...

Старик, круто повернувшись, вышел из комнаты.

Мама, если я уйду, они поймают меня!

Люси. Отец сделает всё, что можно. Не волнуйся!

Вернулся Саул с дробовиком в руке. Стук в дверь.

Саул. Люси, посмотри, кто там.

Люси. Кто здесь?

Голос из-за двери. Я.

Люси. Кто?

Голос. Сандерс.

Люси. Входите, мы вас ждём.

Входит Сандерс.

Сандерс (*улыбаясь*). Вы посылали за мной, брат?

Саул. Брат Сандерс, у нас беда приключилась.

Сандерс Что такое?

Саул. Биг-Бой убил белого.

Сандерс (*остановился, подошёл ближе, вытянув голову, открыв рот, губы несколько раз дёрнулись, прежде чем он заговорил*). Белого?

Биг-Бой (*бросаясь к Сандерсу, рыдая*). Они убьют меня, дядя Сандерс!

Сандерс (*глядя голову Биг-Боя*). Ну, успокойся, мальчик, успокойся...

Биг-Бой. Они убьют меня, они линчуют меня!

Он повалился на пол. Старики подняли его, усадили на стул. Мать рыдающего Биг-Боя прижала к груди.

Сандерс. Ну, что будем делать?

Стук в дверь.

Саул (*подойдя к двери*). Кто?

Голос из-за двери. Я, Дженкинс.

Входят Дженкинс и Лизи.

Дженкинс. Здравствуйте, что у вас за пожар?

Саул. У нас беда, брат Дженкинс. Биг-Бой убил белого. Вы все должны помочь мне.

Лизи. Староста Питерс сказал, что сейчас придёт.

Дженкинс. Что решили делать?

Саул. Ещё ничего. Подождём старосту Питерса.

Биг-Бой. Папа,пусти меня! Я убегу.

Саул. Молчи, Биг-Бой, куда ты убежишь?

Биг-Бой. Я прыгну в поезд.

Дженкинс. Это верная смерть, Биг-Бой. Они обыщут все поезда.

Стук в дверь.

Лизи. Кто здесь?

Голос из-за двери. Откройте!

Все переглянулись. Саул взялся за дробовик. Лизи отошла от двери.

Дженкинс. Я открываю.

Распахивает дверь, входит староста Питерс. Саул идёт ему навстречу.

Саул. У нас беда, брат Питерс. Биг-Бой с Листером и Бобом пошли купаться в пруд Харвея...

Питерс. Да, негров Харвей не любит. Дальше...

Саул. ...Белая женщина подошла, а ребята хотели взять одежду, которую они оставили под деревом. Ну, она закричала, понимаете? Должно быть, подумала, что мальчики приставать будут. Тогда белый мужчина в военном застрелил Листера.

Питерс. Ой-ой-ой! Это сын Харвея.

Сандерс. Сын Харвея? Тот, что был в армии?

Питерс. Да. В газетах писали, что он приехал из полка в отпуск.
А женщина – это его жена.

Сандерс. Надо же этому случиться!..

Питерс. Дальше, брат Саул.

Саул. Биг-Бой застрелил его... Нельзя было иначе, тот застрелил бы Биг-Боя, если бы Биг-Бой не застрелил его.

Питерс. Когда же это случилось?

Саул. С добрый час назад, должно быть.

Питерс. Белые знают?

Саул. Не знаю.

Питерс. Надо сейчас же отправить мальчика отсюда!

Дженкинс. Может, спрятать его в церкви?

Питерс. Нет, брат Дженкинс, это не годится. Там его наверняка поймают. А если они найдут его в церкви, это нас всех погубит.

Сандерс. Слушайте, мой сын Уилл, который работает шофёром в «Магнолия экспресс компани», завтра утром везёт товар в город на грузовике. Если бы спрятать Биг-Боя где-нибудь до утра, можно было бы посадить его на грузовик.

Биг-Бой. Папа, пусти меня с Уиллом!

Саул (Сандерсу). Вы думаете, это неопасно?

Питерс. Это, пожалуй, единственное, что можно сделать.

Саул. А где его спрятать? (К Сандерсу.) В какое время выезжает ваш сын?

Сандерс. В шесть часов утра.

Биг-Бой. Папа, я знаю, где Уилл проезжает на грузовике – по Булард Род. Я спрячусь там... Там большие ямы. Я могу залезть в ямы и дожждаться Уилла. Пожалуйста, папа, отпусти, пока они не поймали меня. Пожалуйста, папа!

Питерс. Отпустите его, Саул. Лучшего не придумаем.

Саул. Люси, дай ему одеться.

Люси (обнимая Биг-Боя). Саул, они поймают его там, они линчуют его...

Питерс (оттаскивая её от Биг-Боя). Скорее, сестра, скорее! Если вы не пустите его и не дадите уйти отсюда, его поймают быстрее.

Люси (достав из сундука башмаки, подаёт их Биг-Боя. Достав из буфета кукурузную лепёшку, засовывает её Биг-Боя за комбинезон). Ну, иди, мой мальчик...

Биг-Бой (у двери). Скажите Бобу, где я. И скажите, чтоб он пришёл. (Убегает.)

Питерс. А теперь идёмте, чего доброго сюда нагрянет полиция. Я напишу письмо пастору, он нам поможет. Письмо передам Уиллу. (Уходят.)

Саул (в дверях). Люси, говори, что Биг-Бой не приходил домой.

Люси. Сын мой, мальчик мой... (Садится за стол, опустив голову, рыдает.)

Стук в дверь.

Люси (*сдерживая рыдания*). Кто здесь?

Голос из-за двери. Именем закона, откройте дверь!

Люси открывает. В комнату входят шериф и понятой Джон.

Шериф (*брезгливо*). Фу, и воняет здесь неграми! Чёрт возьми! Осмотрите, Джон!

Джон осматривает комнату.

Ну, ведьма, говори, где твой ублюдок! Я тебя заставлю развязать язык! (*Намахивается на неё.*)

Люси молчит.

Люси (*решительно*). Сэр! Мистер, вы слишком развязно держите себя, вы не имеете права!

Джон. Ну, тётушка...

Люси. Я вам не тётушка!

Шериф. Дерзить вздумала?

Люси. А вы, намахиваясь на беззащитную женщину, думали, что я буду молчать, просить милости?

Шериф (*подойдя к Люси*). Слушай, ты будешь жалеть о своих словах!

Люси. Мне всё равно, я не боюсь угроз!

Шериф (*схватив её за руку*). Ты у меня заговоришь по-другому!..

Люси сильно толкает шерифа, он падает. Люси распахивает дверь.

Люси. Вон из дома!

Шериф (*встав и закрыв дверь*). А вот мы и не уйдём! Мы заставим тебя сказать, где твой ублюдок!

Люси. Набрались храбрости, напали на старуху...

Шериф. Ну, довольно! Поговорила, и будет с тебя на сегодня. Где твой черномазый сынок?

Люси. А вам хочется знать?

Шериф. А тебе хочется быть битой?

Люси. Я ещё не видывала, сэр, чтобы вы брезговали, когда били негра.

Шериф бьёт её по щеке, она отлетает к стене, сползает на колени.

Так вы поступаете с неграми – люди, кричащие о культуре на всех перекрёстках! (*Медленно встаёт на ноги.*) Я ещё не видывала, сэр, чтобы вы брезговали, когда били негра, даже женщину, даже старуху!

Шериф снова ударил её, она пошатнулась, упала. Снова молча встаёт, по лицу текут струйки крови. Шериф намахивается на неё. Джон хватает его за руку.

Джон. Э, оставь её! Нам ведь нужен ублюдок...

Шериф. Где твой сын?

Люси. Не знаю.

Шериф. Ну, если мы его найдём, не быть ему живому!

Люси. Ну что ж, ведь вам не впервой убивать негра.

Шериф. Ох, задушил бы тебя своими руками!

Люси. А что вы можете делать другое?!

Шериф. У, чёрт! Не пора ли тебе помолчать!

Люси. Я знаю, когда мне нужно молчать. Вы думали, что опустела хижина старого дяди Тома... Нет, сэр, вы пришли в дом его детей. Мы не будем молчать и знаем, когда нужно молчать.

Шериф. Нет, ты не знаешь, когда нужно молчать... Я тебя научу!

Он с размаху бьёт её в висок, она падает.

Джон. Оставь её, нам нужно найти ублюдка!

Шериф. Ну, поговори ещё!..

Уходят. Люси лежит без сознания.

Занавес.

Картина 3

Ночь. Поле. Биг-Бой сидит на камне. Неподалёку от него стоит дерево.

Биг-Бой. Как медленно тянется время. И страшно. Что ж так долго Боб не идёт? Может, его нет уже в живых? Бедный маленький Боб! (*Срывает травинку, кладёт её в рот.*) Бедный Листер... Лежит он теперь мёртвый. Зачем я только обижал его? Теперь я больше никогда не буду драться! Вот если б не пошли купаться, ничего бы не было. А как мне не хотелось идти купаться! Сейчас спал бы дома, а завтра пошли бы в школу. Или надо было сидеть смиренно и ждать, когда уйдёт женщина. Ничего бы не случилось. А может, белый не стрелял бы... Нет, он, наверно, сказал бы: «А ну, идите отсюда, вам здесь не место!» А теперь их ищут, и если найдут, то поджарят бедного Биг-Боя, как курицу. У, страшно! Почему мне папа не дал дробовик? Тогда бы не было так страшно. А если бы меня нашли, я бы стрелял и стрелял... А потом в газетах, наверно, написали: «Линчевание – негр убил два десятка человек». А может быть, написали бы так: «Пойманный негр успел перед смертью застрелить два десятка человек». Неплохо, а? (*Приспально смотрит в поле.*) Где же Боб? Почему он долго не идёт? Ага, кто-то идёт... Нет, это не Боб, это много людей. (*Убегает.*)

Голос за сценой. Ау, Джон, как успехи?

На сцену выходит группа пьяных фермеров, среди них женщины.

1-й фермер. Я чертовски устал. Надо бы подкрепиться, Джон.

Джон. У меня ничего не осталось, кроме сала. Я всё выпил и съел. Но если есть у вас, я не откажусь ни от рюмки виски, ни от куска сала.

Фермеры рассаживаются кружком на камнях.

2-й фермер. Шесть часов бродим по полям, а результата нет. А жалко. Старик Харвей обещал тысячу долларов за каждого ублюдка.

3-й фермер. Мне вечером рассказывали, что Смит поймал одного негритёнка, собрался народ, уже было зажарить хотели, уже дегтём облили. Кто-то заступился, поклялся, что его весь день видели у церкви.

4-й фермер. Так и душу загубить можно понапрасну, хоть и негри-тянскую. Да и к ответу ещё притянут.

2-й фермер. Ну что ты, за негра – к ответу! За убитого негра, так же, как и за собаку, самое большее – можно отделаться штрафом.

Джон. За породистую собаку ответишь вдвойне больше, чем за негра. Попробуй-ка убить собаку у Харвея!

Голос за сценой. Ау, где вы?

1-й фермер. Идите сюда!

2-й фермер. Где ж их искать?

3-й фермер. И собаки не могут на след напасть.

2-й фермер. Всё равно найдём. От нас не уйдут!

Появляется 5-й фермер.

Видел кого-нибудь?

5-й фермер. Нет. А вы?

2-й фермер. Тоже нет. Как ты думаешь, они не уехали?

5-й фермер. Трудно сказать.

1-й фермер. Надо бы убить всех чёрных ублюдков во всей стране.

5-й фермер. Я был у Харвея. Берта пришла в себя. Говорит, их было человек двадцать, и главного зовут Бич-Боем или вроде этого.

Джон. Мы ходили к нему домой с шерифом.

5-й фермер. Ну, и что же?

Джон. Нет его там.

2-й фермер. Эти негры стоят друг за друга: никогда своего не выдадут.

Джон. Мы обыскали всю лачугу, а следа его не нашли. Шериф до полусмерти избил старуху, но узнать ничего не удалось. А потом мы лачугу подожгли.

4-й фермер. А старуха?

Джон. Одни угольки остались.

Голос за сценой. Ау, эй!..

1-й фермер. Идите сюда!

2-й фермер. Меня интересует, уехали они или нет?

3-й фермер. Нет, здесь где-нибудь.

5-й фермер. А может, и уехали.

3-й фермер. Я вам говорю: они ещё здесь, прячутся где-нибудь.

5-й фермер. Да мы всё обыскали.

3-й фермер. Вот чёрт!.. Нельзя, чтоб им это сошло.

2-й фермер. Нельзя. Если это им сойдёт, нашим женщинам из дому будет выйти страшно.

Появляется 6-й фермер.

5-й фермер. Что это у тебя?

6-й фермер. Подушка.

5-й фермер. На что она тебе?

6-й фермер. Перья, дурак.

2-й фермер. Ах, чёрт! Вот запалим!

5-й фермер. Старик Харвей обещал бочку дёгтя прислать.

1-й фермер. У меня в машине есть бензин, если понадобится.

2-й фермер (*вытисв рюмку, заперл*). «На всех яблонях повесим мы по чёрной образине...»

Вдали залаяла собака.

3-й фермер. Тише. Слышите собак? Когда они так лают, значит, они чувят что-нибудь.

Голос за сценой. Поймали, поймали!

Фермеры. Ага, поймали, поймали!

2-й фермер. Поймали, наконец поймали!

1-я женщина. Где он?

5-й фермер. Волокуют через холм.

6-й фермер. У меня верёвка есть.

2-й фермер. Эй, кто-нибудь, созовите всех!

2-я женщина. Говорят, Берта тоже придёт.

5-й фермер. Идёмте!

2-я женщина. Джек, Джек, не уходи без меня!

6-й фермер. Я первым хочу накинуть петлю на шею чёрному ублюдку.

2-й фермер. Разложим костёр. Хворост, хворост собирайте, женщины. (*Поёт.*) «На всех яблонях повесим мы по чёрной образине...»

Вспыхнуло пламя костра. Двое катят бочку, выкрикивая:
«Давайте помогите!»

6-й фермер. Вот перья, вот подушка...

2-й фермер. Давай помогай! (*Привязывает бочку.*) Держи другой конец. Хворосту, хворосту побольше! Давай твои перья.

Два фермера тащат Боба.

Сюда его, сюда! (*Поёт.*) «На всех яблонях повесим мы по чёрной образине...»

Боб поднялся, осмотрел людей, увидел костёр и упал.

2-й фермер. Живой ещё, черномазый, живой. Ну, давайте его привяжем!

5-й, 6-й, 1-й и 2-й фермеры привязывают его к дереву.

5-й фермер. Хворосту!

В костёр подбрасывают хворост.

2-й фермер. Пробку выбивай!

1-й фермер. Пойдите, я его бензином полью.

1-я женщина. Ах!

1-й фермер. Что такое?

2-й фермер. Женщина в обморок упала, дурно, должно быть.

1-й фермер. Ну, это пройдёт с ней.
2-й фермер. Шуруй быстрее, а то дождь пойдёт.
5-й фермер. Отойдите, отойдите!
6-й фермер. Женщин подальше от огня уведите.

Пламя больше и больше охватывает тело Боба.

2-й фермер. Дождь пошёл.
1-й фермер. Можно по домам двигаться.
5-й фермер. Пошли домой!
2-я женщина. Джек, подожди меня, здесь скользко.
1-й фермер. Пожалуйста, я подвезу вас на машине.

Темнота. Вдалеке многоголосая, нестройная песня: «На всех яблонях повесим мы по чёрной образине...» Тухнет костёр. Светлеет небо. Слышится шум мотора. Голос: «Биг-Бой, где ты?» Ответ: «А-а!..» Уилл втаскивает на сцену Биг-Боя.

Уилл. Где Боб?

Биг-Бой. Его сожгли живым. *(Теряет сознание.)*

Уилл *(подняв руки)*. У, изверги!

ДЕЙСТВИЕ II

Картина 4

Квартира негритянского пастора Дена Тейлора.
У стола сидят Тейлор и Саул.

Саул. Я вам очень многим обязан, пастор.

Тейлор. Я сделал всё, что мне велела совесть. А как вы, брат, поедете обратно?

Саул. Нет. Мне больше нечего делать там, пастор. Я вам рассказал всё, но одного не сказал: вместе с домом сгорела жена. Говорят, шериф, перед тем как поджечь дом, бил её страшно, бесчеловечно. Она была без сознания, когда подожгли, и так она сгорела.

Тейлор. Какое зверство!

Входит Джимми.

Джимми. Здравствуй, папа! Здравствуйте, дядя Саул. Почему Биг-Бой не заходит?

Саул. Крошка, мне стыдно говорить это, но Биг-Бой работает, чтобы прокормить меня и сестру.

Тейлор. Джимми! Беги и позови брата Хадлея и брата Грина. Скажи им, что я зову их.

Джимми. Хорошо, папа. *(Уходит.)*

Саул. Нет, я не поеду обратно. Я благодарен вам, пастор, я не могу вас просить, но прошу: помогите мне! Я не за себя прошу,

прошу за дочь Лизи, за Биг-Боя прошу, которого вы любите так же, как своего сына.

Тейлор. Хорошо, брат. Я сделаю всё, что в моих силах. Да, брат, скажите, чтобы Биг-Бой пришёл ко мне.

Саул. Я не знаю, как благодарить вас!

Тейлор. Полно, полно, брат.

Саул уходит.

Что же делать, что? Люди идут, просят у меня помощи, а я ничего не могу сделать. Обещая им, я обманываю их. Но ведь я и себя обманываю... (После раздумья.) Может быть, и правы Хадлей и Грин. Может быть, если устроить демонстрацию, белые испугаются и вернут хотя бы те права, которые были у негров после освобождения. Господи, мы помогли бы этим старым полям снова расцвести. Мы могли бы заставить их кормить нас. Плуги бы вспахали, мотыги бы взрыхлили землю, и руки собрали, и плечи перенесли бы снопы...

Стук в дверь

Войдите.

Входят Хадлей и Грин.

Хадлей. Как поживаете, пастор Тейлор?

Грин. Как поживаете, пастор?

Тейлор. Благодарю вас, садитесь.

Хадлей. Вы хотите нам что-нибудь сообщить?

Тейлор. Да. Я хочу вам сказать, что будьте осторожны со старостой Смесом. Он предатель. Мне передали, что Смес донёс в полицию о предстоящей демонстрации, и меня вызывает мэр города, вероятно, по этому вопросу. Будьте осторожны! Потому что если уж следят за мной, то за вами, наверно, следят вдвойне.

Грин. Закройте окна, Ден. Надо поговорить серьёзно.

Хадлей. Значит, сегодня вы пойдёте к мэру. Что вы ему станете говорить?

Тейлор. Мэр всегда был добр ко мне. Но я не думаю, чтобы этот разговор был приятным. Делегацию, которую мы посылали, мэр выгнал.

Грин. Они будут запугивать вас.

Хадлей. Будут говорить о своей доброте к вам.

Тейлор. Я надеюсь на Бога. А вот что сказать шерифу, об этом я и хотел с вами поговорить. Скажите, Хадлей, много народу послезавтра выйдет на демонстрацию?

Хадлей. Почему вы спрашиваете?

Тейлор. Когда я буду говорить с мэром, я должен знать, от лица кого я говорю. Нет смысла устраивать демонстрацию, если нас будет мало. Полиция перебьёт нас, только и всего.

Хадлей. Это зависит во многом от вас, пастор.

Тейлор. Почему от меня?

Хадлей. Дайте нам использовать ваше имя на листовках, и пять тысяч послезавтра выйдут на улицу.

Тейлор (*резко повернувшись к Хадлею*). Я уже говорил вам, что этого сделать нельзя! А вы опять о том же. Белые не должны знать, что я подстрекаю народ к выступлению. Не забывайте, что я пастор...

Грин. Но это ваш долг, пастор. Долг перед вашим народом.

Тейлор. Я исполняю свой долг, как указывает мне Господь.

Хадлей. Ладно, пастор. Вот как обстоит дело. Мы разбросали по городу пятнадцать тысяч листовок. Мы мобилизовали все наши правозащитные организации, которые сейчас ведут большую работу. Словом, мы сделали всё, что могли. Народ послезавтра выйдет на улицу. И чем больше будет народа, тем лучше. Если будет много народу, то нам нечего бояться полиции. Когда они увидят, что поднялся весь город, они побоятся затевать драку. Вас знают в городе все. В нашем городе все уважают вас – и чёрные, и белые. Если мы выпустим новые листовки с вашим именем...

Тейлор (*перебивая*). Не думайте, что я боюсь.

Грин. Мы этого и не думаем.

Тейлор. Будь дело только во мне – я бы не задумался. Но, видит Бог, я не могу посылать мой бедный народ в лапы полиции. Видит Бог, не могу!

Грин. Дорогой пастор! Я не понимаю вас, ведь вам приходилось делать кое-что и потруднее.

Тейлор. Я так буду поступать и впредь.

Хадлей (*раздражённо*). Ладно. От одного вашего слова зависит успех дела. Если демонстрация провалится – вы будете виноваты.

Тейлор. Бог вам судья, вы хотите всю вину свалить на меня.

Грин. Э, пастор! Зря вы это... все мы одинаково попали в перешиб. Нам надо либо отказаться от демонстрации, и пусть бедняки умирают с голоду, пусть нас жгут на кострах, линчуют без суда. Либо собрать всех и выйти на улицу. Если нас будет пять-шесть тысяч, полиция нас не тронет. Разрешите использовать ваше имя, и мы соберём всех негров...

Тейлор. Нет, брат Грин, не могу!

Хадлей. Значит, демонстрация будет разгромлена. Вы можете этому помешать! Вы отвечаете за это, и вы будете виноваты!

Тейлор. Нет, видит Бог, я не виноват! Я поступаю так, как велит мне сердце.

Хадлей. Почему вы не с нами? Вот я – белый, а борюсь и болею больше, чем вы за ваш народ.

Тейлор. Я с вами. Я с вами, как вы этого не понимаете?! Но я не могу сделать того, что требуете вы. Если белые узнают, что я призываю негров к демонстрации, я уж больше никогда ничего не смогу сделать для моего бедного народа.

Хадлей. Вот в этом-то всё дело, пастор. Вы боитесь, что они выгонят вас, если узнают, что вы боретесь за свой народ. Они возненавидят вас, если узнают, что вы вступили с ними в борьбу – вот. Это вас пугает. Но вы можете заставить их помочь всем неграм, а не только вам одному. Неужели вы не видите, Тейлор, что вы стоите между вашим народом и ими? Заставьте их сделать что-нибудь для нас всех, и все голодные бедняки – чёрные и белые – все будут с нами!

Тейлор. Я не могу призывать негров к борьбе против белых... Это война.

Хадлей (*подойдя вплотную к пастору*). Пастор, разве вы не видите, что пляшете под их дудку? Верите ли вы в то, что проповедуете, или вы повторяете то, что вам приказывают хозяева? Хороши будут у негров вожди, если их будут выбирать хозяева и будут учить, что им делать!

Тейлор. Я христианин. Я не могу проливать кровь.

Грин. Ладно, что же вы скажете мэру?

Тейлор. Я скажу им: негры голодают, они не хотят выступлений. Но если мои братья пойдут, я пойду с ними. Я скажу: они просят хлеба.

Хадлей. Пастор, почему раньше вы смело шли к белым и не просили, а требовали, когда защищали бедняков? Почему сейчас вы боитесь?

Тейлор. Тогда было иначе.

Грин. Вспомните, как вы спасли Скотта от линчевания.

Тейлор. Это было другое, брат Грин.

Хадлей. Я не вижу разницы. Вы спасли Скотту жизнь, теперь вы спасаете жизнь вашим прихожанам. Тогда вы спасли одного, а теперь надо спасать десять тысяч бедняков, которые иначе погибнут от голода.

Тейлор. Но им не угрожает линчевание.

Хадлей. А что же, чёрт возьми, им угрожает, по-вашему? Вся эта полиция с винтовками, с дубинками, которая запрудит завтра все улицы, что же это, как не узаконенный самосуд?

Тейлор. Я понимаю: это больше, чем линчевание.

Грин. Я не понимаю вас, пастор!

Тейлор. Когда я спасал Скотта, я шёл против кучки белых. Теперь надо идти против всех! Это слишком похоже на войну.

Хадлей. Вы хотите сказать: против тех, у кого деньги? Но подумайте: больше пяти тысяч белых бедняков будут с нами!

Тейлор. Брат Хадлей, у кого деньги – у того сила. Это будет гражданская война.

Хадлей. Пастор, неужели вы не понимаете, что они трусят. Иначе разве они стали бы вызывать вас? Ступайте и скажите им от лица десяти тысяч голодных города: если не будет помощи, мы выйдем на улицу, нас не удержит никакая сила!

Тейлор. Я не могу... Я не могу сказать им, что поднимаю против них негров. Я ведь говорил вам, когда согласился с вами работать, что буду идти с вами до тех пор, пока могу. Я говорил вам. А теперь вы приходите и требуете, чтобы я взбунтовал весь город. (*Встаёт.*) Я не сделаю этого!

Грин. Люди пухнут с голоду, пастор...

Тейлор. Это бунт, братья! Не этот путь нам указал Господь!

Хадлей (*после длительной паузы*). Ладно. Я не знал, что вы так смотрите на дело, пастор. Я думал, что мы можем на вас рассчитывать... А мы, вы знаете, всегда были за вас, когда что-нибудь случалось.

Тейлор. Я ничего не могу сделать...

Хадлей (*встав*). Мы хотим знать, что скажет вам мэр. Когда вас можно увидеть?

Тейлор. Сейчас шесть. Приходите с чёрного хода в одиннадцать...
Хадлей. Пойдём, Грин.

Тейлор, проводив их до двери, подходит к окну, открывает шторы, нервно барабанит пальцами по стеклу.

Тейлор. Я знал, что так будет, я чувствовал... Надо идти к мэру, надо скорее с этим покончить! Господи, помоги мне, Господи!

Шумно вбегает Джимми.

Джимми. Папа, на машине приехал мэр, с ним начальник полиции и ещё кое-кто.

Тейлор (*торопливо*). Уходи отсюда, сынок, быстрее.

Джимми убегает.

Господи, помоги мне, уповаю на Твое милосердие.

Садится за стол. В комнату без стука входят мэр, начальник полиции Бруден и начальник охраны Лоу.

Мэр (*ласково*). Здравствуй, Ден!

Тейлор (*идёт навстречу*). Добрый вечер, сэр!

Мэр. Как поживаешь, Ден?

Тейлор. С Божией помощью, сэр! (*Пожимает руку.*) Садитесь, милости прошу!

Мэр. Давненько мы с тобой не видались, Ден.

Тейлор. Да, сэр, давно.

Мэр. Ну, как сын?

Тейлор. Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

Мэр. Воспитай его как следует, Ден, он может стать большим человеком среди негров. Он у тебя славный мальчик.

Тейлор. Я только и живу этой надеждой.

Мэр. Мне передавали, что ты болен.

Тейлор. Пустяки, летняя лихорадка.

Мэр. Если б я знал, что ты болен, Ден, я б не стал тебя беспокоить.

Тейлор. Благодарю вас, сэр, мне уже лучше.

Мэр. Ну, ты живо с этим справишься, Ден. Чтобы доконать таких старых буйволов, как мы с тобой, нужно что-нибудь похлеще, чем летняя лихорадка. А как ты думаешь, Ден?

Тейлор. Я ещё надеюсь пожить немного, с Божией помощью, сэр.

Мэр. Да-да, ты выглядишь молодцом! Вот, Ден, я хочу познакомиться тебя с начальником полиции Бруденом. Это, Ден – Бруден, тот самый, о котором я тебе говорил.

Тейлор. Как вы поживаете, мистер Бруден?

Бруден. Хорошо.

Мэр. А это, Ден, мистер Лоу – начальник нашей доблестной войсковой охраны.

Тейлор. Как вы поживаете, сэр?

Лоу (*не поворачивая головы*). Молитвами.

Мэр. А ведь, пожалуй, наше посещение для тебя маленький сюрприз, что ты скажешь, Ден?

Тейлор. Да, сэр. Правда, я не ожидал. Но я всегда рад быть вам полезен, сэр.

Мэр. Прекрасно. Я знаю, ты старик хороший. Вот что, Ден, ты должен нам помочь. Ты самый уважаемый человек в приходе, поэтому мы к тебе и приехали.

Тейлор. Я стараюсь исполнить свой долг, как велит мне Господь, сэр.

Мэр (*хлопнув по коленке Тейлора*). Прекрасно сказано, Ден! Я буду говорить с тобой откровенно. (*Мэр снял обёртку с сигары.*) Кури, Ден!

Тейлор взял сигару, положил её в жилетный карман.

Тейлор. Спасибо, сэр! Я выкурю её после обеда.

Мэр. Ден! Ни с одним негром я не стал бы говорить так, как с тобой. Ни одному негру я не стал бы оказывать такое доверие. Я делаю это потому, что полагаюсь на тебя. Я знаю тебя двадцать пять лет, Ден. И я всегда хорошо относился к тебе, а?

Тейлор. Я не могу пожаловаться, сэр. Благодарю вас.

Мэр. У мистера Лоу и мистера Брудена был другой план. Но я не хочу слышать об этом. Я сказал им, что я буду действовать по-своему. Я думаю, так будет лучше. Ведь мы всегда были с тобой друзьями, Ден, и я не вижу, почему бы нам не быть ими и теперь. Я частенько стоял за тебя, Ден. Я стоял за тебя даже тогда, когда другие белые были против этого. Я считаю, что всегда надо поступать по справедливости. Так ведь, Ден?

Тейлор. Да, сэр.

Мэр. Я готов опять сделать для тебя то, что я делал раньше. Ты помнишь Скотта, Ден?

Тейлор. Да, сэр. Вы нам всегда помогали.

Мэр. Ладно, Ден. И мои двери открыты для тебя, если тебе или твоим неграм понадобится моя помощь.

Тейлор. Видит Бог, я вам очень благодарен.

Мэр (*затянувшись сигарой*). Ты знаешь, Ден, что красные хотят устроить послезавтра демонстрацию?

Тейлор. Да, сэр, я слышу об этом со всех концов.

Мэр. Скверное дело, Ден.

Тейлор. Народ говорит об этом повсюду.

Бруден (*нрфывая*). Какой такой народ?

Тейлор. Да все говорят, сэр.

Бруден. Слушай, заруби себе на носу: красные – не народ. Это вшивые собачьи ублюдки, которые хотят погубить страну. Они натравливают белых и негров друг на друга. Пора бы тебе это понять!

Лоу. Он тебе дело говорит, старик.

Мэр. Стойте-стойте, в чём дело! Что это вам набрело на ум нападать на Дена? Он не путается с красными, поберегите эти слова для других негров.

Бруден (*не обращая внимания на мэра*). Чем скорее вы вобьёте в свои дубовые головы, что вам нужно подальше держаться от этих красных, тем лучше для вас.

Мэр. Хватит, хватит, Ден это понимает, не правда ли, Ден?

Тейлор. Да, сэр. Это правильно – то, что вы говорите. Я понимаю, но я никогда не связывался с теми, кто натравливает негров на белых... Нет, сэр, никогда я этого не делал и делать не стану. Бог мне свидетель. А демонстрация? Да, я слышал о ней. Уже целую неделю говорят о ней везде и повсюду. Вот что я вам скажу, сэр. Негры голодают. Они пойдут на демонстрацию потому, что не знают, что им делать. И видит Бог, это правда, сэр, они голодают. Они просто-напросто умирают с голоду. Я отдал сегодня последние десять центов женщине, у которой восемь детей.

Бруден. Все голодают.

Лоу. Разве ты не видишь, что мы все в таком положении?!

Мэр. Скоро всё наладится. Ден, мы позаботимся, чтобы не было голодных.

Тейлор. Простите, сэр. Но только вчера у нас негр умер от голода.

Бруден (*к мэру – язвительно*). Похоже, что он вам не очень-то верит, а?

Тейлор. Нет-нет, сэр! Я не спорю с вами, сэр. Я подумал только, что, может быть, вы не слышали.

Бруден. Мы всё это отлично знаем. (*Отвернувшись к окну.*) Чего бунтовщики хотят добиться этим выступлением?

Тейлор. Они думают, что им дадут хлеба.

Лоу (*злобно*). Чёрта лысого им дадут!

Мэр (*после паузы*). Я не понимаю, почему мы не можем поладить, Ден?

Тейлор. Право же, сэр, я готов.

Мэр. Ден. Вот мы все живём здесь. На нашем добром старом Юге. В нашем городе двадцать пять тысяч жителей, и из них десять тысяч – негры. Это твой народ, Ден. Мы следим за порядком среди белых, а ты, нам кажется, как раз такой человек, который мог бы навести порядок среди негров. Давай поможем друг другу, Ден! Ты лучше нас знаешь негров. Нам бы хотелось на тебя положиться. Почему ты не хочешь взглянуть на дело по-настоящему? Ты знаешь, что я всегда поддержу тебя, если ты поступаешь так, как нужно.

Тейлор. Видит Бог, сэр, я говорю правду. Негры голодают, негры умирают с голоду. Я поступаю так, как нужно.

Бруден. Ты поступаешь не так, как нужно, а как паршивая собака!

Мэр. Негры верят тебе, они всё сделают так, как ты им скажешь.

Лоу. От тебя требуется немного, старик, подумай.

Тейлор. Господь Бог мне свидетель: люди голодают! Я не могу идти против совести, ибо это грешно.

Мэр (*раздражённо*). Послушай, Ден. Я понимаю тебя. Мы все чувствуем то же самое. Белые тоже голодают. Но нужно быть благо-разумным, Ден. Негры считают тебя своим вождём, ты пользуешься большим влиянием. (*Бьёт себя в грудь.*) Я помог тебе приобрести это влияние. Сотни раз я оказывал через тебя поддержку неграм, когда ты приходил ко мне в мэрию просить за них. (*Глядя на Брудена.*)

Теперь я требую употребить своё влияние: уговори негров отказаться от выступления.

Тейлор. Я глубоко благодарен вам, сэр, за всё, что вы сделали для меня и для всех негров. Но мои слова теперь их уже не остановят, сэр. Они будут просить у меня хлеба, а мне нечего им дать. Они голодают, а мне негде взять еды для них. И они не станут меня слушать, и они пойдут!

Мэр. Ты имеешь на них влияние, Ден, и ты должен его использовать.

Тейлор. Они не стали бы устраивать демонстрацию, если у них была бы работа и не было голода.

Лоу (*резко встав*). Это всё болтовня!

Мэр. Не горячитесь, Лоу.

Лоу. Я не стану сидеть тут и слушать, как эта чёрная сволочь в глаза издевается надо мной!

Тейлор (*встал*). Мне очень жаль, сэр...

Лоу (*перебивая*). Тебе ещё придётся пожалеть об этом, когда тебе накинут верёвку на шею.

Мэр (*к Лоу*). Ну-ну, ты уж очень!.. (*К Тейлору.*) Ты ведь не отказываешься поговорить с неграми?

Тейлор. Мне нечего им сказать, сэр.

Мэр. Смотри, Ден, ты дурно поступаешь!

Тейлор. Бог будет мне судьёй, сэр.

Бруден. Сначала судьями будем мы, а потом уже Бог.

Тейлор. Я уповаю на Бога.

Лоу. Советую тебе Ему хорошенько помолиться, чёртов негр!

Тейлор (*встав*). Выслушайте меня, белые люди. Мы не можем обрабатывать землю – это запрещено законом! Мы не можем получить работу... Что ж нам делать? Мы не хотим беспорядков.

Бруден. А сами их затеваете.

Мэр. Я сделал всё, что мог, Ден. Ты не хотел послушаться моего совета, а теперь слово за мистером Бруденом и мистером Лоу.

Бруден (*повысив голос, мэру*). Негр – всегда негр. Я был против того, чтобы приходиться сюда, толковать с этим негром, точно он белый человек, будто какая важная птица! Зубы ему повышибать нужно, а не разговаривать с ним! Я начальник полиции в этом городе (*подойдя к Тейлору*) и должен поддерживать здесь порядок! Торговая палата требует, чтобы не было никаких выступлений. (*Тычет в нос Тейлора сигарой.*) Утром в городе будет триста полисменов – они наведут порядок. Если ты пошлешь туда своих негров, если ты дашь красной сволочи одурачить их этой демонстрацией, я не отвечаю за последствия! У нас никогда не было беспорядков в городе – теперь вам захотелось попробовать. Вы ещё узнаете, почём продаётся ваше желание!

Тейлор (*к мэру*). Но не можете ли вы хоть немного помочь голодным?

Мэр отвернулся.

Лоу (*подойдя вплотную к Тейлору*). Мы знаем, что у тебя в доме бывают Хадлей и Грин. Мы знаем всё, что здесь творится. Побереги свою шкуру, негр!

Поворачивается и уходит вслед за Бруденом и мэром. Тейлор хватает его за руку. Лоу с силой толкает его. Тейлор падает навзничь. Потом медленно встаёт, садится за стол, рыдает. Входит Джимми.

Джимми. Папа, ты что плачешь?

Тейлор. Ничего, сынок.

Джимми. Там, внизу, тебя ждут трое белых.

Тейлор. Пусть они пройдут сюда.

Джимми. Они сказали, чтобы ты обязательно вышел, папа.

Тейлор. Ну, посиди. (*Уходит.*)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

Картина 5

Лесная поляна, через которую проходит дорога.

Двое около избитого, окровавленного Тейлора.

На дороге автомобиль, около которого стоит третий бандит.

2-й бандит (*отойдя к дереву*). О'кей! Давай его сюда!

Пинками, силой они подтащили Тейлора к дереву.

На колени, негр! (*Удар плетью.*)

1-й бандит. Стой смирно! (*Они связали ему руки в обхват дерева.*)

Ну, негр, говори, что ты знаешь?

Тейлор. Ничего, сэр.

2-й бандит. Ты, кажется, пастор, а?

Тейлор. Да, сэр.

2-й бандит. Ну-ка, помолись немножко, послушаем, как ты молишься.

Тейлор молчит. Удар плетью.

2-й бандит. Молись, чёрная сволочь, чёрт тебя подери!

Тейлор (*повернув к ним лицо, умоляя*). Ради Бога, сэр, не бейте меня! Я ничего не сделал...

1-й бандит. Ты ничего не сделал? (*Удар по лицу.*) Ты ничего не сделал! (*Удар.*)

2-й бандит. Хорошенько задай чёрной собаке, Боб. (*Удар.*) Дай-ка я стегану.

1-й бандит. Нет, подожди. (*Удар.*) Будешь ты молиться? (*Удар.*) Ты дождёшься, что я изобью тебя так, что уже не сможешь молиться... Молись!

2-й бандит. Дай-ка плеть, Боб. Теперь моя очередь. (*Берёт плеть, наотмашь бьёт Тейлора.*) Будешь молиться? (*Удар.*) Будешь молиться? (*Удар.*) Будешь молиться? (*Удар.*)

Тейлор. Я-а-а б-б-буду м-м-молиться... (*Он открыл рот, вбизая воздух.*)

2-й бандит. Молись же, чёрт тебя побери! (*Удар.*) Будешь молиться?

Тейлор. Д-да, буду.

2-й бандит. Молись!

Тейлор. О-о-отче н-н-наш... (*Плеть резанула по спине.*) Смилуйся, Господи!

2-й бандит. Молись, негр, читай свою молитву!

Тейлор. И-и-иже еси на н-н-небесах... Д-д-да с-с-святится Имя Твое... (*Удар.*) Я м-м-молюсь, сэр.

2-й бандит. Будь ты проклят, чёрная скотина! Молись!

Тейлор. ...Д-д-да придет царствие Т-т-твое... Д-д-да б-б-будет в-в-воля Т-т-твоя... (*Удар плетью, ещё и ещё.*) О-о-о...

2-й бандит. Что с тобой? Тебе больно, негр? Ничего, потерпи! Мы сегодня отпустим твою паршивую душу на покаяние Богу.

Тейлор. Хорошо, убейте меня! Ну, убейте меня, трусливый, проклятый сброд!.. Убейте меня!

2-й бандит. А ты долго держишься, ничего, потерпи! Христос терпел, негр. Мы убьём тебя, чёрная собака. (*Удар.*)

1-й бандит. Дай-ка плеть!

2-й бандит. Нет-нет, сейчас я. (*Удар.*)

Тейлор. Мы ещё доберёмся до вас, негодяи! Подождите, мы ещё доберёмся до вас...

1-й бандит. Ну-ка, поговори ещё, сволочь! (*Удар.*)

3-й бандит. Машины близко!

Бандиты торопливо садятся в машину, уезжают. Через некоторое время появляется вторая машина, из которой выходят Грин с тремя неграми. Грин подбегает к Тейлору, перерезает верёвку, голову Тейлора осторожно кладёт на колени.

Грин. Едва успели. Опоздай мы на полчаса, пастора не было бы в живых. Воды дайте!

Негр из машины подаёт флягу. Грин достаёт из кармана платок, мочит его водой, оттирает окровавленное лицо Тейлора. Тейлор стонет. Грин вливает ему в рот воду. Тейлор открывает глаза.

Пастор, пастор!

Тейлор (*схватив за руку Грина*). Брат Грин, вы правы... Да храни вас Бог в вашем справедливом протесте!

Подготовили текст к публикации –
Михаил Шеленок и Даниил Рясов,
преподаватели СГУ,
специалисты по отечественной драматургии

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАБЫТОЙ ПЬЕСЕ БОРИСА ОЗЁРНОГО

В сознании современного читателя имя Бориса Озёрного связано прежде всего с проникновенной поэзией, посвящённой родному Саратовскому краю и волжским просторам. Однако его художественное

наследие оказалось многогранным. Озёрный-драматург – это настоящее открытие, позволяющее по-новому взглянуть на творчество нашего земляка и оценить его по достоинству.

Пьеса «Дети дяди Тома», сохраняющая свою актуальность и сегодня, была написана Озёрным в 1941 году. Предполагалась *радиопостановка*. Литературной основой послужил одноимённый сборник новелл афроамериканского писателя Ричарда Райта. Появившаяся в 1938 году книга была оперативно переведена на русский язык и опубликована в журнале «Интернациональная литература» (1938. № 7. С. 3–85). При этом она включала в себя четыре самостоятельные повести: «Биг-Бой покидает дом», «На берегу реки», «Тучи и пламя» и «Утренняя звезда».

Тексты Райта были тепло приняты читателями и критиками. Год спустя «Дети дяди Тома» вышли отдельной книгой в государственном издательстве «Художественная литература». Разумеется, Борис Озёрный мог узнать о произведениях Ричарда Райта из многочисленных рецензий, помещённых в советских журналах и газетах. Темы неравенства и угнетения народа, ярко представленные американским автором, глубоко тронули поэта. Теперь мы можем сказать, что писатель в своей работе опирался на перевод из «Интернациональной литературы».

Драматург смело комбинирует части разных новелл Райта, ищет собственный подход к проблеме, и это видно уже в самом начале текста. Внешний конфликт произведения сложен и включает в себя ряд социально-политических проблем (национальный конфликт, межклассовая борьба) и нравственных вопросов (проблема человеческой свободы, счастья, незащищённости детства и вопрос о культурном развитии цивилизованного общества). Вместе с тем намечается внутренний конфликт – проблема выбора и самоопределения.

Первое действие начинается с комического эпизода – весёлого ребячества трёх подростков-афроамериканцев Биг-Боя, Боба и Листера. Однако уже в одном из первых диалогов звучит (ещё пока в полусерьёзном тоне) вопрос о возможности свободы и счастья у представителей цветной расы в условиях американской цивилизации. Автор вводит оригинальные, исполненные горькой иронией реплики, отражающие понимание чернокожими своего тяжкого положения: *«Листер. А какое может быть у машиниста горе? // Боб. А может, он тоже негр?»*

Через трагических событий прослеживается с эпизода, когда искупавшиеся, вопреки запретам, в пруду местного богача герои, пытаясь забрать свою одежду, пугают жену хозяйского сына – «белого» офицера. Последний прибегает на крик супруги и стреляет в одного из ребят, Листера (у Ричарда Райта – Лестера). Подобная замена имени героя вызывает большой интерес. Предположим, что здесь может быть намёк на личность испанского коммуниста и командира Энрике Листера. В советской прессе второй половины тридцатых годов весьма широко освещалась гражданская война в Испании. Интересно, что в том же номере «Интернациональной литературы», где был напечатан текст Райта, находился ещё и целый раздел, посвя-

щённый этому противостоянию. Вполне допустима следующая аналогия: погибший мальчик сравнивается с борцом за свободу, а убивший его «белый» офицер – соответственно с солдатом армии Франсиско Франко.

В результате схватки Биг-Бой случайно убивает обидчика, что усугубляет конфликт между «белым» и «чёрным» населением: теперь первые жаждут ответной крови – бичевания и линчевания не только «виновника», но и всех представителей его расы. В начале 3-й картины юноша произносит монолог – это его попытка ответить на гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Произошедшие события стали для него первым *большим* испытанием, после которого Биг-Бой – «большой мальчик» – должен стать мужчиной, «большим парнем», и по-взрослому (по-мужски) решить проблему. В пьесе друзья нередко так и обращаются к нему – «*Большой*», чего не было в оригинальной повести. Автор не случайно даёт своему герою такое имя: физически крепко развитый (*большой*), но по-детски наивно и трогательно переживающий трагедию (*мальчик*), – это вызывает не столько сочувствие, сколько жалость к нему. Кроме того, здесь проявляется тема маленького человека: придя домой, молодой парень в слезах падает на пол на глазах у родных. Он оказывается бессильным что-то изменить, и путь к спасению только один – бегство.

Мостиком от истории Биг-Боя к рассказу о пасторе Тейлоре, основанному на новелле «Тучи и пламя», служит диалог последнего с его отцом Саулом, который отсутствовал в указанном тексте Райта. Согласно версии Озёрного, Тейлор помог юноше и его семье. Таким образом, именно Биг-Бой становится как бы связующим звеном всей пьесы.

Всё второе действие и начало третьего посвящены внутренней борьбе пастора: принимать ли ему участие в демонстрации протестующих (среди которых «белые» и «чёрные» выступают в союзе). Тейлор сомневается в необходимости демонстрации, надеясь на то, что все вопросы можно решить мирной беседой с правящей элитой. Однако после разговора с хитрым, двуличным мэром и безнравственными начальниками правоохранительных и силовых структур, пережив жестокое избиение и унижение, пастор благословляет лидеров стачки на открытое выступление и борьбу. Таким образом, автор показывает разрешение внутреннего конфликта – вопроса, заданного Тейлором самому себе: возможны ли радикальные действия в том случае, когда власти не слышат голоса народа: «*Брат, Грин, вы правы... Да храни вас Бог в вашем справедливом протесте!*» В пьесе именно Грин спасает Тейлора от бандитов и неминуемой гибели. У Райта несчастный приходит в себя без посторонней помощи и узнаёт, что Грин вместе с соратником распустили слух о побеге священника. Герои Озёрного действуют более сплочённо.

Примечательно, что, несмотря на шаблонно-упрощённые портреты многих действующих лиц, характеры представителей угнетаемого и угнетающего слоёв населения прописаны по-разному. Угнетатели «белые» представлены как лишённые морали мерзавцы, их цивилизованность выглядит мнимой. Они чаще всего действуют напрямую угро-

зами, сопровождающимися потоками оскорбительной брани, и жестокими силовыми методами. Только мэру отводится роль дипломата-игрока, готового убивать с благожелательной улыбкой на лице. Этим он вызывает отвращение даже больше, чем шериф, начальник полиции, начальник охраны. «Стадо» звероподобных пьяниц-фермеров у Озёрного ещё хуже, чем у Райта. Если в повести «Биг-Бой покидает дом» люди всего лишь пару раз напевали песню *«На всех яблонях повесим мы по чёрной образине...»*, то в пьесе она превращается в жуткий рефрен, повторяющийся целых пять раз, обнажая всю сущность угнетателей.

Им противопоставлены Биг-Бой, пастор Тейлор и их близкое окружение. Каждый из темнокожих героев готов вступить за друга или брата, но – не нападать, а защищаться, избегая при возможности любого кровопролития. Каждый из них задаётся вопросом: можно ли отнимать человеческую жизнь?

Очевидна разница и между женскими персонажами. «Белые» женщины показаны как трусливые дурочки, реплики которых сводятся исключительно к крикам, вздохам и восклицаниям: «Спасите!» Образ темнокожей женщины прописан более ярко. Мать Биг-Боя Люси – смелая, отважная героиня, готовая отстаивать свою точку зрения и бороться за семью. Отметим, именно ей автор отдаёт обличительный монолог, который она произносит вопреки побоям и выкрикам шерифа. Сцена общения Люси с шерифом основана на фрагменте из «Утренней звезды». Там представитель закона пытается выяснить у старой Сю, где находится её сын – молодой чернокожий коммунист Джонни-Бой, и узнать информацию о митинге, организатором которого он является. Рассказ о тётушке Сю прекрасно ложится на историю о судьбе Биг-Боя, и читателю/слушателю демонстрируется яркий образ матери-героини: *«Вы думали, что опустела хижина старого дяди Тома... Нет, сэр, вы пришли в дом его детей. Мы не будем молчать и знаем, когда нужно молчать»*. Так автор объясняет название своего произведения и подчёркивает, что времена рабской покорности остались позади.

К сожалению, пьеса так и осталась незаконченной. Благодаря книге Райта мы можем предположить, что она, скорее всего, завершилась бы грандиозным митингом под предводительством Тейлора (что и произошло в самой повести «Тучи и пламя»). Не исключено, что на собрании мог появиться и возмужавший Биг-Бой, готовый для больших дел.

Несмотря на определённую стандартизацию сюжетных ходов, схематическое изображение большинства действующих лиц, пьеса воспринимается живо и обладает сценическим потенциалом (в большей степени даже кинематографическим). В заключение отметим, что у Бориса Озёрного получилось оригинальное произведение, расширяющее наше представление о творческом наследии саратовского автора.

Даниил Рясков,
Михаил Шеленок

**Василий
Курышов**

ЗАПИСКИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Продолжение (начало в №9-10 2016)

ДНЕВНИК ШКОЛЬНИКА

1936 ГОД

АВГУСТ

13 августа. Приехал из Москвы к вечеру. Провёл время в Москве следующим образом.

13 июля ходил с Виктором Г. в центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Я несколько разочаровался в парке. Я представлял его как парк, т.е. так: площадь, обсаженная деревьями, с дорожками между ними, лавками. Но увидел там деревья на очень небольшом участке, да и то там они не представляют ничего замечательного – высокие, так что зелень есть только вверху, а внизу голое место. К тому же деревья расположены на склоне бугра. В остальном же парк мне понравился. Особенно хороши там цветники. Как они искусно сделаны! В парке вполне можно развлечься. Там можно и на каруселях с качелями покататься, и вниз головой полетать, посмотретья в различные зеркала, можно сходить в цирк или кино и т.д. Есть где попить и поесть.

Мы ходили в кино, смотрели звуковую картину «Новые времена», которое мне понравилось, хотя я не совсем его разобрал, т.к. сидел далеко от экрана.

16 июля смотрел кино «Цирк». О нём можно сказать то же, что о «Новых временах». Потом ходил ещё два раза в кино.

19 июля читал статью С. Натасона «Солнечное затмение 19 июня 1936 года» в журнале «Вестник знания». При чтении у меня возник вопрос: почему тень от Земли и Луны конусообразная? Решение вопроса отложил до приезда в Карабулак. Но уже и при чтении у меня сложилось решение – сначала одно, а потом ещё два. Эти решения следующие.

Свет я сравнил с быстро движущимся воздухом. Быстро движущийся воздух, встречая на своём пути тело, в частности, круглое, раздробляется на множество струек, которые обтекают тело, сходятся вместе, благодаря быстроте движения, на некотором расстоянии от тела. Между точкой соединения струи воздуха и обтекаемого тела образуется более или менее разреженное пространство.

Я сравнил небесное тело с магнитом, который, действуя на световой луч притягивающе, отклоняет его от своего пути и сводит его вместе с другими лучами, которые и образуют конус. То, что после небольшого тела теневого конуса часто не образуется, я, применяя приведённые соображения, объяснил следующим образом: поскольку притяжение маленького тела очень мало, то и отклонение светового луча очень незначительно.

Первое решение вопроса после некоторого размышления я отбросил – ведь свет движется не целым потоком, не струями, как воздух, а волнообразно.

Наконец, я напал на следующую мысль.

Солнце размером больше планет. Лучи света, идя от крайних точек поверхности Солнца к планете, пересекаются, сходятся вместе на некотором расстоянии от планеты, образуя конус за планетой, лишённый света.

На этом последнем решении я и остановился. Такое же решение я нашёл и в учебнике по физике.

30 июля прочитал книгу М. Каземи «Страшный Тегеран» – три части. Книга мне понравилась. Читал книгу и сторал от ненависти и презрения к привилегированным негодьям. Негодья находятся в полном довольстве, а прекрасные личности погибают. До чего скверные также и стремления чиновников к карьере, которой они достигают путём устройства различных подлостей, ценой гибели других лиц, часто близких, жён и дочерей.

В августе смотрел цветной звуковой кинофильм «Соловей-соловушка». Кино мне очень понравилось.

Ходил два раза в зоосад. Я позавидовал москвичам, для которых обитатели зоопарка служат «наглядным пособием» при изучении зоологии. А мы, провинциалы, видим животных только на страницах книг.

Посетил планетарий. Слушал лекцию «Возможна ли жизнь на планетах». Я зачарованно смотрел на звёздное небо, на пути Солнца и орбиты планет. И опять я очень позавидовал москвичам. В Москве можно многому научиться только благодаря посещению различных культурных заведений.

Был в Метрополитене. Хорошо там устроено! И удобно.

Всех денег в Москве я израсходовал около 26 руб. Из них на книги и журналы – 23 руб. 60 коп.

19 августа. Решил сделать себе радио. Если бы материал был, в частности, провода, то я бы сделал его сам, но у меня нет почти ничего. И я решил всё купить, но так как на помощь родителей рассчитывать не приходится (жалованье отца – 80 руб., на хлеб-то едва хватает), я решил сам помаленьку копить деньги. Сейчас у меня 9 руб. – дали в Москве на дорогу – поесть, но я, решив провести радио, ничего не покупал, кроме бутылки ситро, и ел только булку, купленную в Москве.

24 августа. Метеорологические наблюдения я делаю с 1933 года, хотя я их часто и прерывал. Сегодня хочу по своим метеорологическим наблюдениям сравнить помесячно годы: 1933, 1934, 1935, 1936-й.

26 августа. Расстреляли троцкистско-зиновьевскую банду. Когда вели суд над террористами, я решил, что их нужно уничтожить, но я не верил (почему, не знаю), что их приговорят к расстрелу. Но сегодня, прочитав в газете, что 16 контрреволюционеров расстреляли, я очень обрадовался этому. «Вот это здорово! Так их и нужно», – подумал я. Да и в самом деле, что с ними можно сделать иное, как не уничтожить? Не отпускать же их на волю, чтобы они ещё больше напакостили в стране.

28 августа. Ходили в школу, чтобы узнать расположение своих классов, мест и расписание на 1 сентября. Я очень боялся, что если я опоздаю в школу, то надлежащего места мне – у доски – не останется, но всё прошло благополучно.

Но этот год, наверное, придётся мне быть без друга, если не придут подходящие для меня новички, т.к. Ануфриев уехал учиться в Саратов. А плохо будет без друга при моей отчуждённости!

СЕНТЯБРЬ

3 сентября. Мы пустили на квартиру Чиркова Александра. Он поступил на работу киномехаником. За квартиру обязался платить 20 руб. в месяц – с нашим отоплением.

ОКТАБРЬ

13 октября. Сегодня в Доме культуры состоится 6-й районный съезд Советов. В честь съезда мы, 14 учащихся средней школы, совершили поход в противогазах. Вышли в половине десятого утра из школы и пошли в Л. Ниловку, из неё по железной дороге в Хватовку. Оттуда пришли в 13 часов.

Отдохнув примерно час в здании станции, мы пошли обратно в противогазах через Адоевщину в Карабулак. Но, выйдя из Хватовки, мы сняли противогазы и шли почти до Завьяловки без них. Потом опять надели и шли до Дома культуры, где их сняли и разошлись по домам. Поход был трудный. Мы почти все были не подготовлены для ходьбы в противогазах, в том числе и я, шли первый раз. Кроме того, было очень холодно, был снег с ветром. Поход организован плохо. Ни ячейка ОСО, ни комсомольская организация Карабулака не договорились о встрече нас в Хватовке, в результате чего нам пришлось отдыхать в здании станции и, кроме того, пришлось самим покупать на свои деньги хлеб (8 кг), чтобы утолить голод. В пути шли (хотя и трудно было идти) быстро, почти не отдыхая, и наиболее слабые участники похода отставали, да и другие под конец чуть двигали ногами, а опять-таки не остановились на отдых, т.к. впереди шёл наиболее старший из нас (19 лет) и наиболее сильный – Белов И., который не обращал внимания на других и смеялся над слабыми.

Сначала, почти до половины дня, я шёл в числе первых, но потом, устав, не стал тягаться со старшими и шёл не очень торопясь, отстав от первых примерно метров на 20–30. И то после меня ещё один шёл,

отстав. Но под конец каким-то образом отставшие от меня подтянулись, и последним оказался я. Но я не старался догнать передних, зная, что всё равно они подождут меня. Но и не очень торопясь, я чрезвычайно устал, так что готов был сесть на дороге.

15 октября. Вчера я находился как бы в болезненном состоянии: очень болел зуб (разбередил коркой в Хватовке) и мёрз. Сегодня тоже мёрз, но меньше.

Сегодня дал нам, всем участникам похода, председатель первичной ячейки в школе Мажирин А. по 10 патронов мелкокалиберных каждому.

16 октября. Взял мелкокалиберную винтовку в школе и стрелял впервые в своей жизни из оружия. Стрелял на дворе на расстоянии 10 метров от мишени для 25 метров. Стрелял без очков и два раза попал в «1» и «3». Надев очки, очень неудобные для меня (но всё же я в них лучше видел, без очков же я не видел мушку), я три раза попал в яблоко: 1 раз стоя – в центр, и два раза – ближе к краям; из одного патрона выстрелил в синичку, но не попал; четыре патрона отдал А. Чиркову – он бьёт не лучше меня, хотя и служил в армии.

НОЯБРЬ

1 ноября. Сдавали я и ещё четыре человека оsovиахимовцев нормы на ПВХО. Я думал, что не сдам, т.к. не всё знал, что нужно. Но всё-таки сдал. Значки обещали выдать к Октябрьским дням.

5 ноября. Прочитал книги: Львов «Как родилась Земля» (цена 1 руб.), Б. К. Шишкин «Как составлять гербарий» (цена 50 коп.), и Н. И. Болдырев «Юный натуралист» (цена 3 руб. 25 коп.) Мне очень понравилась первая книга, т.к. из неё я узнал некоторые не известные мне дотолё, но очень интересные сведения о Вселенной, как, например, то, что наша Земля находится у оси галактической системы.

10 ноября. Сегодня получил значок «Готов к ПВХО». Оказывается, значки дают за деньги: каждый значок вместе с разрешением его носить стоит 3 руб. 7 коп. А я думал, что их дают так. Деньги взял из своих сбережений на радио. Осталось всего 5 руб. Неужели не сделаю радио? А сделать нужно.

14 ноября. На собрании первичной ячейки ОСО меня выбрали секретарём ячейки.

22 ноября. Прочитал книгу Шалвы Сослани «Новый сад» (цена 4 руб.) и Джека Лондона «Белый клык» (цена 6 руб.). Первая не очень хорошая, но мне всё-таки понравилась.

Читал о богатстве растительности Колхиды, самому захотелось побывать там. Но Паустовский о той же Колхиде пишет лучше, увлекательнее, хотя и не так подробно. Я думаю ещё, что Ш. Сослани не смог отобразить главного: процесса развития и проведения осушительных работ и построения новой жизни. Возможно, что подробный рассказ об этом не входил в планы автора, но из-за отсутствия этого от произведения получено неполное впечатление.

Вторая книга мне понравилась. Автор смог написать так, что я, читая роман, испытывал те же переживания, что и волк – Белый Клык. Я очень возмущен отношением к волку Красавчика Смита, радовался освобождению Белого Клыка из неволи, сопереживал волку, при этом у меня чуть слёзы ни выступили. Но в этом романе,

я думаю, слишком много романтического, выдуманного. Сегодня решил, что в библиотеке больше не буду брать подобных книг, кроме тех, которые будем прорабатывать.

ДЕКАБРЬ

29 декабря. Недели две тому назад отец с одним пожарным были отряжены от пожарной команды в Вольск для закупки хлеба. Он привёз печёного хлеба, и мы получили 18 караваев. Теперь ни мать, ни отец не стоят в очереди за хлебом. Какая радость! А прежде? Вспомнить даже неприятно. Уже месяца два перебой в поставке хлеба. Ржаного привозят очень мало, а на калаче не проживёшь. Чтобы ухватить ржаного, некоторые (большинство) стремятся занять очередь часов с двух или даже с часа. Ждут до 8 часов утра; некоторые, заняв очередь, идут спать. Всё же, как рано ни встань, всем хлеба не достанется. Впоследствии милиция не давала делать очереди часов до шести. Как жаль смотреть на толпу у ларьков! Народ мёрзнет на морозе и на ветру, ругается, иногда дело доходит до драки, некоторые женщины, прижатые напирющими людьми, плачут. Одно-го нашего знакомого даже покалечили: он находился уже у двери лавки, когда толпа сильно нажала, и у него от сильного нажатия о дверь лопнуло два ребра, он упал, но по нему, словно по постороннему предмету, всё-таки шли люди. В борьбе за пищу люди делаются животными, стремятся добыть её кто силой, кто наглостью. До чего большинство – и подавляющее – людей, не организовано, до чего люди себялюбивы, даже смотреть на таких противно. По-моему, чтобы исправить хлебные затруднения, следовало бы, во-первых, покупателям сознавать не только своё положение, но и других, т. е. стоять в очереди там, где тебе пришлось. Брать хлеба столько, сколько тебе хватит на день. Конечно, они это делают для того, чтобы меньше страдать, стоя в очередях, но ведь другие без хлеба больше страдают. Во-вторых, честно действовать продавцам, давая всем поровну и не пряча хлеб под прилавком. Если бы все придерживались подобных принципов, то, я думаю, положение бы улучшилось.

30 декабря. Начались каникулы. Распустили до 10 января. В каникулы думаю сделать что-нибудь из моделей.

22 декабря 1936 года умер один из моих любимейших писателей – Н. А. Островский. Очень его жаль. Ведь человек был какой замечательный! Мне кажется, что, если бы я знал, что будущая моя жизнь была бы не только не полезной, но даже вредной, я сейчас же бы согласился на то, чтобы умереть с условием, если бы остался жив Островский. Ведь он, пожалуй, сделал бы ещё много полезного для общества.

...Чем-то благословит меня 1937 год?

1937 ГОД ЯНВАРЬ

10 января. Я сделал опыт с бионизацией семян: намочил, как говорилось в книге, в течение одного часа семена фасоли в растворе NaCl и в воде, посадил их. Результат опыта у меня получился обратный указаниям книги: намоченные в воде взошли ранее намоченных

в NaCl, из которых одно семя не взошло – было подъедено, а два других были значительно хуже намоченных в воде.

ФЕВРАЛЬ

7 февраля. Давно не записывал свои мысли. Сегодня решил записать.

6 января 1937 года производилась всесоюзная перепись населения. При переписи я сказал, что в Бога не верю. Но на самом деле я пока ещё в Него верю, но верю в существование не поповского, а более или менее другого. За последнее время у меня возникла особая мысль о Боге.

Под действием школы и книг у меня выработалась способность для всех явлений задавать вопросы «как» и «почему»? И в этом случае, веря в Бога, я задался вопросом: как он произошёл? Я не нашёл ответа на этот вопрос в религиозных книгах, и у меня на него сложился свой ответ, который состоит в следующем. Бог – это высшее творение природы, которое произошло таким же образом, как и человек: пройдя сложный эволюционный путь, он из простейшего организма превратился в сложнейшее существо. Ведь кто знает, не препятствуй человеку развиваться, он, очень возможно, через миллионы лет станет таким развитым существом, что ему настоящий человек будет казаться ничтожеством. Так, возможно, и с Богом. Этих «богов», возможно, где-нибудь в межзвёздном пространстве, на какой-нибудь планете было много. Со временем на этой планете жизнь их стала невозможной, они стали переселяться на другие «земли», попали частью к нам, на Землю, стали властвовать над Землёй, над её жизнью, как мы властвуем над остальным животным миром; как-то втолковали в ум человека идею о существовании Бога, возможно, чтобы задержать умственное развитие людей.

В Бога меня заставляет верить и то, что у всех народов, хоть ранее они были оторваны друг от друга, возникали мысли о Боге и о Христе.

Если бы кто на все приведённые мною затруднения дал исчерпывающий ответ, то вера в Бога во мне значительно пошатнулась бы, а возможно, и совсем упала бы. Но во мне и сейчас уже есть противоречия. Веря в Бога, я не верю в чёрта и ему подобное. Лучше б было, если бы религии в таком виде, в каком она есть, совсем не было бы. Тысячу раз прав Ленин, говоря, что религия – враг радости. Действительно, эти самые посты, страх перед Богом связывают душу человека, его деятельность. А как много вреда принесла церковь в средневековье, когда она уничтожала лучшие умы человечества! Если бы в мире был социализм, хотя бы 100 лет тому назад, то как бы далеко мы ушли вперёд!

14 февраля. Нынешний год очень труден не только в отношении хлеба (мука на базаре стоит: ржаная – 40 руб. пуд., чечевичная – 27 руб. пуд), но и в отношении кормов для скотины: воз сена (хватит на корову на две недели) стоит 150 рублей, картофель – 13 рублей пуд.

19 февраля. Сегодня в школе слышал, что умер Орджоникидзе. Меня даже поразило, что он умер. Ведь не стар он ещё. Очень жаль. Старые, испытанные большевики постепенно уходят.

27 февраля. Прочитал книгу Ф. Купера «Зверобой» (цена 1 руб. 50 коп.); начал вчера. Хотя книга очень занимательная и читал я её почти без отрыва, но она во мне оставила очень неприятное впечатление, и я сейчас нахожусь в каком-то подавленном состоянии духа. Это настроение мне сообщилось, главным образом, душевной трагедией Юдифь. Я полюбил её за правду, за искренность, за ум. Мне чрезвычайно хотелось, чтобы на ней женился Зверобой. Замечательное было бы у них потомство. Отказ от неё Зверобой, её горе я испытывал словно своё горе (хотя я и не знаю ещё того чувства, которое испытывают в таких случаях). Моё чувство усилила и последняя страница, когда я узнал, что Юдифь, наверное, всё-таки находится в руках презираемого ею (по крайней мере, прежде) человека. Про Юдифь я думал: «Вот такую бы мне подругу, а в будущем жену». Но такие люди бывают, видно, только в романах.

Не в меньшей степени мне понравился Зверобой за свою честность, ум, и я чрезвычайно сожалел о его равнодушии к женщинам, из-за которого он упустил Юдифь.

Я очень возмущён привычками, привитыми «цивилизаторами» не только индейцам, но и белым: охотой за людьми, скальпированием. Ценным в этой книге я считаю то, что она знакомит с начальным этапом колонизации Америки. Потом, образы Зверобой, Юдифь способствуют развитию нравственности. Хочется им подражать. В общем, мне книга понравилась очень.

МАРТ

4 марта. Прочитал книгу В. Шмерлинга «Мичурин» (цена 3 руб. 25 коп.) плюс перевод – 90 коп. Написана книга, можно сказать, плохо, можно было бы описать такую жизнь, как у Мичурина, значительно лучше.

23 марта. Распустили на каникулы до 1 апреля.

АПРЕЛЬ

4 апреля. С хлебом стало ещё хуже. Очередь за хлебом у ларьков занимают уже с раннего вечера. Иногда холодно, скверная погода, а люди стоят, томятся у ларьков. Жаль даже смотреть на людей. В борьбе за хлеб люди совсем теряют совесть: ругают друг друга почём зря, каждый живёт лишь только для себя, на других ему наплевать, лишь бы самому достать хлеба, для чего он ищет всевозможные средства – кто чем богат: и силой, и обманом, и наглостью. Те, кому хлеба не досталось, ходят злые, у них все виноваты: и государственный строй, и односельчане, и та же томившаяся очередь. А пожалуй, они и правы. Ведь не будь у людей индивидуальности, думай они не только о себе, дело бы пошло лучше. Но всё же колхозникам хлеба дали совсем недостаточно для пропитания, и все кидаются на хлебные магазины. Главным образом, думаю, виновата засуха этого года. Уродилось-то мало, а правительству отдали хлеба как полагается. Это, пожалуй, малость похоже на теорию Троцкого, который прежде советовал как можно больше грабить крестьянство.

И ещё. В городах хлеба вдоволь. Хоть бы оттуда разрешали его вывозить. Однажды это наладилось было, и в результате у лавок

никого не было, хлеб, если он был, получали значительно свободнее. Но недавно запретили ездить в город за хлебом, его отбирают, везущего штрафуют, и – как следствие этого – положение ухудшилось. Не лучше было бы хоть немного уравновесить город с деревней?

Недавно смотрел кино «Удар на удар». В начале фильма рассказывается, как радостно живёт Белоруссия. Не верится. Взятые, по всей вероятности, одна-две сценки, да и то сделаны искусственно. Из окружающего вижу. Конечно, не везде как у нас. Но, думаю, немногим лучше.

У нас ещё много бедно живущих, иные ходят в лохмотьях. Сердце болит глядеть на таких. Ведь значительно приятнее смотреть на красиво одетых. И когда же это мы будем прекрасно жить? По всей вероятности, далеко не скоро. А очень жаль, что это прекрасное будущее, если и придёт, то поздно. Хоть бы дожить до него, а верно, и не доживёшь.

24 апреля. Починил швейную машину матери. Машина давно была испорчена: рвала нитку и путала петли. Вчера я решил починить её, а для этого изучить её. Я её вчера разобрал тайком почти всю, а затем собрал. Сегодня же я изучил метод шитья машины. Оказалось, что у неё несколько опущен нитеводитель (оттого она и путала петли). Разрывание же ниток я устранил путём поворота. Своей починке я радовался как дитя, получившее игрушку, от мысли, что я сделал полезное дело. А до этого машину несколько раз носили чинить механику, но она не шила, и матери приходилось ходить что-либо шить в люди.

МАЙ

6 мая. Отца сняли с должности пожарного за то, что он бессознательно надорвал лошадь при пашне, желая её «промять» (а до этого она казалась больной). Он поступил на работу в «Кожсиндикат»: оклад – 80 рублей.

21 мая. Начались испытания. Сегодня сдавали русский язык письменно. Сдал на «отлично».

Расписание испытаний: 21 мая – русский язык (письменно), 24 мая – история, 27 мая – алгебра (письменно), 29 мая – алгебра (устно), 1 июня – химия, 3 июня – геометрия (письменно), 8 июня – литература (письменно), 11 июня – тригонометрия, 14 июня – русский и литература, 17 июня – физика, 19 июня – немецкий язык.

ИЮНЬ

3 июня. Срезался сегодня на геометрии на письменной. Хоть и простая сравнительно была задача, хотя и громоздкая, но я её не решил и отдал листок чистым. Конечно, получу «очень плохо». Первая такая отметка за весь год. Досадно. А ведь я считался по геометрии одним из лучших учеников. Но досадно, главным образом, то, что я в школе просидел 4–5 часов над этой задачей и не решил, между тем как дома быстро нашёл с первого же момента правильный путь и решил её. А ведь я на геометрию больше всего надеялся, т. к. знаю её хорошо и люблю, и по любимому предмету срезался! Скверно. Если послезавтрашний день не выручит, придётся сдавать осенью.

5 июня. Сдал по геометрии на «хор». Математичка сказала, что поставит годовую или «хор», или «пос».

12 июня. Сегодня расстреляли Тухачевского, Эйдмана и ряд других, уличённых в предательстве СССР. Это известие произвело на меня очень скверное впечатление. Ещё не испытывал я такого удара, какой произвело предательство Тухачевского и Гамарника, особенно первого. Ведь предателями оказались такие блестящие полководцы, не так-то легко будет заменить их другими. Некоторые ещё стремятся защитить таких людей, например, мой товарищ Мажирин А. после самоубийства Гамарника возмущался тем, что никто не соболзнует по случаю его смерти, говоря, что «ведь он имеет большие заслуги перед СССР, должны были бы закрепить память о нём».

13 июня. Сегодня ночью застрелился в лесу Белов И. Причины следующие. Незадолго до этого он в Алексеевке сломал стул, порвал плакат, расколол графин и ещё что-то. Дело на него передали в Карабулак. Здесь пригрозили «пятилеткой», да ещё дома дали нагоняй. И в любовном отношении у него были неполадки. Глупо поступил, очень. Ещё неизвестно, что ему было бы за его хулиганство. Во всяком случае, много лучше было бы отсидеть, нежели стреляться. По-моему, нужно сначала человечеству принести наибольшую пользу, какую только можешь, а потом уже, когда будет ясно, что ты бесполезен, можно будет отправляться «в могилёвскую губернию». А так как такой момент вряд ли может быть, то, стало быть, надо умирать естественной смертью. Меня чрезвычайно удручила смерть Иосифа: после того, как я узнал о самоубийстве его, долго не мог войти в нормальную колею.

24 июня. Вчера получил аттестат. Отметки следующие: «Русский язык – «отлично», литература – «отлично», алгебра – «хорошо», геометрия – «хорошо», тригонометрия – «хорошо», история – «хорошо», физика – «хорошо», химия – «отлично», геология – «отлично», немецкий язык – «хорошо», черчение – «пос», дисциплина – «отлично».

После раздачи аттестатов был вечер, который был всё-таки хорошим: угощение составляли булки с сыром и ещё намазанные чем-то сладким, несколько конфет, печений, пирожки, чай, немного пива (1–2 стакана), кроме того, для приглашённых у учителей было вино красное. Пели песни, потом танцевали, плясали, играли на двух баянах. Сегодня фотографировались, после чего директор угостил мороженым, сходили в школу, где закусили оставшимися булками, и пошли в лес опять сниматься.

ИЮЛЬ

2 июля. В настоящий момент я испытываю большие колебания. Среднюю школу я окончил. Можно поступать в ВУЗ, но, чтобы туда попасть, нужно знать то, что требуется по программе приёмных испытаний. Вот тут-то и беда: многое, как мне кажется, не знаю и подготовиться в оставшееся время не смогу (чувствую). Если бы ещё посидеть в 10-м классе... На это я согласился бы. Плохо от этого не было бы для меня, а наоборот, я смог бы более глубоко усвоить материал. Но этому препятствуют материальные условия: отец получает 80 рублей в месяц, приработков нет. Если ещё год здесь учить-

ся – это значит сидеть на шее родителей. Нет, уж лучше по сильнее позаниматься и постараться поступить в институт.

15 июля. Сегодняшняя газета мне принесла большое удовлетворение. Во-первых, я прочитал, что второй рейс из СССР в Америку близится к концу и проходит очень счастливо, благополучно. При первом перелёте я очень радовался совершённому, а теперь – ещё больше. Возникает гордость за наших лётчиков, за нашу страну, в которой есть такие славные люди и такие прекрасные машины, как «АНТ-25». Я чувствую величайшее уважение к лётчикам-героям, особенно к Громову. Во-вторых, меня обрадовало сообщение об успешных боевых действиях республиканцев на мадридском фронте. Теперь можно надеяться, что республиканцы одержат победу. А то я было потерял на это надежду. Вот, думаю, победят мятежники на бискайском фронте, тогда, перебросив силы с севера к Мадриду, им легче будет воевать и у столицы, что может иметь прескверные результаты. Но теперь-то, пожалуй, получится наоборот.

27 июля. Сегодня получил письмо от своего друга Хорошина. Всегда я был рад его письмам, а теперь – особенно. На этот раз письмо его получилось значительно интереснее, нежели прежние, и сравнительно объёмистее (6 листов – это для него большой труд!). Обычно он очень ленится писать письма (да и я тоже) и пишет всегда полторы-две страницы, но на этот раз он несколько не ленился и, видимо, писал своё письмо с увлечением. Причина тому довольно основательная, а именно: любовные дела.

Вот краткое содержание письма: Витя в конце весенних каникул влюбился в какую-то Валю Панфёрову, познакомился с ней, но в конце испытаний вдруг появился юный композитор Ковалёв, за которым девочки «гузом», к тому же сам повеса. Валя влюбилась в Ковалёва, а тот интересуется другой. Витя приревновал Валю, решил ей отомстить, рассказал об отношении к ней К. Та расстроилась, Витя же злорадствовал про себя, но, «придя домой... еле удержался от слёз». Он раскаивался в совершённом им поступке. Через 2–3 дня Валя стала склоняться на сторону Вити, но Витя оплошал: он всё ей рассказал о своём поступке и всё поворотил против себя. До отъезда Вали (25 июля) из Вольска они были лишь товарищами. «И в памяти о ней остались только песни, которые она пела...»

Сразу видно, что Витя отъездом Вали удручён.

Дальше Витя сообщает ещё один эпизод. На ту же тему. Вот он. «21 июля я был дома. Приходит З. Конкова. «Идём, – говорит, – со мной на базар, а то мне тяжело». Ну, пошли: она с сумочкой, я с корзиночкой. Она и говорит: «Мы с тобой как муж с женой». «Да, похоже». Идём домой. Дорогой Зоя мне и говорит: «А ты согласился бы быть моим мужем?» Я от неожиданности даже растерялся. Что ты будешь делать с бабами! Вот уж сморозила так сморозила! Подумав, отвечаю: «Рано ещё...»

Интересные же у него дела! Хотя и друзья мы с ним, но в этом отношении мы с ним антагонисты. У меня и следа нет таких взаимоотношений с девочками, и надеюсь, долго их не будет, а может быть, и не будет совсем. Причина этого – застенчивость. Вот, предполо-

жим, девушка увлечётся мной (такое было). Как ей это поведать мне, если я ни с кем и никогда ещё не говорил о любви, и кто знает, как я приму её признание? Тогда ей будет очень неприятно.

Я с девушками разговариваю только о том, что совершенно не может привести к любовному разговору. Как здесь дать почувствовать, что есть в тебе? Взглядами? Пробовали, но я хоть и прекрасно видел, но взаимностью не отвечал, и обладательница взглядов уже не повторяла их.

Правда, мне иногда какая-нибудь девушка начинала нравиться. Но сразу же я старался вообразить то положение, если у нас с ней будут взаимные отношения. И мне казалось, что так или иначе, а свяжет она меня, а я привык быть независимым ни от кого. Кроме того, все девушки, которых я начинал любить, потом вселяли в меня какое-то смутное, не понимаемое мною ощущение, под действием которого во мне возникает чувство, близкое к отвращению к девушкам, которое отталкивает от меня их. И в результате всего этого я опять холостяк чистый. Хорошо было бы ещё лет до 30 не испытать любви. По крайней мере, спокойно бы выучился, окончил ВУЗ, а после, пока молодой, попутешествовал бы. А то, если придётся жениться, уже не так волен будешь. Жив буду, постараюсь сделать, как думаю.

Мечты, мечты... Редко бывает так, как заранее думаешь. Правда, воплощается задуманное, когда его выполняет не один человек, а целый народ. Для множества никакая беда не опасна, почти ничто не является препятствием. Другое дело для одиночки: случись что-нибудь непредвиденное – и всё полетит вверх тормашками. Или хотя бы может служить краху моих планов, если с течением времени у меня изменятся в корне взгляды (а это очень возможно). Взять хотя бы тот факт, что в умственном отношении я, каким был года 2–3 тому назад, по сравнению с теперешним «я», кажусь настоящим дураком. И в дальнейшем, возможно, мои мечты окажутся неприемлемыми. Думаю, что, пока ум развивается, нет постоянных, твёрдых идеалов.

Задала же Валя работы не только Вите, но и мне: никогда столько не писал, сколько сейчас.

29 июля. Сегодня часов в 6 была очень сильная гроза. По силе грома это первая такая гроза за лето. Удар был какой-то особенный: словно полотнище вдруг разорвали. Я, хоть и не боюсь грома (молнию боюсь), но от удара грома даже подскочил (лежал). Говорят, будто бы двух девушек в лесу убило и кого-то оглушило.

Я грозу чрезвычайно люблю. Какой уж дождь без грозы! То ли дело, если он идёт с грозой. Гроза как будто приукрашивает пасмурную погоду, делается как будто веселее. Кроме того, гроза в меня вселяет какое-то уважение к ней: до чего она мощна бывает, какой силы разряды происходят!

30 июля. Сегодня еду в Саратов держать приёмные испытания в СХИ. К испытаниям, хоть и не основательно, подготовился. Кое-что, правда, очень слабо, но надеюсь ещё в институте подготовиться. Сдам ли? Мало верится.

Почему я иду в СХИ? Очень люблю я растения. Также люблю я и технику, и, тем более, геологию. Но растения почему-то более

сильно меня притягивают, чем другое. Кроме того, этому способствует то, что «под рукой» нет института по некоторым другим отраслям (например, геологического). Думаю быть селекционером.

...Как выяснилось, молния была шарового вида. Шар вошёл в дверь больницы, прошёл через комнату и вылетел через окно. На дороге рядом с больницей он встретил трёх женщин, из которых одна несла ведро, к которому он притянулся будто бы и, разорвавшись, одну убил, а двух оглушил.

Как видно, действительность совсем не сходится с тем, что говорили раньше. Я несколько случаев такого перевертывания действительно знаю. Вот те, которые сейчас пришли на ум.

Недавно один наш знакомый нечаянно очень серьёзно порезался ножом. Лёг в больницу. В этот же день отцу сказали, что Н.И. сам себя зарезал. На следующий день приходит на дом к Н.И. их родственница и говорит его жене: «Что это у вас произошло?» «Что?» – спрашивает жена. «Да как же, люди вон говорят, что Н. напился пьяным, пришёл домой и, т.к. у вас нечего есть, сидите голодными, взял да и зарезался».

А вот следующее. 18 августа в Саратове, в День авиации, на аэродроме спустили на парашюте собаку. В этот же день я ездил в город и в трамвае слышал: женщина говорила, что на парашюте, как ей сказали, спустили... лошадь. И кто это мог дойти до такого абсурда?! Хоть бы немного подумали о том, вообще возможно ли совершить спуск лошади на обыкновенном парашюте и можно ли поместить лошадь на простом двухместном самолёте (а великанов-то в Саратове не было)? И кто это находит какой интерес во вранье?

Скоро ль мы все перестанем заниматься болтовнёй, сплетнями? А очень следовало бы поскорее, т.к. сплетни иногда очень много вреда приносят.

МОЙ САРАТОВСКИЙ ДНЕВНИК

АВГУСТ

2 августа. Вчера сдал письменную математику. Из данных пяти задач я решил три, одну перепутал и одну не решил. Решил её только сегодня, хоть и поздно, но всё-таки решил – ещё ни одной такой задачи по геометрии не было за этот год, которую бы я, взявшись решать, не решил бы, т.к. я люблю геометрические задачи.

Я совсем разочаровался в городской жизни. Трудно жить деревенскому человеку в городской обстановке. А ведь я перед этим с нетерпением сюда стремился. Не знал жизнь города. Теперь же с любовью вспоминаю о доме. Благодать-то там какая, простор, свобода! А здесь везде для тебя как бы границы какие установлены. В общем, чувствуешь то, что не можешь передать словами.словно тесно мне здесь как-то. В деревне всё почти своё, по крайней мере, из овощей, корнеплодов, всё свежее. Захотел я огурцов, помидоров и т.п. – я иду на огород и выбираю лучшее, свежее, прямо с куста. Захочу молока – слезу в погреб, выну свежего, холодного. Или взять воду. Чета ли

наша вода этой, городской? Здесь и вода какая-то тёплая, да ещё чем-то отзывается, против нашей – холодной, чистой, безо всякого запаха. Здесь за каждой малостью, за каждым пустяком приходится идти в магазин, в ларёк, да ещё и в очереди почти всегда постоишь, а и купишь, то такое... Уж во всяком случае не сравнить с тем, что я могу взять дома. Видно, во мне заложена крестьянская душа.

У меня теперь возникла такая мысль: если удастся, через 4 года и 6 месяцев, окончив институт агрономом, обзаведусь своим садиком, огородиком. Благодать-то была бы какая!..

6 августа. До чего скучно здесь! Опять я вспоминаю дом. Сейчас готовился к испытаниям – бросил, надоело. Человек не машина, чтобы всё время одним и тем же заниматься. Остаётся или спать, или ехать в город. Но спать я могу только ночью, а если ехать в город, то всё равно толку мало, только больше денег изведёшь.

Неделю ещё только прожил, а уж надоело-то как. И как это здесь люди живут? А ведь, пожалуй, нет в этом ничего удивительного. Возможно, и я буду доволен когда-нибудь такой жизнью и привыкну к ней, как привыкает к упряжке впервые попавший в неё жеребёнок.

10 августа. Выразишь ли при помощи слов то, что наболело на душе? Как же мне кажутся милы и родители с их простой, бесхитростной обстановкой и такой же жизнью! До чего мне мило это сейчас, когда я в отдалении! Теперь мне понятен плач матери обо мне, когда я сдавал в 1934 году в автодорожный техникум. Да и теперь она, должно быть, плачет. Это состояние я ещё только испытал, а у матери оно, наверное, скорее проявляется, слаба она на слёзы-то...

17 августа. Сегодня сдал последний предмет: географию. Вот мои оценки, которые я получил здесь на испытаниях: математика – «хор», литература – «отл», русский язык – «отл», немецкий – «хор», физика – «хор», политграмота – «хор», химия – «пос», география – «отл».

1 сентября. Сегодня был первый день занятий, которые прошли благополучно. Вспоминаю отъезд из дома. Вечером часов в восемь я собрался ехать, мать заплакала: «Один ведь. Было бы несколько человек, тогда другое дело», – объясняла она свой плач. Но к чему плакать? Ведь я не на войну, не в тюрьму и не на какое-то опасное дело еду. И в январе мы увидимся. Конечно, скучно им будет без меня... Странно, но при прощании меня взволновало расставание не с родителями, а с Томиком. Это потому, что родители знают, что я уезжаю и куда, а он нет, будет ждать меня с утра до вечера...

12 ноября. Смотрел кино «Последняя ночь». Очень хорошая картина. Показывает октябрьский переворот в Москве.

12 декабря. Сегодня знаменательный день – день выборов в Верховный совет. Мне посчастливилось: год первых выборов по новой Конституции совпал с годом моего совершеннолетия. Я не испытал никаких ограничений. Только что стал совершеннолетним, как сразу же имею полные права человечества. Я сегодня встал к 8 часам и пошёл голосовать. По Саратовскому областному избирательному округу в депутаты Верховного совета СССР выдвинуты Стромин Альберт Робертович и Дубинин Николай Николаевич. Мне дали два бюллетеня – с кандидатурами Строминина и Дубинина. Я в особой ком-

нате, оставив кандидатуры, не вычеркнув их, запечатал бюллетени в конверт, а затем опустил их в урну. Придя в общежитие, я прочитал в «Коммунисте» заметку о предвыборной кампании в Румынии. Невольно пришлось усмехнуться. Как далеки эти выборы от наших! У нас обязанностью каждого гражданина является участие в голосовании, а у них – участие рабочего народа в выборах считается нарушением закона, жестоко преследуется... Ну и выборы!

21 декабря. Сегодня слушал речь товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря. Казалось бы, что необычного в том, что говорит Сталин? Но нет, слушая его, делалось как-то более радостно. Хорошо он говорит, речь его простая, понятная народу.

24 декабря. Только сейчас прослушал по радио трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта». Я очень потрясён развязкой. Что за трагик был Шекспир! Как он может воздействовать на человека! Как правдиво он всё описывает и в какой форме! Возникает ненависть ко всем условностям и порядкам того времени. До чего глупо действовали люди, находившиеся под влиянием обычаев средневековья! Сравнивая время Шекспира с советским строем, я не нахожу слов для того, чтобы охарактеризовать контраст.

25 декабря. Сегодня принят в профсоюз.

1938 ГОД

1 февраля. Нахожусь в Карабулаке. В институте всё сдал 23 января. Трудно было сдавать, но всё-таки к каждому преподавателю я ходил по одному разу. По приезду мне бросился в глаза ряд недостатков в жизни родителей. В избе телёнок, в кухне он всё время пакостит. Матери приходится готовить еду и чистить за телёнком.

Интересно сопоставить дедушку и отца. Первый в домашнем хозяйстве очень аккуратен, всякая мелочь у него на месте. А у отца моего совсем нет дедушкиной аккуратности.

2 февраля. Прислали телеграмму из Москвы: умерла моя бабушка по матери. Хорошая была бабушка. До самой смерти работала. Ей, наверное, уже было 60 лет – рано умерла...

Итак, у меня из праотцов остался в живых только дедушка по отцу. Дедушку по матери я знаю только по фотокарточке и по разговорам о нём. Он служил в гвардии при царе, дослужился до какого-то чина и в империалистическую войну был убит неизвестно где и как. Говорят, был очень тихим, не пил спиртного, не курил, хорошо относился к детям, не заставлял их работать, говоря, что «придёт время, наработаются ещё». Но был несамостоятелен, часто обращался к другим за советами.

Другой мой дедушка противоположен первому. Это самостоятельная натура. В детстве был нищим. Потом приобрёл своё хозяйство. Работал у частного овчинника в Балтае (дед был отличным овчинником). Расширил хозяйство, стал зажиточным. По отношению к детям он был, можно сказать, даже безжалостным. Много заставлял работать, держал их в полном повиновении. С женой часто ругался, но тоже не пил и не курил. Часто вмешивался в женские хозяйственные дела, учил жену и снох, как что-либо делать. В общем, скандаль-

ный человек этот мой дедушка. Очень своенравный. Был раскулачен, но опять восстановлен, хоть и не получил ничего из домашних вещей.

22 февраля. За последнее время посмотрел фильмы «Партбилет», «Золотистая долина», «Золотое озеро», «Арсен».

28 февраля. Закончился процесс предварительного судебного следствия над Бухариным и его сподвижниками. Узнав об их гнуснейших методах борьбы с партией и лучшими людьми СССР, не можешь не прийти в негодование.

Оказывается, правильно я сказал Высотину в тот день, когда мы узнали, что Куйбышев умер, что его, наверно, отравили. К этому заключению я пришёл вот почему: мне показалось подозрительным то, что Куйбышев умер после убийства Кирова. Но я не мог подумать, что это дело рук наркома Ягоды. Что касается Максима Горького, то я вовсе не предполагал, что на такого великого человека и писателя поднимется чья-либо рука. Пусть какой-либо человек питал бы обиду или ненависть к Горькому, но какое может иметь значение эта ненависть по сравнению с той потерей, которую понесло всё человечество со смертью великого писателя!

23 марта. С большим удовлетворением отмечаю факт расстрела участников право-троцкистского блока.

Возвратились папанинцы. Я очень тревожился за их участь в конце дрейфа их льдины. Я ни одного выпуска последних известий по радио не пропускал. И вот упорство Арктики растаяло от настойчивости советских людей.

31 марта. Во внешнем мире творится неладное. Германия захватила Австрию без единого выстрела и готовится сделать то же самое и с другими малыми странами Европы. До чего наглы фашисты! Вот интересно: самые дрянные, презренные люди нашей эпохи имеют такую силу, такую власть над частью людей некоторых стран, такую угрозу создают для всего человечества! Фашизм, словно новая заразная болезнь, захватывает людей. Это серьёзная угроза. Казалось бы, Англия — сильная страна, и ей нечего в союзе с Францией бояться фашистских стран. Так нет же, с приходом Чемберлена к власти правительстве Англии стремится заключить с фашизмом какие-то договоры, даже в ущерб себе.

Границы республиканской Испании всё сокращаются.

Литва чуть не сделалась жертвой польского фашизма. Только вмешательство СССР, заявившего Польше, что он предоставляет себе свободу действий в случае, если Польша нападёт на Литву, помогло избежать Литве участи Австрии.

Одно радует во внешнем мире: всё возрастающая активность китайских войск, сильно жмущих японцев.

16 мая. Получил письмо от родителей, в котором они сообщают, что мой дедушка умер 10 мая от паралича сердца. Отец мой привёз дедушку из Балтая на Пасху (Пасха была 24 апреля) уже совсем больного. А после переезда ему стало ещё хуже. Хорошим человеком был дедушка для меня, хотя иногда со мной и строго обходился. Всё детство я провёл в семье дедушки и бабушки, они любили меня больше всех внучат. Дедушка и перед смертью, дня за два, пишет мать, всё звал меня: «Вася, Вася, подойди ко мне». А вечером его ударил паралич.

«Обрядили мы его хорошо, поминали его хорошо: народу было на два стола», — пишет мать.

11 июля. Нахожусь в Карабулаке. С экзаменами обошлось всё более или менее благополучно, но не без огорчений. Сдал ботанику на «отлично», но провалился по аналитической химии. Потом передал её на «удовлетворительно». Органическую и коллоидную химию я сдал на «отлично» — усиленно готовился к экзаменам. Но неудача с аналитикой на меня подействовала сильно, хоть я и не подавал виду.

30 июля. Думал, что, как только сдам всё, пойду осмотрю достопримечательности города. Но скучно в жару шататься по городу, притом одному. В институте у меня в этом году не было друзей. Я поскучал-поскучал, взял билет и уехал в Карабулак 3 июля. 5 июля я сходил с матерью в Балтай поесть плодов и ягод. Многое в Балтае изменилось. Многое разрушено. Разрушения коснулись главным образом построек и садов. Какие сады были прежде в селе, как вишнёво-сливовые, так и фруктовые! Сейчас же целые сады вырублены. Нет домов иногда по несколько подряд.

Бабушки и дедушки уже нет, и обстановка в их бывшем доме уже не та, что была при них, в моё детство, которая так была мне мила. Вот интересно: всё, что связано с детством — и внешний облик всего села, и его улицы, и расположение построек в то время, и наш двор, и тогдашние сады — всё это вызывает приятное, нежное воспоминание, всё кажется теперь милым, словно волшебным, уже теперь недосыгаемым, но приятным.

Если у меня будут дети, то я уже теперь решил их воспитывать как следует, чтобы была польза государству. Но вряд ли я когда-нибудь женюсь и у меня будут дети. Во мне возникает величайшее отвращение к семейной жизни, какой бы она ни была. Это ещё с десятого класса у меня появилось безразличие к девушкам. Только однажды одна девушка в институте произвела на меня большое впечатление. Как-то раз я стоял в очереди за тетрадами, спросил, кто последний. Последней была эта девушка. Она мне очень понравилась, у неё были прекрасные глаза и приятное выражение лица. Можно было бы познакомиться, но я не подал виду, что она мне понравилась. Я не против был бы, если бы у меня была хорошая подруга, с которой можно было поделиться мнением о чём-либо, впечатлениями, планами, но с девушкой невозможно дружить, всё это выливается в форму взаимной любви, кончается либо женитьбой, либо разрывом.

3 августа. Приехал я из Вольска 31 июля. Выехал туда 13 июля. Теперь знаю, что это за Вольск. Как город он мне не понравился: не благоустроен как следует. Улицы немощёные, каменистые очень, очень неровные, слишком пыльные. Только Революционная улица (бывшая Московская) и частью улица Октябрьская — приличные, тротуары выложены каменными плитами, а середина улиц выложена камнем. Почти все другие улицы или не вымощены совсем, или же по бокам выложены кирпичом, сильно вытертым, выбитым. Но в большинстве случаев и этот тротуар потерял целостность, и отставшие отдельные кирпичи только мешаются под ногами. Асфальта нет. Постройки большей частью как у нас в Карабулаке. В общем, Вольск — это большое село с развитой цементной про-

мышленностью и мелкими предприятиями других видов промышленности (известковой, кожевенной), с вокзалом и с названием «город».

Жил я у Вити Хорошина. Вот хорошие люди, вся их семья – простые, всегда весёлые. При мне ни разу не ругались друг с другом, да и вряд ли они когда ругаются. Интересно, приходят ли они когда-нибудь в продолжительное уныние? Например, при мне у них упал шкаф с посудой, которая почти вся разбилась (а её было значительное количество). Увидевшая это тётя Поля слегка поохала, но затем успокоилась и начала шутить, а дядя Ефим даже виду не подал, что огорчился случившимся. На их месте другие пришли бы даже в отчаяние от пропавшего добра.

Эту черту Хорошиных-родителей – не поддаваться унынию – я очень ценю. Кроме того, Хорошины очень гостеприимны. Я у них прожил целый месяц благодаря тому, что они сами меня удерживали.

Жил я у них довольно хорошо. Читал книги, журналы. Пробовал рисовать. Но меня тянуло что-нибудь мастерить, а здесь нельзя было это делать. Я читал там Эмиля Золя «Нана», но, не дойдя до середины, бросил читку из-за скверных, пошлых действий, там описываемых. Неужели у парижской знати такая пошлая жизнь? Скверно. Прочёл я Майна Рида «Ползуны по скалам», которая мне понравилась более или менее, Сергель «Экскурсии в лодке и пешком», Анри Пуадено «На краю мола». Эта книжка мне не понравилась: много здесь мест туманных, символических, написанных плохо, непонятно. К. Гагенбек «О животных и людях», Глазенап «Друзья и любители астрономии» – в этих книгах я нашёл много ценного.

23 августа. Уже несколько дней не слышно о военных действиях у озера Хасан. Должно быть, они совсем прекращены. Когда начались бои, налёты японцев на нашу территорию, я не мог понять, за каким чёртом японцы к нам лезут? С Китаем второй год бьются и никак его не одолеют, да ещё к нам суются. А ведь СССР – это не Китай, сила СССР признана всеми странами. Только Япония как будто этого не видит.

Потом я узнал, почему это японцы вдруг стали такими «героями». Оказывается, их натравили на нас Гитлер с Муссолини, чтобы отвлечь внимание СССР от положения в Европе и, пользуясь этим, кое-что натворить там.

Хорошо для них, что Советский Союз не повёл войну, а ограничился только вышибательными методами. Но многие, первым делом мой отец, к этому отнеслись как к началу войны, в которую втянется вся страна. Вообще-то, как я несколько раз замечал, он в большинстве случаев из лягушки выдувает вола.

26 августа. Неприятный случай произошёл у меня здесь, в Карабулаке, с соучениками, со школьными товарищами. Они решили сделать 23 августа прощальный вечер. Присутствовать там должны были, можно сказать, избранники-друзья и хорошие товарищи, конечно, с девочками. Будут ряд выступлений, танцы, игры и угощение, понятно, с выпивкой. Пригласили и меня, чтобы я пришёл с гармонью, а то там некому будет играть. Согласился бы, если бы там не было девочек и вина. «Вы там будете пить, а я что буду делать?» Ребята посмеялись надо мной, что я «боюсь девочек», но, как ни упра-

шивали, я не пошёл. Девочки тоже просили, я не пошёл. Жалко, обидел я ребят своим отказом, да что поделаешь, примирятся. Они знают уже давно мои странности.

24 сентября. Сегодня выдался прекрасный день: наша группа ходила на геоэкскурсию в окрестности Саратова под руководством преподавателя геологии О. А. Сахаровой. Мы вышли из дома в 8 утра и воротились в 7,5 часов вечера. Весь день продолжалась экскурсия. Результаты экскурсии для меня огромны. До этого я совершенно не разбирался в окружающих меня породах, хотя и очень ими интересовался, но узнать негде было. Сейчас же мои знания расширились, у меня есть образцы с названиями более 30 пород. Кроме того, я собрал окаменевшие, прекрасно сохранившиеся зубы акулы, чешую рыб древних, часть зуба ихтиозавра, позвонки рыб. Да, день был очень плодотворен!

21 октября. Сегодня продавались новые книги «История ВКП (б)». Ввиду этого занимаемся сегодня с 12 часов, а до этого, кто хочет, идёт в город за книгами. Я тоже пошёл. Я никогда не видел, чтобы за книгами люди становились в такие длинные очереди. Здесь были и студенты, и военные, и служащие, и рабочие. Каждый стремился взять себе книгу.

11 ноября. Сегодня утром я сделал неприятное и вместе с тем приятное открытие. Полез в портфель, смотрю, какая-то бумажка там лежит. Ничего не предполагая, беру её, читаю и от неожиданности даже обомлел, даже похолодел весь. «Вася!!! Не думайте, что это шутка, мне очень хочется с Вами познакомиться. Если Вы не против это сделать, то приходите, пожалуйста, 11 ноября в клуб в 9 часов, и я к Вам подойду, только будьте одни. Стойте около стенной газеты. Я надеюсь, что я для Вас буду интересным человеком. 10.11.38. С приветом, Рита».

Что же это за Рита? Возможно, псевдоним, или автор учится на другом каком-либо курсе?

11 ноября у нас в клубе должен был состояться «Цыганский концерт». Из-за этого письма я сначала думал не пойти на концерт, чтобы не встретиться с этой Ритой. Я не хотел с ней познакомиться. И всё же я отправился на концерт, но к стенгазете не подошёл. Так и осталась эта Рита таинственной. Тем лучше.

Продолжение следует.

Театр оперы и балета

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 08 декабря 2016 года.

Дата выхода в свет 31 декабря 2016 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 13/08126

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

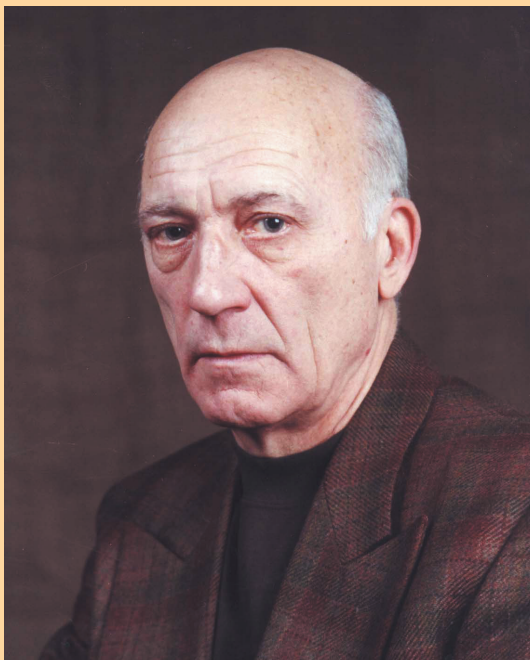

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2016.

© «Волга–XXI век», 2016.

Народный артист РФ Евгений Миронов
в фильме «Идиот»

Народный артист РСФСР
Александр Галко

Сцена из спектакля «Маленькая Баба-Яга»
(Саратовский академический театр юного зрителя им. Ю.П. Киселёва)

